

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 18, part 3

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2022

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 18, часть 3

Главный редактор Е. В. Головкин

2022

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2022. — Т. 18. Ч. 3. — 264 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2022. — Vol. 18. Pt. 3. — 264 p.

Ответственные за выпуск от редколлегии:

М. Д. Воейкова, Г. А. Мольков, А. Ю. Русаков, С. С. Сай

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737183

© ИЛИ РАН, 2022
© Составление. Редколлегия
журнала, 2022

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбуринов (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елоева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва) д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. А. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

<i>А. П. Выдрин</i>	
Переходность в осетинском языке	11
<i>А. Е. Gavriusheva</i>	
Die Ausprägung von Ususbesonderheiten in den Nürnberger Handschriften des XV. Jahrhunderts	31
<i>Е. М. Gridneva</i>	
Mixed languages: Patterns of lexification of the core vocabulary	50
<i>П. В. Гращенков</i>	
О синтаксической селекции (группы) прилагательного	72
<i>У. У. Dyachkov</i>	
Deverbal adjectives are different from regular participles: The case of Natioro (Gur)	104
<i>Н. В. Карева, М. Г. Шарихина</i>	
«Грамматика французская о согласии или сочинении девяти частей слова» И. С. Горлицкого (1724): прагматика, источники и языковые особенности	130
<i>М. М. Мазняк, О. В. Тихонова</i>	
К вопросу о палеографии текстов на испанском языке в еврейской графике: обозначение сибилантов	153
<i>И. В. Саркисов</i>	
Социолингвистическая ситуация в селе Урмия	181
<i>А. А. Трофимов</i>	
Латинские рефлексy праиндоевропейских долгих слоговых плавных вида <i>CoRC</i> / <i>CuRC</i>	206

Этика научных публикаций	255
Publication Ethics	259

Contents

<i>Arseniy P. Vydrin</i>	
Transitivity in Ossetic language	11
<i>Aleksandra E. Gavriusheva</i>	
Representation of specific features of the written usage in Nuremberg manuscripts of the XV century.	31
<i>Ekaterina M. Gridneva</i>	
Mixed languages: Patterns of lexification of the core vocabulary	50
<i>Pavel V. Grashchenkov</i>	
On syntactic selection of adjective (phrases)	72
<i>Vadim V. Dyachkov</i>	
Deverbal adjectives are different from regular participles: The case of Natioero (Gur)	104
<i>Natalia V. Kareva, Milyausha G. Sharikhina</i>	
<i>The French grammar on coordination or conjunction of nine parts of speech</i> by I. S. Gorlitsky (1724): Pragmatics, sources and linguistic features	130
<i>María M. Mazniak, Oxana V. Tikhonova</i>	
On the paleography of Spanish texts in the Hebrew script: Designation of sibilants	153
<i>Ivan V. Sarkisov</i>	
The sociolinguistic landscape in the village of Urmia	181
<i>Artem A. Trofimov</i>	
Latin reflexes of PIE long syllabic liquid sonants of type CoRC/ CuRC	206

Publication Ethics (in Russian) 255
Publication Ethics 259

Переходность в осетинском языке

А. П. Выдрин

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
senjacom@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются нетривиальные особенности категории переходности в осетинском языке (иронский диалект). В этом языке переходность может выражаться с помощью чередования гласного в корне, разных вспомогательных глаголов и разных типов спряжения в прошедшем времени и контрфактиве. Статья посвящена подробному рассмотрению распределения переходного типа спряжения по глагольной лексике осетинского языка. В результате исследования обнаружено 32 глагола, имеющих непереходную семантику и использующих при этом переходный тип спряжения. Данные осетинского языка сравниваются с данными других восточноиранских языков, где также обнаруживаются небольшие классы семантически непереходных глаголов, функционирующих как переходные. Обнаруженное явление в осетинском языке расширяет типологические представления об иранских языках.

Ключевые слова: переходность, осетинский язык, иранские языки, типология.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00581А.

Transitivity in Ossetic language

Arseniy P. Vydrin

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); senjacom@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to a study of transitivity in the Ossetic (Iron) language. Ossetic marks transitive / intransitive opposition in different ways: vowel (and, more rarely, consonant) alternations in the verb stem, different copulas and two types

of conjugation. The vowel alternation (strong vowels marking transitive and weak vowels, intransitive meaning) is only used in a limited class of verbs. The majority of Ossetic verbs are complex verbs, i.e. verbal units which consist of a nominal and a verbal part. In general, the verb *wɜvən* 'to be, to become' conveys intransitive and the verb *kɜnən* 'to do', transitive meaning. Transitive and intransitive verbs have different conjugations in the Past and Counterfactive.

In this paper, I discuss the correlation between the verb semantics and the conjugation types. The study of the Ossetic verbal lexicon reveals a number of peculiarities: 1. There is a class of 32 semantically intransitive verbs which obligatorily use the transitive conjugation; 2. There are semantically transitive verbs which use the intransitive conjugation; 3. There are labile verbs which use either the transitive or the intransitive conjugation depending on their transitive / intransitive semantics; 4. There are labile verbs which always use only one type of conjugation regardless of their transitive or intransitive semantics. In the paper, I discuss in detail only the first class of verbs (semantically intransitive verbs with the transitive conjugation). A small class of semantically intransitive verbs which function as transitives is also attested in other Eastern and some Western Iranian languages [Edelman 1990]. The Ossetic data proposed in this paper serve to enrich the typological landscape of Iranian languages.

Keywords: transitivity, Ossetic language, Iranian languages, typology.

Acknowledgments. This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 19-012-00581A.

1. Введение

1.1. Общие замечания

Статья посвящена осетинскому литературному языку, основанному на иронском диалекте. В статье рассматриваются только морфологические глагольные показатели, входящие в парадигму осетинского глагола. Каузативы, рефлексивы и прочие категории, которые связаны с переходностью, но выражаются в осетинском языке аналитически, намеренно оставлены за рамками настоящей статьи. В статье специально не рассматриваются вопросы синтаксиса.

В осетинском языке отмечается богатая падежная система и дифференцированное маркирование объекта. Прямой объект обычно маркируется номинативом или генетивом. Описание особенностей маркирования прямого объекта в осетинском языке также оставлено за рамками настоящей статьи.

Настоящая статья посвящена нетривиальным морфологическим особенностям категории переходности в осетинском языке. В грамматиках отмечается несколько средств выражения переходности: чередование гласного в корне, использование разных вспомогательных глаголов и разные типы спряжения в прошедшем времени и контрфактиве. В следующих подразделах будут кратко рассмотрены все перечисленные способы. Под морфологической переходностью имеется в виду переходный тип спряжения глагола. Выражение «переходное / непереходное значение» используется для описания значения прототипически переходного / непереходного глагола. Семантически переходный глагол — глагол, выражающий переходное значение. Синтаксически переходный глагол — глагол, имеющий прямой объект.

1.2. Чередование гласного в корне

Некоторые осетинские глаголы сохранили древнеиранскую модель чередования гласных в корне, которое выражает переходность / непереходность глагола. Все глаголы с устойчивым гласным (*a*, *y*) имеют переходное значение, а с неустойчивым (*a*, *ы*) — непереходное (также есть более редкие чередования: *o* у переходного глагола, *ui* или *уы* у непереходного). Ниже приводится список пар глаголов, которые образованы по модели чередования гласного (из работы [Абаев 1959: 57–58], см. также работу [Тедеев 1989]):

авхалын ‘повреждать’ — *авхалын* ‘повреждаться’
авзарын ‘выбирать’, ‘отделять’ — *авзарын* ‘отбираться’,
‘отделяться’
алвасын ‘извлекать’ — *алвасын* ‘извлекаться’
аендадзын ‘припаивать’ — *аендадзын* ‘прилипать’

аенкъусын ‘шатать’ — *аенкъуысын* ‘шататься’
аемпулын ‘комкать’ — *аемпылын* ‘морщиться’
афсадын ‘насыщать’ — *афсаедын* ‘насыщаться’
афтауын ‘прибавлять’ — *афтын* ‘прибавляться’
аразын ‘делать’ — *араезын* ‘устраиваться’
здахын ‘возвращать’ — *здаехын* ‘возвращаться’
згъалын ‘сыпать’ — *згъалын* ‘сыпаться’
иртасын ‘отделять’ — *иртасын* ‘отделяться’
ивазын ‘растягивать’ — *ивазын* ‘растягиваться’
калын ‘лить’ — *калын* ‘литься’
ласын ‘тащить’ — *лаесын* ‘плестись, тащиться; волочиться’
марын ‘убивать’ — *маэлын* ‘умирать’
ныхасын ‘клеить’ — *ныхасын* ‘клеиться’
садзын ‘всаживать’, ‘сажать’, ‘втыкать’, ‘вонзать’ — *саедын*
‘вязнуть’
сафын ‘терять’, ‘губить’, ‘уничтожать’ — *сафын* ‘теряться’,
‘пропадать’, ‘гибнуть’
тадзын ‘лить по капле’ — *таедын* ‘течь каплями’, ‘сочиться’,
‘протекать’
фалдахын ‘переворачивать’ — *фалдаехын* ‘переворачиваться’
фадын ‘колоть’ — *фаедын* ‘раскалываться’
хъусын ‘слышать’ — *хъуысын* ‘слышаться’
хъауын ‘потреблять’, ‘расходовать’, ‘причинять ущерб’ —
хъауын ‘быть нужным’
халын ‘разрушать’ — *хаэлын* ‘разрушаться’
хонын ‘называть’ — *хуинын* ‘называться’

У некоторых глаголов помимо чередования гласного происходит также вставка согласного *с* в непереходном члене пары [Абаев 1959, 58]:

тавын ‘греть’ — *тафсын* ‘согреваться’
ладарын ‘давать стечь’ — *ладаерсын* ‘стекать’
удайын ‘мочить’ — *удаесын* ‘мокнуть’¹

¹ В данной паре происходит также выпадение *й* у переходного глагола.

тухын ‘кутать’ — *тыхсын* ‘обвиваться’
здухын ‘крутить’ — *здыхсын* ‘скручиваться’
ахорын ‘красить’ — *ахуырсын* ‘окрашиваться’
радувын ‘рвать’ — *радыфсын* ‘разрываться (о коже)’

Существуют также глаголы, у которых не происходит чередования гласного, однако происходит вставка согласного:

дымын ‘надувать’ — *дымсын* ‘надуваться’
скъуынын ‘рвать’ — *скъуыйын* ‘рваться’

Чередование гласного в корне или добавление согласного не является продуктивным явлением и ограничено закрытым списком глаголов.

1.3. Выбор вспомогательного глагола

В осетинском языке бóльшая часть глагольной лексики представлена так называемыми сложными глаголами — глагольно-именными словосочетаниями, которые обладают свойствами единства. В настоящей статье я не буду останавливаться на тонкостях устройства сложных глаголов в осетинском языке (см. работу [Выдрин 2014]), отмечу лишь, что модель сложных глаголов является продуктивной моделью пополнения глагольной лексики. В качестве вспомогательного глагола обычно используются глаголы *уавын* ‘быть, становиться’ и *канын* ‘делать’. В. И. Абаев [1959: 90] отмечает, что в случае беспревербного² сложного глагола со вспомогательным глаголом *канын* ‘делать’ значение может быть как переходным, так и непереходным. Например, *иу канын* (букв. «один делать») ‘объединять’, ‘объединяться’. Однако у превербного сложного глагола,

² Превербные глаголы — глаголы, имеющие аспектуально-дейктический префикс. В осетинском языке существует восемь продуктивных превербов: *a-*, *æp-*, *æрба-*, *ба-*, *ны-*, *ра-*, *с-*, *фæ-*. Беспревербные глаголы — глаголы, не имеющие такого префикса.

допускающего и переходное, и непереходное значение, вспомогательный глагол *кæнын* ‘делать’ употребляется только для выражения переходного значения, а вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ — только для передачи непереходного значения. Например, *рох кæнын* (букв. «забытый делать») ‘забывать’, ‘забываться’, *фæ-рох код-т-он* (PREF-забытый делать.PST-TR-PST.1SG) ‘я забыл’, *фæ-рох дæн* (PREF-забытый быть.PRS.1SG) ‘я забыл’.

Каузативы в осетинском языке образуются также с помощью вспомогательного глагола *кæнын* ‘делать’. Например, *бадын* ‘сидеть’ — *бадын кæнын* ‘сажать’, *фыссын* ‘писать’ — *фыссын кæнын* ‘заставлять писать’.

Чередование в корне и использование разных вспомогательных глаголов для выражения переходных / непереходных значений рассматриваются в осетинских грамматиках и специальных исследованиях (например, [Абаев 1959; Тедеев 1989]). Далее я не буду останавливаться на этих явлениях.

1.4. Спряжение

В осетинском языке в прошедшем времени индикатива и в контрфактиве у переходных и непереходных глаголов выделяются разные спряжения. Во всех остальных временах и наклонениях спряжения переходных и непереходных глаголов не различаются. Разные типы глагольного спряжения отмечаются в грамматиках, однако особенности распределения глагольной лексики по этим спряжениям, насколько можно судить по имеющейся литературе, никогда еще не описывались.

В настоящей статье будут рассмотрены особенности именно этого способа выражения категории переходности в осетинском языке.

При написании статьи использовались словари осетинского языка [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989; Габараев 2002; Гуриев, Гутиева 2016–2019], данные, полученные из Осетинского национального корпуса (ОНК <http://corpus.ossetic-studies.org/>), Устного корпуса осетинского языка (<https://www.ossetic-studies.org/ru/texts>), а также материал, собранный от носителя осетинского языка.

2. Парадигмы

Глагол в осетинском языке изменяется по трем временам (настоящее, прошедшее и будущее) и пяти наклонениям (индикатив, конъюнктив, оптатив, контрфактив и императив) [Выдрин 2014]. Категория времени присуща только индикативу. Парадигмы времен и наклонений устроены по одной и той же модели: глагольная основа (настоящего или прошедшего времени) и лично-числовое окончание. В осетинском для разных времен и наклонений используется пять уникальных наборов глагольных окончаний.

При синхронном рассмотрении глагольных парадигм в формах будущего времени, контрфактива и прошедшего времени переходного спряжения между основой и флексией возможно вычленение глагольных суффиксов будущего времени (-*дзын-* / -*дзæн-* / -*дзы-*), контрфактива (-*а-*) и переходности (-*т-*) соответственно.

Категория переходности выражается только в прошедшем времени и контрфактиве. Ниже приводятся таблицы парадигм этих форм³.

Таблица 1. Формы прошедшего времени индикатива переходного глагола *кæнын* ‘делать’ (*код-* — основа прошедшего времени) и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’ (*цард-* — основа прошедшего времени)

Table 1. Past Indicative of the transitive verb *kzæn* ‘to do’ (*kod-* is the past stem) and the intransitive verb *sʒræn* ‘to live’ (*sard-* is the past stem)

	<i>кæнын</i> ‘делать’		<i>цæрын</i> ‘жить’	
	SG	PL	SG	PL
1	<i>код-т-он</i>	<i>код-т-ам</i>	<i>цард-тæн</i>	<i>цард-ыстæм</i>
2	<i>код-т-ай</i>	<i>код-т-ат</i>	<i>цард-тæ</i>	<i>цард-ыстут</i>
3	<i>код-т-а</i>	<i>код-т-ой</i>	<i>цард-ø, цард-и(с)</i>	<i>цард-ысты</i>

³ Более подробное обсуждение особенностей осетинской глагольной флексии выходит за рамки настоящей статьи.

Таблица 2. Формы контрфактива переходного глагола *кæнын* ‘делать’ и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’

Table 2. Counterfactive of the transitive verb *kænən* ‘to do’ and the intransitive verb *særən* ‘to live’

	<i>кæнын</i> ‘делать’		<i>цæрын</i> ‘жить’	
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	<i>код-т-а-ин</i>	<i>код-т-а-иккам</i>	<i>цард-а-ин</i>	<i>цард-а-иккам</i>
2	<i>код-т-а-ис</i>	<i>код-т-а-иккат</i>	<i>цард-а-ис</i>	<i>цард-а-иккат</i>
3	<i>код-т-а-ид</i>	<i>код-т-а-иккой</i>	<i>цард-а-ид</i>	<i>цард-а-иккой</i>

Как видно из *Таблиц 1* и *2*, переходность выражается с помощью суффикса *-т-*, который помещается между основой прошедшего времени и окончанием. У некоторых переходных глаголов удвоение *дт* (последняя буква основы и суффикс переходности) не появляется по фонологическим причинам. А именно, удвоение нивелируется после щелевых *с, х, ф, з, гъ, в* [Абаев 1959: 72]. Например, глагол *сафын* ‘терять’ имеет основу прошедшего времени *сæфт* и изменяется по переходному спряжению, однако суффикс переходности *-т-* у него не возникает, см. таблицу ниже.

Таблица 3. Формы прошедшего времени и контрфактива глагола *сафын* ‘терять’ (*сæфт* — основа прошедшего времени)

Table 3. Past and Counterfactive of the verb *šafən* ‘to lose’ (*šəft-* is the past stem)

	Прошедшее времяя		Контрфактив	
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	<i>сæфт-он</i>	<i>сæфт-ам</i>	<i>сæфт-а-ин</i>	<i>сæфт-а-иккам</i>
2	<i>сæфт-ай</i>	<i>сæфт-ат</i>	<i>сæфт-а-ис</i>	<i>сæфт-а-иккат</i>
3	<i>сæфт-а</i>	<i>сæфт-ой</i>	<i>сæфт-а-ид</i>	<i>сæфт-а-иккой</i>

Если в контрфактиве показателем переходности является только суффикс *-т-*, то в прошедшем времени переходность выражается также разным набором лично-числовых окончаний. У переходных глаголов используются окончания *-он, -ай, -а, -ам, -ат, -ой* (см. *Таблицу 1*),

совпадающие с окончаниями конъюнктива. Непереходные глаголы используют специализированные окончания *-таен, -тае, -и(с)* (или нулевое окончание), *-ыстаем, -ыстут, -ысты*. У глаголов с исходом на щелевой, таких как *сафын* ‘терять’, переходность выражается только в прошедшем времени специальными переходными лично-числовыми окончаниями (см. *Таблицу 3*). В контрфактиве спряжение таких глаголов идентично спряжению непереходных глаголов.

Выражение переходности в прошедшем времени — тривиальное явление для восточноиранских языков, а также для некоторых западноиранских. Во многих современных иранских языках в прошедшем времени отмечается эргативная конструкция. Однако, согласно доступным грамматикам современных восточноиранских языков, ни один из них не выработал полноценную лично-числовую переходную парадигму. В отдельных языках Памира выделяются парадигмы для переходных глаголов, однако при более внимательном рассмотрении этих парадигм оказывается, что переходность различается только в отдельных лицах и числах. Например, в описаниях мунджанского языка у глагола в прошедшем времени выделяется две парадигмы — непереходная и переходная. Однако переходность / непереходность различается только в единственном числе и только в 1 и 2 лице. Ср. таблицы ниже (из работ [Грюнберг 1972: 430; Грюнберг 1987: 216]).

Прошедшее время переходного глагола		
	Sg	Pl
1	-əm	-ām
2	-ət	-āf
3	-ø, -a	-āt

Прошедшее время непереходного глагола		
	Sg	Pl
1	-ām	-ām
2	-āy	-āf
3	-ø, -a	-āt

3. Морфологическая переходность vs семантика глагола

Распределение глагольной лексики по переходному и непереходному спряжению в осетинском языке в общей массе соответствует лингвистической идее переходности [Hopper, Thompson 1980]. Переходные предикаты обычно спрягаются по переходному типу; непереходные предикаты по большей части спрягаются по непереходному типу.

При написании настоящей статьи была исследована вся глагольная лексика осетинского языка и обнаружено несколько нетривиальных особенностей. В частности, в осетинском языке обнаружено 32 одноактантных глагола, имеющих непереходное значение и при этом спрягающихся по переходному типу. При подсчете таких глаголов рассматривались только беспревербные простые глаголы. Практически каждый из обнаруженных 32 глаголов может образовывать так называемые превербные глаголы (от одного до восьми превербных глаголов), т. е. глаголы, имеющие аспектуально-дейктический префикс. Превербные глаголы сохраняют тип спряжения исходного глагола. Значение превербного глагола может сильно отличаться от исходного. С лексикографической точки зрения превербные глаголы следует рассматривать как отдельные лексемы.

Ниже приводится список обнаруженных семантически и синтаксически непереходных глаголов, изменяющихся по переходному спряжению. В скобках дается форма глагола 3SG прошедшего времени, показывающая переходное спряжение глагола:

1. *зæмбын* (*зæмбыдта*) ‘зевать’
2. *æхснырсын* (*æхснырста*) ‘чихать’
3. *омын* (*омдта*) ‘рвать, тошнить’
4. *ныкъулын* (*ныкъуылдта*) 1) ‘моргать’; 2) ‘мерцать, мигать’ (например, о звездах)
5. *кауын* (*куыдта*) ‘плакать’

6. *дудын (дудыдта)* ‘зудеть’⁴
7. *дауын (даудта)* ‘метать икру’
8. *зырхын (зырхта)* ‘радоваться’, ‘веселиться’, ‘забавляться’
9. *хъырнын (хъырныдта)* 1) ‘подпевать’, ‘вторить’; 2) ‘визжать (о животных)’
10. *уынаргъын (уынаргъыдта)* ‘стонать’, ‘выть’ (о человеке; метели, животном, музыкальном инструменте)
11. *хъарзын (хъарзыдта)*; также отмечается непереходная форма *хъарзыди* ‘стонать’, ‘охать’ (об одушевленном или неодушевленном субъекте (земля, снег))
12. *дыназын (дыназта)* ‘стонать’, ‘плакать’; ‘мучиться’; ‘вопить’
13. *нууын (нуудта)* ‘выть’, ‘завывать’ (например, о ветре, волках)
14. *рæйын (рæйдта)* ‘лаять’
15. *æмбухын (æмбыхта)* 1) ‘мычать’, ‘реветь’; 2) перен. ‘кричать’; ‘сильно беспокоиться’
16. *згъорын (згъордта)* ‘бежать’
17. *цудын (цудыдта)* 1) ‘колебаться’, ‘шататься’, ‘качаться’; 2) ‘спотыкаться’
18. *тындзын (тындзыдта)* 1) ‘стремиться’; 2) ‘спешить’ (об одушевленном или неодушевленном субъекте)
19. *симын (симдта)* ‘исполнять танец симд’
20. *сырын (сирдта)* 1) ‘идти иноходью’; 2) ‘плясать’
21. *лууырын (лауырдта)* ‘прыгать’; ‘вскакивать’

⁴ Один из рецензентов отметил, что этот глагол использует также непереходную форму *дудтис* (рст.3sg). Непереходная форма отсутствует в ОНК. В ходе опроса четырех информантов (постоянных жителей Северной Осетии) выяснилось, что только один информант допускает образование непереходной формы *дудтис* (при этом переходную форму *дудыдта* этот информант считает более правильной). Таким образом, если у этого глагола и существует непереходный вариант *дудтис*, то этот вариант является маргинальным.

22. *абухын (абухта)* 1) ‘волноваться’ (о море); 2) ‘бушевать’, ‘буйствовать’, ‘бесчинствовать’ (например, о метели); 3) ‘реветь’, ‘мычать’
23. *абузын (абузта)* ‘вспучиваться’, ‘разрастаться’, ‘бурлить’, ‘вспухать’; ‘покрыться слоем льда’
24. *фәйлауын (фәйлыдта)* 1) ‘волноваться’ (о море); 2) ‘колыхаться’, ‘развеваться’ (например, знамя)
25. *әрттивын (әрттивта)* 1) ‘блестеть’, ‘блистать’; 2) ‘сиять’; 3) ‘сверкать’; 4) ‘лосниться’
26. *дымын (дымдта)* 1) ‘курить’ (сигареты); 2) ‘дуть’ (о ветре)
27. *хъарын (хъардта)* 1) ‘просачиваться’, ‘проникать’ (о жидкости); 2) ‘действовать’, ‘оказывать действие’, ‘влияние’
28. *ахадын (ахадыдта)* 1) ‘иметь значение’, ‘значить’, ‘играть роль’; 2) ‘быть значительным’ (например, о запасах)
29. *әндидзын (әндидзыдта)* ‘поправляться’ (после болезни), ‘выздоровливать’; ‘заживать’ (о ране); восстанавливаться
30. *уайсадын (уайсаеста)* уст. ‘молчать’ (в присутствии старших — о невестке)
31. *кувын (куывта)* 1) ‘кланяться’; ‘нагибаться’; 2) ‘молиться’, ‘произносить молитву’
32. *каерзын (каерзыдта)* ‘содрогаться’, ‘вздрагивать’

В ходе исследования был также обнаружен глагол *кусын (куыста)* ‘работать’, ‘трудиться’; ‘действовать’, ‘заниматься’, который изменяется по переходному спряжению. Однако данный глагол даже при беспревербном употреблении может иметь второй актант и использоваться в переходном значении ‘зарабатывать’. Таким образом, этот глагол является тривиальным для нашего рассмотрения (семантически и синтаксически переходный с переходным спряжением).

Приведенный список глаголов можно разделить на следующие семантические классы:

1. Физиологические явления, а также эмоции (глаголы 1–8)
2. Звукопорождение (глаголы 9–15):
 - 2а. О человеке или животном (глаголы 9–15)
 - 2б. О неодушевленной сущности (глаголы 10, 11, 13)
3. Глаголы движения и перемещения, субъект которых может быть одушевленным или неодушевленным (глаголы 16–21)
4. Глаголы, субъектом которых является стихия (глаголы 22–26)
5. Глаголы с неодушевленным субъектом и абстрактным значением⁵ (27–28)
6. Прочие глаголы (29–32)

Отметим некоторые особенности приведенного списка. В списке морфологически переходных, но семантически и синтаксически непереходных глаголов не удастся обнаружить единую семантическую или какую-либо другую общую объединяющую особенность. Помимо первого класса из 8 глаголов, во всех остальных выделенных классах субъект может быть неодушевленным. Класс 4 использует только неодушевленный субъект, класс 5 — по большей части неодушевленный.

Другая особенность приведенного списка заключается в его непродуктивности и закрытости. У большинства выделенных семантических классов существуют глаголы со сходной семантикой и непереходным спряжением. Например (у каждого глагола в скобках дана форма 3sg прошедшего времени, показывающая непереходный тип спряжения):

Класс 1 (физиологические явления, а также эмоции)

мизын (мызти) 1) ‘мочиться’; 2) ‘просачиваться’, ‘течь’

сєрхєцын (сєрхєцыд) ‘поперхнуться’

улаєфын (улаєфыд) 1) ‘дышать’; ‘вдыхать’; 2) ‘отдыхать’

⁵ Один из рецензентов заметил, что следует более точно определить данное значение. Однако более точно данный класс не удастся охарактеризовать по причине скудости материала (только два глагола).

худын (худ) ‘смеяться’
хуыфын (хуыфыди) ‘кашлять’
рæсийын (рæсыди) ‘опухать’

Класс 2 (звукорождение) и 4 (глаголы, субъектом которых является стихия):

наетын (наетыд) ‘стонать, охать, кряхтеть’
уасын (уасыд) 1) ‘свистеть’, ‘гудеть’; 2) ‘играть’ (на каком-л. духовом инструменте); 3) ‘издавать звуки’ (о животных, например ‘мычать’, ‘блеять’, ‘мяукать’, ‘кричать’; о птицах, например, ‘петь’, ‘каркать’ и др.)
наерын (наерыд) ‘греть’ (например, о громае)
зарын (зарыд) ‘петь’

Класс 3 (глаголы движения)

кафын (кафыд) ‘танцевать’
лидзын (лыгъди) 1) ‘убегать’; 2) ‘переселяться’
уайын (уади) 1) ‘скакать’, ‘бегать’, ‘мчаться’; 2) ‘течь’

Нужно отметить, что нетипичное распределение типов спряжения затрагивает в осетинском языке не только семантически и синтаксически непереходные глаголы, но и семантически и синтаксически переходные. Обнаруживаются глаголы, которые по своему значению и синтаксису являются переходными, однако морфологически они имеют непереходный тип спряжения. Например, таким глаголом является *мысын (мысыд)* 1) ‘придумывать’, ‘сочинять’; 2) ‘изобретать’; 3) ‘токовать’; 4) ‘вспоминать’. См. пример употребления глагола ниже:

<i>Маæ</i>	<i>мад</i>	<i>æмаæ</i>	<i>мæ</i>	<i>фыд-ы</i>	
POSS.1SG	мать	и	POSS.1SG	отец-GEN	
<i>æр-мысыд-таен,</i>		<i>æмаæ</i>	<i>мын</i>	<i>зын</i>	
PREF-вспоминать-PST.INTR.1SG	и		1SG.ENCL.DAT	тяжелый	

у.
 быть.PRS.3SG

‘Отца и мать я вспомнил, и мне тяжело’ (Устный корпус. Tale of the little boy and the eagle. 12.1 https://linghub.ru/iron_ossetic_flex_corpus/search).

В рамках данного исследования специально не изучалась вся глагольная лексика на предмет непереходного спряжения у глаголов с переходной семантикой и синтаксисом.

Другой особенностью осетинской глагольной лексики является большое количество семантически лабильных глаголов. Небольшое количество лабильных глаголов обладает обоими типами спряжения, переходным и непереходным. Такие глаголы, употребляясь в непереходном значении, используют непереходное спряжение, в переходном значении — переходное спряжение. Например, глагол *зылын* (*зылд, зылдта*) 1) ‘вертеть(ся)’, ‘кружить(ся)’, ‘вращать(ся)’; ‘поворачивать(ся)’; 2) ‘сверлить’; 3) перен. ‘хлопотать’, ‘ухаживать’.

Большинство лабильных глаголов имеет один тип спряжения, переходный или непереходный, и использует его во всех своих значениях. Пример лабильного глагола с переходным спряжением: *ивын* (*ивта*) 1) ‘менять(ся)’, ‘обменивать(ся)’; ‘заменять’; 2) ‘линять (о ткани)’. Пример лабильного глагола с непереходным спряжением: *тасын* (*тасыд*) 1) ‘гнуть(ся)’, ‘сгибать(ся)’; 2) перен. ‘изворачиваться’; 3) ‘поддаваться’.

Настоящая статья не ставит своей целью подробно описать особенности лабильных глаголов осетинского языка. Читатель может обратиться к работе Г. З. Тедеева [1989].

4. Внутригенетическая типология

Несмотря на то, что полноценная лично-числовая переходная парадигма (как в осетинском) в других современных иранских языках обнаруживается редко, явления, сходные с осетинским, можно найти в других восточноиранских и некоторых западноиранских языках. В частности, в работах Д. И. Эдельман, а также некоторых других исследователей иранских языков неоднократно отмечались семантически непереходные глаголы, которые морфосинтаксически⁶ ведут

⁶ Так как в большинстве иранских языков нет полноценной переходной глагольной парадигмы, в данном случае речь идет именно о морфосинтаксисе. Например,

себя как переходные. Классы таких глаголов были замечены в следующих иранских языках: пушту (пашто), памирские, мунджанский, согдийский (мертвый), хотаносакский (мертвый) (восточноиранские), а также в белуджском и парачи (западноиранские). В соседних языках индоарийской группы также отмечаются такие глаголы [Эдельман 1990: 139]. «Наибольшее число таких глаголов (35 лексем) выявлено в пушту (<...>).

Глаголы, о которых идет речь, образуют следующие семантические “пучки”:

- 1) непроизвольного действия: “вздыхать”, “чихать”, “кашлять”, “тошнить” и пр.;
- 2) выражения эмоций: “смеяться”, “плакать”, “улыбаться” и др.;
- 3) состояния и изменения состояния: “расти”, “опьянеть”, “жадничать”, “гордиться” и др.;
- 4) активного движения или изменения состояния: “кочевать”, “плясать”, “играть”, “купаться”, “устремляться”, “прыгать”, “убегать” (иногда также “садиться”) и др.;
- 5) обозначающие крики животных и птиц: “выть”, “кричать” (о животных), “петь” (о птицах), “блеять”, “ржать”, “мычать”, “лаять”, “рычать” и пр.;
- 6) говорения (обычно не имеющие прямого объекта, кроме придаточного дополнительного предложения или прямой речи): “говорить”, “клясться” и др.;
- 7) физических отправлений: “мочиться”, “испражняться” и др.;
- 8) реже — “выпадать” (об осадках), “рассветать” и т. п.

в языке пушту переходные глаголы в прошедшем времени используют эргативную конструкцию. Интересующий нас класс семантически непереходных глаголов, ведущих себя морфосинтаксически как переходные, в языке пушту может быть определен по употреблению в прошедшем времени у этих глаголов эргативной конструкции.

Все они, не будучи переходными, образуют единый семантический класс глаголов, обозначающих деятельность живого существа (а также некоторых явлений природы, воспринимавшихся древними как проявления живого начала, имевшего свой жизненный цикл)» [Эдельман 1990: 139–140].

Рассмотренные в предыдущем разделе данные осетинского языка дополняют список языков с классом семантически непереходных глаголов, функционирующих как переходные. На общеиранском фоне в осетинском обнаружено большое количество таких глаголов. Как было отмечено выше, больше всего подобных глаголов в языке пушту (35 лексем), в осетинском обнаружено 32 глагола (при этом учитывались только простые глаголы).

Особенность осетинского заключается в том, что в этом языке не образуется единый семантический класс с общим значением «деятельность живого существа». В осетинском обнаружены семантически непереходные глаголы, имеющие переходное спряжение, которые употребляются только с неодушевленными субъектами (глаголы 22–28). Предложенное Д. И. Эдельман объединение таких глаголов общим значением деятельности живого существа неприменимо к осетинскому.

5. Выводы

В статье были рассмотрены морфологические и лексические способы выражения переходности в осетинском языке. В ходе исследования всей глагольной лексики осетинского языка было обнаружено 32 простых глагола, являющихся семантически непереходными и использующих переходное спряжение. Сходные семантические классы непереходных глаголов отмечаются в ряде других восточноиранских, а также некоторых западноиранских языках. Обнаруженные данные осетинского языка дополняют типологические сведения об иранских языках.

Список условных сокращений

ОНК — Осетинский национальный корпус; DAT — датив; ENCL — местоименная энклитика; GEN — генетив; INTR — непереходный; PL — множественное; POSS — посессивное местоимение; PEF — преверб; PRS — настоящее; PST — прошедшее; SG — единственное; TR — переходный.

Литература

- Абаев 1958 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
- Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Абаев 1973 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. Л.: Наука, 1973.
- Абаев 1979 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л.: Наука, 1979.
- Абаев 1989 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Л.: Наука, 1989.
- Выдрин 2014 — А. П. Выдрин. Глагол в осетинском языке // А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин (отв. ред.). Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. С. 25–80.
- Габараев 2002 — Н. Гæбæраты (наукон ред.). Ирон орфографон дзырдрут. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2002 [Н. Я. Габараев (научный ред.) Орфографический словарь осетинского языка]. Владикавказ: Аланыстон, 2002].
- Грюнберг 1972 — А. Л. Грюнберг. Мунджанский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. Л.: Наука, 1972.
- Грюнберг 1987 — А. Л. Грюнберг. Мунджанский // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М.: Наука, 1987. С. 155–235.
- Гуриев, Гутиева 2016–2019 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 1–4. Владикавказ: Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН, 2016–2019.
- Тедеев 1989 — Г. З. Тедеев. Семантическая структура осетинского глагола. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

- Эдельман 1990 — Д. И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.

References

- Abaev 1958 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Ossetic language]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958.
- Abaev 1959 — V. I. Abaev. *Grammaticheskij ocherk osetinskogo yazyka* [Reference grammar of Ossetic language]. Ordzhonikidze: Publishing House of North Ossetia, 1959.
- Abaev 1973 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Ossetic language]. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1973.
- Abaev 1979 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Ossetic language]. Vol. 3. Leningrad: Nauka, 1979.
- Abaev 1989 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Ossetic language]. Vol. 4. Leningrad: Nauka, 1989.
- Edel'man 1990 — D. I. Edel'man. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskih yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative grammar of Eastern Iranian languages. Morphology. Syntax elements]. Moscow: Nauka, 1990.
- Gabaraev 2002 — N. Gæbæraty (naukon red.). *Iron orfografion dzyrduat* [Spelling dictionary of Ossetic]. Dzæudzhyqæu: Alanyston, 2002.
- Gryunberg 1972 — A. L. Gryunberg. *Mundzhanskiy yazyk: Teksty, slovar, grammaticheskij ocherk* [Munji language: texts, dictionary, grammatical sketch]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Gryunberg 1987 — A. L. Gryunberg. *Mundzhanskiy* [Munji]. V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki: Vostochnaya gruppa* [Iranian linguistics. Modern Iranian languages: Eastern group]. Moscow: Nauka, 1987. P. 155–235.
- Guriev, Gutieva 2016–2019 — T. A. Guriev, E. T. Gutieva (ed.). *Osetinsko-russkij slovar* [Ossetic-Russian dictionary]. Vol. 1–4. Vladikavkaz: V. I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies VNC RAN, 2016–2019.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.
- Tedeev 1989 — G. Z. Tedeev. *Semanticheskaya struktura osetinskogo glagola* [Semantic structure of the Ossetic verb]. Tbilisi: Mecniereba, 1989.

Vydrin 2014 — A. P. Vydrin. Glagol v osetinskom yazyke [Ossetic verb]. A. K. Ogloblin, N. N. Telitsin (eds.). *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Mezhvuzovskiy sbornik statey. Vyp. 30 (zaklyuchitelnyy). Pamyati akad. M. N. Bogolyubova* [Interuniversity collection of papers. Iss. 30 (final). In memoriam of academician M. N. Bogolyubov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2014. P. 25–80.

Die Ausprägung von Ususbesonderheiten in den Nürnberger Handschriften des XV. Jahrhunderts

Aleksandra E. Gavriusheva

P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl; Russia);
alexandra-gavr@mail.ru

Representation of specific features of the written usage in Nuremberg manuscripts of the XV century

Abstract. The article is dedicated to a study of graphic and phonetic aspects of Nuremberg manuscripts of the XV century. The description of graphic and phonetic systems is based on handwritten copies of translations of *De exterioris et interioris hominis compositione*, a treatise by David of Augsburg (†1272), as well as on other spiritual literature manuscripts created at various Nuremberg scriptoria. The XV century copies of the translations come from the scriptoria of two Nuremberg convents. The study aims to compare the graphic and spelling systems of the target texts as well as identify specific features of the Nuremberg dialect and of the written tradition of the Nuremberg scriptoria found in each of the texts. For classification purposes, the study invokes the reconstructed phonemic system characteristics of the Early New High German from the Southeastern Germany. The results of the study include pinpointing the characteristic features of each of the investigated graphic and spelling systems and revealing the main influences behind their formation. Following these findings we can make conclusions as to the degree of independence of the graphic and orthographic systems in medieval texts, the usus-centeredness of the written language norms in the period addressed, and the representation of monastic usus features in each of the orthographic systems. Further, the paper collates the results obtained with the available data on tendencies in the written language usage in the High German area, especially in the East Franconian and Northern Bavarian linguistic landscapes, and in the written dialect of Nuremberg, as well as on characteristic features of the local scriptoria's written.

Keywords: graphic and phonetic systems, Nuremberg dialect, monastic usus, written language, Early New High German.

Представленность особенностей монастырского письменного узуса в нюрнбергских рукописях XV века

А. Е. Гаврюшева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(Ярославль, Россия); alexandra-gavr@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются графико-орфографические системы рукописей, созданных в Нюрнберге в XV в. К задачам исследования относится сравнение графико-орфографических систем исследуемых текстов и выявление в них особенностей нюрнбергского диалекта и письменной традиции скрипториев Нюрнберга. В качестве классификационной схемы к исследованию привлекается реконструированная фонематическая система, свойственная ранненововерхненемецкому в юго-восточной части Германии. В результате исследования были выявлены характерные черты каждой исследуемой графико-орфографической системы. Степень влияния монастырского письменного узуса на ее формирование позволяет определить принадлежность рукописи к соответствующему скрипторию.

Ключевые слова: графико-орфографические системы, нюрнбергский диалект, монастырский узус, письменный язык, ранненововерхненемецкий язык.

1. Einleitung und Problemstellung

Im 15. Jahrhundert hat die großräumige Integration auf der sprachlichen Ebene angefangen. Die Ausgleichsvorgänge dieser Zeit sind in hohem Maße mit der Nürnberger Stadtsprache verbunden. Der Verweis auf den wichtigen Anteil Nürnbergs an den sprachlichen Ausgleichsvorgängen des 15. Jahrhunderts und an der „Herausbildung der neuhochdeutschen Schriftsprache“ ist „ein Forschungsgeschichtlicher Gemeinplatz“ [Müller 2002: 57].

Seit dem 14. Jahrhundert nimmt Nürnberg als eine freie Reichsstadt eine ganz besondere Position ein: Sie kommt als ein kultureller Mittelpunkt und als Wirtschafts- und Politikmetropole zum Ausdruck. Die politische und kulturelle Bedeutung Nürnbergs ist schwer zu überschätzen; dank der hohen Einwohnerzahl (über 50 000 Einwohner im ausgehenden 15. Jahrhundert, siehe dazu [Koller 1989: 29]) gehörte Nürnberg zu den bevölkerungsreichsten Städten im Reich, was auf die sprachgeschichtliche Relevanz der Stadtsprache hinweist (siehe dazu [Müller 2002: 57]).

Zur gleichen Zeit zieht Nürnberg als Kultur-, Wirtschafts- und Politikzentrum Träger von anderen Mundarten an, welche auf die Entwicklung der Stadtsprache einen starken Einfluss ausüben, der in den schriftlichen Quellen der Zeit in hohem Maße sichtbar wird. Besondere Verbreitung in der Stadtsprache des 15. Jahrhunderts finden Dialektzüge des Bairisch-Oberdeutschen und des Fränkisch-Mitteldeutschen.

Die Ausgleichsvorgänge der zu untersuchenden Zeit und der Einfluss anderer Mundarten auf die Stadtsprache Nürnbergs werden in den Handschriften und geistlichen Texten klösterlicher Provenienz widerspiegelt. Die Korporagröße und das relativ hohe Ausbildungsniveau der Schreiber im 15. Jh. machen solche Texte zu dem für die Untersuchung der Systembesonderheiten der Schriftsprache besonders wertvollen Material.

In Frage kommt aber, in welchem Maße sich unter den Bedingungen der Ausgleichsvorgänge, Einflüsse anderer Mundarten und verbreiteter Schreibvarietät die Klosterschulen- und Ususunterschiede in Handschriften dieser Zeit sichtbar machen lassen und untereinander unterschieden werden können. Zu den Aufgaben des Beitrags gehört darum ein Versuch:

- die Züge der Stadtmundart Nürnbergs in den Handschriften des 15. Jahrhunderts nachzuweisen;
- die in den Handschriftentexten vorkommenden Ususbesonderheiten zu bestimmen;
- die Frage zu beantworten, ob die Unterscheidung zwischen den Usus verschiedener Klöster des Nürnberger Raumes möglich sei.

Als Material der Untersuchung werden die Abschriften der zwei am vollständigsten erhaltenen Übersetzungen des Traktats von David von

Augsburg “De exterioris et interioris hominis compositione”¹ benutzt. Im Spätmittelalter gehörte dieses Werk zu den erfolgreichsten Lehrbüchern des geistlichen Lebens, hierzu [Bohl 2000: 196–197, 203–208]. Der Traktat wurde früher nur teilweise in verschiedene Dialekte des Hoch- und Niederdeutschen übersetzt², die beiden ersten vollständigen hochdeutschen Übersetzungen wurden im Skriptorium des Katharinenklosters erstellt³.

Für die Untersuchung wurden drei Handschriften aus zwei Klöstern Nürnbergs benutzt: *Ba* (Staatsbibliothek Bamberg, Msc. Patr. 65, früher Q. V.6)⁴, die wohl im Klarissenkloster St. Klara in Nürnberg geschaffen wurde, *Nu* (Stadtbibliothek Nürnberg, Cod. Cent. VI, 43h)⁵ und *Be* (Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, mgq 1421)⁶, die vermutlich von Schreiberinnen des Katharinenklosters geschrieben wurden.

¹ Die letzte lateinische Ausgabe: Frater David ab Augusta, De exterioris et interioris compositione hominis libri tres [Quaracchi 1899] (ferner wird als Comp. zitiert).

² Hierzu: [Ruh 1955: 80–81, 1980: 49]. Die Erforschung der Übertragungen von Davids ‚De compositione‘ in verschiedene Dialekte des Mittel- und Frühneuhochdeutschen bleibt immer noch ein Desiderat. Siehe auch: [Gavrjusheva 2013: 2].

³ Unter den Handschriften der Klosterbibliothek des Katharinenklosters gibt es noch zwei, in denen die deutschen Traktate Davids von Augsburg überliefert waren: der in Augsburg geschriebene Cgm 183 (Bayerische Staatsbibliothek München), dessen Aufbewahrungsort im 15. Jahrhundert das Nürnberger Katharinenkloster war, und der aus dem Skriptorium des Klosters herkommende Cod. Cent. VII, 73 (Stadtbibliothek Nürnberg). Ausführlicher dazu: [Bondarko 2009: 661–669].

⁴ Siehe eine Katalogbeschreibung in: [Leitschuh, Fischer 1903: 437]. Die Hs. ist erwähnt in: [Ruh 1980: 49].

⁵ Die aus drei selbständigen Bestandteilen in der Mitte des 15. Jh. zusammengebundene Hs. ist erwähnt von K. Ruh [Ruh 1980: 49], ausführlich beschrieben bei K. Schneider [Schneider, Zirnbauer 1983: 102–105].

⁶ Die Hs. ist im Degerings Katalog verzeichnet: [Degering 1926: 239]. Zwei unveröffentlichte handschriftliche Beschreibungen der Hs. liegen vor: eine bibliotheksinterne (unterzeichnet: Harterich, 2.X.1913) und eine von Kurt Vogtherr (1936) (siehe: <http://dtm.bbaw.de/HSA/berlini.html>), aufbewahrt im Archiv der Arbeitsstelle Deutsche Texte des Mittelalters der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (freundlicher Hinweis von Prof. Dr. N. Bondarko). Ich danke Herrn Prof.

Ba wird laut unterschiedlichen Katalogautoren verschiedenen Skriptorien zugeschrieben. Nach Leitschuh und Fischer (1895–1908) wurde das Manuskript entweder «im Dominikanerinnen- oder Clarissenkloster in Nürnberg geschaffen»⁷, Jung zählt die Handschrift zu den nach 1410 ins Klarissenkloster zu Nürnberg gekommenen Handschriften [Jung 2004: 69]⁸. Nach den letzten Untersuchungen von Herrn Dr. Pfändtner wird *Ba* zum Klarissenkloster St. Klara in Nürnberg zugerechnet, laut K.-G. Pfändtner soll die Handschrift 1446/48 geschaffen worden sein⁹.

Das Katharinenkloster ist 1295 durch Konrad von Neumarkt aus dem Nürnberger Patriziergeschlecht der Pfinzig gestiftet. 1428 nahm es die strenge Regelobservanz, und im Zuge der kirchlichen Reformbestrebungen gelangte das Kloster zu besonderer Bedeutung. Dank diesen Veränderungen kam ihm bald eine führende Position unter den Dominikanerinnenklöstern der Provinz Teutonia zu (hierzu [Willing 2012: 21]). Es ist auch jetzt von bleibender Bedeutung dank seiner Bibliothek, die mit ihren ca. 500–600 nachweisbaren Bänden zu einer der größten dokumentierten deutschsprachigen Klosterbibliotheken des 15. Jahrhunderts geworden ist. Mit Angaben des Bibliothekskatalogs und weiteren identifizierbaren Codices kann die Bibliothek als Grundlage für die Erforschung der Schriftsprache Nürnbergs dienen.

Das Klarissenkloster in Nürnberg wurde aus dem Magdalenen Konvent gebildet, stammt vermutlich aus den 1230er Jahren und bestand bis

Dr. Nikolai Bondarko (Institut für linguistische Forschungen der Russischen Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg) für die Beratung und wertvolle Hinweise zu meiner Arbeit.

⁷ Aus dem Capuzinerkloster. Bl. 1: Pro Conv. Bamberg. fratrum min. strict. obs. Geschrieben wurde das Manuscript wohl im Dominikanerinnen- oder Clarissenkloster in Nürnberg, wie die ähnlichen historischen (Nr. 146 ff.) und liturgischen (Nr. 92 ff. u. a.) Handschriften; auf dem hinteren Einbanddeckel steht: Gen Nurmberg in sant (sic!) kloster. Leitschuh, Friedrich und Fischer, Hans: Katalog der Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Bamberg. Bd. 1, Bamberg 1895–1908.

⁸ Hierzu: [Gude et al. 1995].

⁹ Freundlicher Hinweis von K.-G. Pfändtner. Ich danke Herrn Pfändtner ebenfalls für die Bereitstellung der gescannten Kopien von *Ba* und wertvolle Hinweise zu meiner Arbeit.

zur Reformation, wo es durch das Verbot der Neuaufnahme zum Aussterben verurteilt war. Auf Betreiben des Nürnberger Rats wurde 1452 die Observanz auch in St. Klara Kloster eingeführt¹⁰. Die erhaltenen Handschriften, die aus dem Kloster stammen, sind nicht zahlreich und sehr wenig untersucht.

Besonders präzise und wertvolle Ergebnisse können dank der Tatsache erhalten werden, dass die aus verschiedenen Skriptorien stammenden Handschriften die Abschriften von den gleichen Übersetzungen sind, in denen die Schreiberinnen nicht nur die Besonderheiten der Übersetzer kopiert haben sollen, sondern, wie es in der frühen Neuzeit beim Abschreiben üblich war, die Texte dem Schreibsystem des Ortes angepasst haben können, siehe dazu [Glaser 1985: 15]. Bei der Textproduktion konnten einige Schreiber auch die für ihre Schreibschule charakteristischen Besonderheiten gebrauchen und sie mit den Zügen des Textschreibsystems kombinieren.

Die Übersetzungen werden in den obengenannten Handschriften folgenderweise verteilt: Die nur teilweise erhaltene Übersetzung I ist in *Nu* auf Bl. 186v — 211v (laut K. Schneider [Schneider, Zirnbauer 1983] von Hand 1 geschrieben¹¹) erhalten. Nach dem Befund von N. Bondarko ist dieselbe Version in *Be*¹² enthalten (der ganze Text von *Be* entspricht *Nu*, Bl. 186v — 197v). In *Ba* ist die Übersetzung II vollständig, seine zweite Hälfte in *Nu* auf Bl. 212r — 262v (von Dorothea Schurstabin, † 1476, geschrieben¹³, entspricht *Ba*, Bl. 162r — 259v) überliefert. Die Schreiberin von *Be* sollte laut Bondarko eine vollständige Vorlage *x* vor sich gehabt haben.

¹⁰ Klarenamt, St. Klarakloster in Nürnberg, Urkunden. Bearbeitet von Albert Gumbel (1910), Marina Heller, Daniel Burger (2010), Staatsarchiv Nürnberg.

¹¹ Siehe [Schneider, Zirnbauer 1983: 103]. Im vorliegenden Beitrag beziehen sich die Ergebnisse der graphematischen Analyse nur auf die Hand 1.

¹² Mündliche Mitteilung von Prof. Dr. Nikolai Bondarko. Die Erwähnung von *Be* unter Überlieferungszeugen mit vollständiger Übersetzung bei K. Ruh [Ruh 1955: 80] bedarf somit eines korrigierenden Hinweises auf den fragmentarischen Charakter der Überlieferung.

¹³ Siehe [Schneider, Zirnbauer 1983: 105]; zu Dorothea Schurstabin siehe auch [Schneider, Zirnbauer 1983: XXI–XXII].

Das gibt eine Möglichkeit, aufgrund von *Be* und allen *Nu* bildenden Texten einige Besonderheiten des Usus vom Katharinenkloster zu bestimmen und den von Dorothea Schurstabin geschriebenen Teil zu einem besonders sorgfältigen Vergleich mit *Ba* heranzuziehen. Die Schreiberinnen müssen nämlich die gleiche Übersetzung vor sich gehabt haben, so dass die Unterschiede zwischen den Schreibgewohnheiten jedes Skriptoriums besonders transparent werden.

Um die Züge zu bestimmen, die für das Skriptorium des Klararklosters charakteristisch sind, wurden folgende Handschriften aus dem Klarissenkloster St. Klara herangezogen:

- *A* — Cod. III 1. oct. 41, Universitätsbibliothek Augsburg, ein Gebetbuch für Klarissen¹⁴;
- *C* — Will II, 22. oct., Nürnberg, Stadtbibliothek, Heinrich v. St. Gallen: Passionstraktat¹⁵.

Es kann von den beiden Handschriften behauptet werden, dass sie im Klarissenkloster im 15. Jh. geschaffen wurden; die darin überlieferten geistlichen Texte stellen das Material dar, aufgrund dessen sich die Besonderheiten der Schriftsprache des Klosters bestimmen lassen.

Da die beiden anderen Übersetzungsabschriften *Nu* und *Be* aus dem Katharinenkloster stammen, wird nur noch eine Handschrift aus diesem Kloster zur Analyse herangezogen: *D* — Nürnberg, Stadtbibliothek, Amb. 67 quart.¹⁶ Da dieses Manuskript eine von mehreren Schreiberinnen geschaffene Sammelhandschrift darstellt, kann es behauptet werden, dass

¹⁴ K. Schneider: Deutsche mittelalterliche Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg: Die Signaturengruppen Cod.I.3 und Cod.III.1. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. (Die Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg: Reihe 2. Die deutschen Handschriften; Bd. 1).

¹⁵ K. Schneider: Die deutschen mittelalterlichen Handschriften. Beschreibung des Buchschmucks Heinz Zirnbauer. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. (Die Handschriften der Stadtbibliothek Nürnberg; Bd. 1).

¹⁶ Siehe [Schneider, Zirnbauer 1983: 428]; Amb. 67 quart. stellt eine Sammelhandschrift dar, die folgende Texte enthält: Regel St. Augustins; Konstitution für Schwestern des Predigerordens; Ordination des Bartholomäus Texery für das Katharinenkloster.

die für alle Schreiberinnen charakteristischen Züge als Klosterususbesonderheiten bezeichnet werden können.

Für die Analyse der für die untersuchten Handschriften charakteristischen Schreibbesonderheiten wird in Entsprechung mit der üblichen Praxis (vgl. z.B. [Koller 1989; Glaser 1985]) ein rekonstruiertes Phonemsystem herangezogen, das für das Fnhd im südöstlichen Oberdeutschland gilt.

2. Vokalgebrauch

In allen Handschriften kommen *a*, *aa* und *ah* vor. Bei allen Schreiberinnen tauchen Neutralisationen¹⁷ $\langle e \rangle \sim \langle a \rangle$ (wie in *etwen* ~ *etwan*) und $\langle o \rangle \sim \langle a \rangle$ (wie in *do* ~ *da*) auf, die für das Nürnbn. des 15. Jahrhunderts charakteristisch sind.

Für die Wiedergabe von *e* werden in allen Handschriften *e* und *ä* benutzt. Bei verschiedenen Schreiberinnen tauchen in Einzelfällen auch *ee* und *ae* auf.

Die Verdopplung von *e* und *a* für die Längebezeichnung kann auf den Einfluss vom Oberdeutschen hinweisen und kommt in Handschriften der Nürnberger Skriptorien oft vor.

Die Umlautbezeichnung von *a* wird bei allen Schreiberinnen mithilfe von *e* durchgeführt (wie in *hest*, *veterlichen*, *teglichen*). In *Be* und *Nu* lässt sich die Neutralisation $\langle ei \rangle \sim \langle e \rangle$ beobachten (wie in *eylften* ~ *elften*), die in *Ba* nicht vorkommt. In *Ba* und anderen Handschriften aus dem Klarakloster (*A*, *C*) taucht aber eine Neutralisation auf, die für die aus dem Katharinenkloster stammenden Handschriften nicht in solchem Maße charakteristisch ist, und zwar $\langle e \rangle \sim \langle ö \rangle$ oder $\langle e \rangle \sim \langle o \rangle$ für die Umlautbezeichnung, wie in *öpf feln* ~ *epffel*. Das soll mit dem Übergang der Lippenrundung $\rangle e$ verbunden sein, wenn es andererseits für ungerundete Vokale die für die gerundeten Vokale üblichen Zeichen gesetzt werden (*bösser*, *kören* und andere); solcher Übergang ist wohl am häufigsten

¹⁷ Unter Neutralisation wird die Aufhebung eines kontrastiven Merkmals durch einen phonologischen Prozess verstanden [Fleischer 1966: 16].

niederalemannisch und schwäbisch, bairisch und mitteldeutsch (siehe [Moser 1929: 108]) und taucht im Ostfränkischen und Nürnbergischen nur in Einzelfällen auf.

i wird durch die ganze Reihe der Grapheme dargestellt, die ersten drei Verteilungspositionen nehmen bei allen Schreiberinnen *i*, *y* (und seine Varianten) und *ie*. Die Längebezeichnung ist noch bei keiner Schreiberin systematisch aufgetreten (siehe *pit* ~ *piet*, *sy* ~ *sie*), die Hinzufügung von *e* ist aber für das Ostfränkische dieser Periode für die Längebezeichnung eher ein charakteristisches Merkmal. Außer der auch für die Handschriften aus dem Katharinenkloster charakteristischen Neutralisation <*ü*> ~ <*i*> taucht in *Ba* und *A* auch <*eu*> ~ <*i*> auf, wie in *zeuh* ~ *zieh*.

In allen Handschriften kommen dieselben Grapheme für die Bezeichnung von *o* und dieselbe Neutralisation <*u*> ~ <*o*> (wie in *kumen* ~ *komen*, *sun* ~ *son*) vor.

Die Widergabe von *u* ist mithilfe von gleichen Schreibvarianten mit Ausnahme von Einzelbelegen durchgeführt. In *Ba* ist aber die gemeinsame Zahl der Belege mit der *u*-Schreibung höher als die mit der *v*-Schreibung, was für *Nu* und *Be* nicht charakteristisch ist. Bei allen Vokalen wird die Länge noch nicht regelmäßig bezeichnet, was den mittelhochdeutschen Schreibbesonderheiten entspricht.

ö und *ü* werden in allen Handschriften durch gleiche Schreibvarianten wiedergegeben, bei allen Schreiberinnen kommen dieselben Neutralisationen <*o*> ~ <*ö*>, <*ü*> ~ <*ö*> oder <*u*> ~ <*ö*> vor. Wie es für das Ostfränkische bis ins zweite Viertel des 16. Jahrhunderts fast durchweg charakteristisch ist, ist der Umlaut von *o* und *u* nicht in allen Fällen in der Schreibsprache widerspiegelt (wie in *gegrusset*, *huter*, *fur*, *furst*), andererseits stehen *ö* und *ü* oft für /*u*/ und /*o*/ (wie in *rüffen*, *süst*).

3. Ähnlichkeiten im Konsonantengebrauch

Eine Reihe von Graphemen und Graphemkombinationen (*ch*, *g*, *h*, *k*, *l*, *m*, *n*, *pf*, *r*, *s*, *sch*, *t*, *w* und *z*) wird bei allen Schreiberinnen in gleichen Positionen mit geringen Unterschieden gleich verteilt.

Alle Schreiberinnen benutzen *ch* nur medial und final ohne Varianten. Die einzige Neutralisation stellt $\langle g \rangle \sim \langle ch \rangle$ dar. In der Handschrift findet sich mit der Aufhebung der Opposition $\langle g \rangle \sim \langle ch \rangle$ eine Reihe von Belegen, am häufigsten im Suffix *-lich* vor *-keit*, was auch für alle Handschriften derselben Skriptorien charakteristisch ist.

g erscheint als Leitvariante bei allen Schreiberinnen. Die für das Nürnber. charakteristische *j*-Schreibung kommt in keiner Handschrift vor. Als andere Schreibvarianten kommen in *Nu* und *Be* *gk* und *gh* vor, in *Ba* ist *g* die einzige Schreibvariante für die Wiedergabe von *g*, aber in anderen aus dem Klarakloster stammenden Handschriften erscheinen auch *gc* (*ewiglichen*) und *gk* (*wirdiglichen*). Die für alle Handschriften charakteristischen Neutralisationen sind $\langle ch \rangle \sim \langle g \rangle$ und $\langle k \rangle \sim \langle g \rangle$. Die Opposition $\langle b \rangle \sim \langle g \rangle$ ist nur bei Hand 1 in *Nu* aufgehoben: *benugē* ~ *genug*.

h wird in prävokalischen offenen und gedeckten Initialstellungen in allen Handschriften beider Skriptorien ausschließlich durch *h* repräsentiert.

k steht als die häufigste Variante für das entsprechende Graphem. Intervokalisch überwiegt *ck*, wie auch final, wo die *k*-Schreibung nur in wenigen Einzelbelegen vorkommt. *c* repräsentiert prävokalisch (ausgenommen vor $\langle e \rangle$, $\langle i \rangle$) eine Variante von $\langle k \rangle$, initial und medial steht es fast ausschließlich in Fremd- und Lehnwörtern sowie in Namen. *c* wird anlautend sehr häufig vor *l* und *r* gebraucht (z.B. *closter*, *cristo*). Bei allen Schreiberinnen finden sich auch andere Schreibvarianten von $\langle k \rangle$, die nur in wenigen Belegen vorkommen, wie *cc*, *ckc* oder *cck*.

l und *m* kommen in allen Positionen und bei allen Schreiberinnen vor. *ll* markiert intervokalisch meist den vorhergehenden Kurzvokal. Die Opposition $l \sim ll$ ist funktional wenig belastet. *mm* erscheint auch nur vereinzelt. *n* erscheint in allen Positionen. In medialer und finaler Stellung kommt die Doppelschreibung hinzu, die Verteilung von Einzel- und Doppelschreibung erscheint oft willkürlich, intervokalisch hebt *nn* überwiegend die Kürze des vorhergehenden Vokals hervor.

pf ist bei allen Schreiberinnen und in allen Positionen belegt. Initial kommt das Graphem nur in dieser Schreibung vor. Am Wortende dominiert *ppf*. Die Verschiebung $p > pf$, die sich im Mittelfränkischen erst am Ende des 15. Jahrhunderts verbreitet hat, erscheint schon in meisten

Handschriften von beiden Skriptorien. Ein unverschobenes *p* taucht in beschränktem Maße nur in *wappen*, *woppen* in allen Handschriften auf.

r kommt als die Hauptvariante in allen Texten vor. *rr* benutzen alle Schreiberinnen nur in medialen und finalen Positionen. Die Doppelschreibung erfolgt relativ selten und markiert meist den vorhergehenden Kurzvokal, mit Ausnahme von *C*, wo die Doppelschreibung regelmäßig nach Langvokalen auftritt (wie in *jarre*, *ihres*).

s kommt bei allen Schreiberinnen in allen Positionen vor, der dentalen Spirans entsprechen auf der Schreibebeine mehrere Zeichen(kombinationen). In allen Handschriften kommen *ss* und *sz* neben *s* und *z* in Medialstellungen vor. Bei allen Handschriften wird *ss* in Medial- und *z* und *cz* in Finalstellungen gebraucht (wortgebunden in *daz*). Die ursprünglichen Bezeichnungen von *s* und *z* vertauschen miteinander bei den Schreiberinnen fast nicht (mit Ausnahme von *grose* bei Dorothea Schurstabin, *geweszen*, *diesze* in *C* und *geleszen* in *D*). *sz* kommt in allen Handschriften medial und final vor. Von Hand 1 in *Nu* ist *sz* wortgebunden auch in Initialstellungen (*szüszikait*) gebraucht.

sch ist in allen Positionen dominant. Initial ist *sch* nur vor Vokalen belegt, in einigen Fällen steht *sch* für *s* wie in *scholt*. Vor Nasalen und Liquida erscheint *sch* noch in keiner Handschrift (*sneident*, *swert*).

t kommt in allen Positionen als die mit großem Abstand häufigste Variante vor. Initiales <*d*> erscheint bei Hand 1 in *Nu* in den Varianten *dapffer*, *dapfferkeit*, was für nürnbergische und bairische Mundarten nicht charakteristisch ist, die Fortis bewahrten und *t* durchweg festhielten, siehe dazu: [Moser 1951: 159]. *d* ist initial im 15. Jh. kaum belegt. Es könnte auf den Einfluss des Niederalemannischen hinweisen, wo *t* schon in der spätmittelhochdeutschen Periode zur stimmlosen Lenis *d* erweicht worden war, was auch in der Schreibsprache widerspiegelt war.

In allen Handschriften erscheinen *hinten* und *hinden* nebeneinander. Bei Dorothea Schurstabin erscheinen in *Nu* fast ausschließlich die Formen *vnder* und *hinder*. In *Ba* und *Be* kommen die beiden Varianten mit Vorzug von *d*-Schreibung vor. Dies entspricht den Mundartbesonderheiten Nürnbergs, wo die beiden Varianten in den meisten Handschriften des 14. und 15. Jahrhunderts nebeneinander erscheinen.

tt ist als die zweithäufigste Variante medial und final belegt. Die Doppelschreibung zur Markierung der Vokalquantität ist nur ansatzweise realisiert. Einzel- und Doppelzeichen stehen noch in freier Variation nebeneinander. *th* erscheint bei allen Schreiberinnen zunehmend in allen Positionen. In wenigen Belegen wird *dt* in Finalpositionen benutzt.

w wird von einigen Fremdwörtern abgesehen, durch *w* repräsentiert. Es erscheint häufig in offener und gedeckter Initialstellung. Medial und final kann *w* in einer Diphthong-Verbindung auftreten. In Fremdwörtern und -namen findet sich auch Schreibung mit *u* und *v*: *nouicen, couent, vicarier, David*.

z erscheint bei allen Schreiberinnen initial und medial. Final und medial dominiert *cz* mit großem Abstand. In Lehn- und Fremdwörtern steht *c* vor *<e>* und *<i>*, final begegnet es nicht. Bei verschiedenen Schreiberinnen kommen auch andere Varianten von *z* vor, wie *tcz* und *tz* in *gentzlich, gentzlich*.

4. Unterschiede im Konsonantengebrauch

Bei allen Schreiberinnen kommen *b* und *p* in medialer und finaler Position in freier Variation nebeneinander vor. In prävokalischen Initialstellungen ist *b* in *Be* in *Nu* weiter verbreitet, bei Dorothea Schurstabin in *Nu* und in *Ba*, *A* und *C* (mit wenigen Ausnahmen wie *babst*) dominiert *p* in derselben Position. Die Dominanz von *p* im unmittelbaren Anlaut kann auf den bairischen Einfluss hinweisen, weil solche Schreibungen für die bairischen Handschriften des 14. und 15. Jh. charakteristisch sind.

In *Be* und *Nu* dominiert *b* in den meisten Initialstellungen (mit wenigen Ausnahmen von *pawm/bawm* in allen Handschriften und *puch/buch* in *Ba*), wobei die *p*-Variante in einigen Fällen überhaupt nicht erscheint, was auf den Vorzug der ostfränkischen Variante hinweist.

Vor Liquiden taucht *b* bei allen Schreiberinnen öfter auf, aber in *Ba* ist die gemeinsame Belegzahl mit *b*-Schreibung vor Liquida wesentlich höher, als in *Be* und *Nu*.

Das Verteilungsbild von *b* und *p* in Medialstellungen sieht folgenderweise aus:

Tabelle 1. Verteilung von *b* und *p* am Wortanfang in *Be*, *Ba* und *Nu*Table 1. Distribution of *b* and *p* at the beginning of the word in *Be*, *Ba* and *Nu*

Wort	<i>Ba</i>	<i>Be</i>	<i>Nu</i>
<i>baide</i>	57 %		60 %
<i>paide</i>	43 %		40 %
<i>bawm</i>	37 %	33 %	
<i>pawm</i>	63 %	67 %	100 %
<i>buch</i>	18 %	61 %	70 %
<i>puch</i>	82 %	39 %	30 %
<i>blut</i>	60 %	100 %	67 %
<i>plut</i>	40 %		33 %
<i>brot</i>	92 %	63 %	58 %
<i>prot</i>	8 %	37 %	42 %

Tabelle 2. Verteilung von *b* und *p* in *Ba*, *Be* und *Nu*Table 1. Distribution of *b* and *p* in *Ba*, *Be* and *Nu*

Position	<i>Ba</i>	<i>Be</i>	<i>Nu</i>
<i>b</i> vor Vokalen	25 %	61 %	63 %
<i>p</i> vor Vokalen	75 %	39 %	37 %
<i>b</i> vor Liquiden	90 %	63 %	58 %
<i>p</i> vor Liquiden	10 %	37 %	42 %
<i>b</i> in der intervokalischen Position	32 %	36 %	30 %
<i>p</i> in der intervokalischen Position	68 %	64 %	70 %

In vorkonsonantischer Inlautstellung ging meistens *b* bei nachfolgenden *t*, *s* zu *p* über [Moser 1951: 120]. In *Nu* ist das nicht der Fall, *p*-Varianten erscheinen bei keiner Schreiberin, wie auch in *Ba*, wo in allen Fällen nur *b* vorkommt. Nur in *Be* ist *p* neben *b* mit gleicher Häufigkeit verwendet (wie in *heupt/heubt*), was auf den Einfluss des Bairischen hinweist, wo *p*- und *b*-Formen nebeneinander stehen, siehe dazu: [Moser 1951: 121].

Bei den Schreiberinnen kommt meist *b* am Wortende vor. In einigen Wörtern erscheinen *p*, *b* und *pp* in freier Variation: *lip*, *lipp*, *lib*; *lop*, *lopp*, *lob*.

Der im Bairischen wie im Ostfränkischen häufig vorkommende Wechsel zwischen *b* und *w* (siehe dazu: [Moser 1951: 115–116]) lässt sich in einer Reihe von Schreibungen belegen: *offenbar*, *offenwar*, *albeg*, *alweg*, *geben*, *gewen*.

In Initialstellung ist <*d*> bei allen Schreiberinnen häufiger belegt als <*t*>. Nach Liquiden aber kommt *t* bei allen Schreiberinnen öfter vor. Medial kommt *dt* meistens nach Nasalen oder in intervokalischen Positionen vor. Final taucht *dt* nur in Einzelfällen wie in *cleidt* auf. Öfter erscheint es aber im mittelbaren Auslaut (wie in *freundtschaft*), was dem Ostfränkischen und Nürnbergischen entspricht.

Die Wechselschreibung wird initial in *drucken* ~ *trucken* und deren Varianten belegt. In Finalstellungen kommt *d* nach Nasalen und Liquiden wesentlich öfter als *t* vor: *bild 54*, *bilt 1*. In *C* und *D* aber sind *t* und *tt* in Finalstellungen nach Nasalen und Liquiden häufiger belegt (wie in *hant*, *bilt*, *hantt*).

f tritt in *Nu* und *Be* als die häufigste Variante in Medial- und die zweithäufigste Variante in Initialstellungen auf. In medialer Stellung variieren Einfach- und Doppelschreibungen. Am Wortende überwiegt *ff* mit deutlichem Abstand vor *f*. In *Ba* dominiert *ff* medial und final und ist die zweithäufigste Variante nach *f*. *u* kommt in den Handschriften als eine allographische Variante von <*f*> vor. *u* findet sich initial und gedeckt initial vor <*a*>, <*e*>, <*o*>. Final kommt es nicht vor. *ph* tritt in allen drei Positionen auf und beschränkt sich im Wesentlichen auf Fremdwörter und -namen.

Als die Schreibvariante von *f* ist *v* insgesamt in *Nu* und *Be* sowie in *A* am häufigsten belegt. Sehr zahlreich sind die Präfigierungen mit *ver-* und *vor-*, was der mittelhochdeutschen Schreibregel entspricht. In *Ba* findet sich *v* auch sehr häufig in initialer Position, teils mit dem Allograph *f* variierend, teils wortgebunden. Aber die gesamte Belegzahl mit *v*-Schreibungen ist in *Ba* geringer als in den aus dem Katharinenkloster stammenden Handschriften, was einer der für das Frühneuhochdeutsche charakteristischen Züge ist und ab 15. Jh. immer mehr zunehmend vorkommt.

Die Alternation <pf> ~ <f> findet sich in *scharpff*—*scharpf*.

y und seine Schreibvarianten erscheinen in den aus dem Katharinenkloster stammenden Handschriften ausschließlich vor <e> als die häufigste Variante von <j>: *ye*, *yeder* und in synkopierten Formen *yder*, *ydoch*. j wird als die zweithäufigste Variante benutzt. Präkonsonantisch und medial steht es korrespondierend mit <i>. Nur in Initialstellungen kommt es für <j> vor. *jh* findet sich nur in *Nu* bei Dorothea Schurstabin und in *C*. Nur vereinzelt findet sich prä vokalisches *i* in *Be* und *Nu* am Wortanfang: *iar*.

In *Ba* aber erscheint *i* in Initialstellungen als die häufigste Variante von <j>, als die zweithäufigste Variante tritt *j* auf, *y* und seine Varianten kommen nur in Einzelfällen vor.

5. Zusammenfassung

Der Vergleich der Schreibgewohnheiten der in verschiedenen Skriptorien geschaffenen Handschriften und die quantitative Analyse lassen einige Besonderheiten der Usussprachen beschreiben.

Die Selbständigkeit der Schreibsysteme jeder Schreiberin lässt sich als besonders wirksam bezeichnen, weil keine allgemeinverbindliche Schreibnorm eingeführt ist und weil in der Schreibung des gleichen Wortes Schwankungen auftreten, siehe dazu: [Strassner 1977: 1].

Trotz dieser Schwankungen lassen sich einige für alle Handschriften charakteristische Schreibbesonderheiten bestimmen, wie die Wiedergabe von Umlauten oder der Gebrauch und die Verteilung von der ganzen Reihe von Graphemen und Graphienkombinationen (wie *ch*, *g*, *h*, *k*, *l*, *m*, *n*, *pf*, *r*, *s*, *sch*, *t*, *w*, *z*).

Zu Beginn der frühen Neuzeit kann der nürnbergische Schreibusus als grundsätzlich mundartfern kaum gelten, siehe dazu: [Müller 2002: 63]. Den nürnbergischen Elementen fehlt aber die ausgeprägte Dominanz in den untersuchten Handschriften, für sie sind eher die allgemeine ostfränkische und die starke bairische Prägung charakteristisch, was dem Befund von J. Pfanner zur Nürnberger Schreibsprache entspricht: dialektnahe Schreibungen in Texten aus Nürnberg um 1500 sind eher eine

Ausnahme als die Regel, siehe dazu: [Pfanner 1954: 98]. Es lassen sich aber unter den Schreibbesonderheiten der Handschriften die dem Nürnbergischen entsprechenden Züge hervorheben:

- 1) die Neutralisationen $\langle e \rangle \sim \langle a \rangle$ und $\langle o \rangle \sim \langle a \rangle$, die bei der Bezeichnung von *a* auftreten;
- 2) die Neutralisation $\langle i \rangle \sim \langle i \rangle$, die bei der Bezeichnung von *i* vorkommt;
- 3) die Neutralisation $\langle u \rangle \sim \langle o \rangle$ und die Graphien für die Bezeichnung von *o*;
- 4) die Dominanz von *b* am Wortende und die Neutralisation $\langle w \rangle \sim \langle b \rangle$;
- 5) die Wechselschreibung $\langle d \rangle \sim \langle t \rangle$;
- 6) die Dominanz von *ff* am Wortende und die Alternation $\langle pf \rangle \sim \langle f \rangle$.

Einige Schreibgewohnheiten sind nur dem Usus des Katharinenklosters zuzurechnen:

1. Bei der Bezeichnung von *e* kommt die Neutralisation $\langle ei \rangle \sim \langle e \rangle$ vor.
2. Bei der Wiedergabe von *u* tritt die *v*-Schreibung öfter vor.
3. In prävokalischen Initialstellungen dominiert *b*, was auf den ostfränkischen Einfluss hinweisen kann.
4. Die Dominanz von *v*-Schreibungen bei der Bezeichnung von *f* ist stark ausgeprägt.
5. Die *y*-Schreibung wird in Initialstellungen bei der Wiedergabe des Halbvokals /j/ (wie in *yeder*) bevorzugt.

In den im Klarakloster geschriebenen Handschriften tauchen folgende Schreibgewohnheiten auf:

- 1) $\langle e \rangle \sim \langle ö \rangle$ und $\langle e \rangle \sim \langle o \rangle$ für die Umlautbezeichnung (wie in *öpf-feln* ~ *epffel*), was wohl auf den bairischen Einfluss hinweisen kann;
- 2) $\langle eu \rangle \sim \langle i \rangle$ (wie in *zeuh* ~ *zieh*), eine für das Nürnbergische charakteristische Neutralisation;
- 3) die *u*-Schreibung, die häufiger als die *v*-Schreibung belegt ist;

- 4) die auf den bairischen Einfluss hinweisende Dominanz von *p* in prävokalischen Medial- und unmittelbaren Initialstellungen;
- 5) die stark ausgeprägte Dominanz von *b* vor Liquiden;
- 6) die Dominanz von *f*-Schreibungen bei der Wiedergabe von *f* in Initialstellungen, was zu den für das Nürnbergische charakteristischen Zügen gehören kann;
- 7) der Vorzug von *ff* in Medial- und Finalstellungen;
- 8) die Dominanz von *i*-Schreibungen in Initialstellungen bei der Wiedergabe von *j*.

Die quantitativen und qualitativen Unterschiede, die nach dem Vergleich der Schreibgewohnheiten der in verschiedenen Skriptorien geschaffenen Handschriften festgestellt wurden, lassen behaupten, dass der Einfluss der für den Usus charakteristischen Schreibgewohnheiten in allen Handschriften zu beobachten ist und auf ein konkretes Klosterskriptorium hinweisen kann. Als ususbestimmende Züge gelten dabei die für dieses Skriptorium charakteristischen Schreibgewohnheiten, die in Handschriften anderer Skriptorien wenig oder gar nicht vorkommen und nicht unbedingt den Mundartbesonderheiten entsprechen.

Abkürzungsverzeichnis

Dr. — Doktor; St. — Sankt; Hs. — Handschrift; Jh. — Jahrhundert; Bl. — Blatt/Blätter; Nr. — Nummer; ff. — folgende; u.a. — unter anderen; Bd. — Band; ca. — circa; vgl. — vergleiche; z.B. — zum Beispiel.

Literatur

- Bohl 2000 — C. Bohl. *Geistlicher Raum. Räumliche Sprachbilder als Träger spiritueller Erfahrung, dargestellt am Werk De compositione des David von Augsburg*. Diss. Werl: Dietrich-Coelde-Verl, 2000.
- Bondarko 2009 — N. Bondarko. Besonderheiten der Textgliederung in der handschriftlichen Überlieferung der deutschen Traktate Davids von Augsburg. N. N. Kazanski (Hg.). *Indoeuropäische Sprachwissenschaft und Klassische Philologie — XIII*.

- Arbeitsmaterialien gewidmet dem Gedenken an I. M. Tronskij. 22.–24. Juni 2009. St. Petersburg: Nauka, 2009. S. 655–681.
- Fleischer 1966 — W. Fleischer. *Strukturelle Untersuchungen zur Geschichte des Neuhochdeutschen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
- Gavrjusheva 2013 — A. Gavrjusheva. Zur graphematischen Variabilität in deutschsprachigen Handschriften des 15. Jahrhunderts aus dem Nürnberger Katharinenkloster. N. N. Kazanski (hg.). *Indoeuropäische Sprachwissenschaft und Klassische Philologie—XVII*. Arbeitsmaterialien gewidmet dem Gedenken an I. M. Tronskij. St. Petersburg: Nauka, 2013. S. 187–202.
- Gebler 2014 — A. Gebler. *Das St. Klara Kloster in Nürnberg. Die Geschichte und Struktur des Konvents*. Leipzig: Universität Leipzig, 2014.
- Glaser 1985 — E. Glaser. *Graphische Studien zum Schreibsprachwandel vom 13. bis 16. Jahrhundert*. Heidelberg: Winter, 1985.
- Gude et al. 1995 — S. R. Gude, K. G. Pfändtner, S. Westphal. Katalog der illuminierten Handschriften der Staatsbibliothek Bamberg. Wiesbaden, 1995 [Elektronische Ressource]. *Zugriffsart*: http://www.manuscripta-mediaevalia.de/?INFO_projectinfo/bamberg#|5 (Abrufdatum: 01.09.2019).
- Jung 2004 — B. Jung. *Das Nürnberger Marienbuch: Untersuchungen und Edition*. Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Koller 1989 — G. Koller. *Der Schreibusus Albrechts Dürers. Graphematische Untersuchungen zum Nürnberger Frühneuhochdeutschen*. Wiesbaden: Steiner, 1989.
- Leitschuh, Fischer 1895–1908 — F. Leitschuh, H. Fischer. *Katalog der Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Bamberg*. Bd. 1. Bamberg: Verlag von Hermann Hücke, 1895–1908.
- Müller 1953 — E. E. Müller. *Die Basler Mundart im ausgehenden Mittelalter*. Bern: Laupp, 1953.
- Müller 2002 — P. O. Müller. Usus und Varianz in der spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Schreibsprache Nürnbergs. V. Ágel, H. Feilke, A. Linke, A. Lüdeling, D. Tophinke (hg.). *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. Bd. 30. Berlin; New York: De Gruyter, 2002. S. 56–72.
- Moser 1929 — V. Moser. *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Bd. I: Lautlehre. 1. Hälfte: Orthographie, Betonung, Stammsilbenvokale. Heidelberg: Winter, 1929.
- Moser 1951 — V. Moser. *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Bd. I: Lautlehre. Tl. 3: Konsonanten, 2. Hälfte (Schluss). Heidelberg: Winter, 1951.
- Pfanner 1954 — J. Pfanner. Die deutsche Schreibsprache in Nürnberg von ihrem ersten Auftreten bis zum Ausgang des 14. Jahrhunderts. G. Pfeiffer (hg.). *Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg*. Bd. 45. Nürnberg: Selbstverlag des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg, 1954.

- Ringler 1980 — S. Ringler. *Viten- und Offenbarungsliteratur in Frauenklöstern des Mittelalters. Quellen und Studien*. München: Artemis, 1980.
- Ruh 1955 — K. Ruh. David von Augsburg und die Entstehung eines franziskanischen Schrifttums in deutscher Sprache. H. Rinn (hg.). *Augusta. 1955. Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs*. Augsburg: Verlag Hermann Rinn, 1955.
- Ruh 1980 — K. Ruh. David von Augsburg. K. Ruh (hg.). *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*. Bd. 2., völlig neu bearb. Bd. 2. Berlin; New York: De Gruyter, 1980.
- Schneider, Zirnbauer 1983 — K. Schneider, H. Zirnbauer. Die Bibliothek des Katharinenklosters in Nürnberg und die städtische Gesellschaft. B. Moeller, H. Patze, K. Stackmann (hg.). *Studien zum städtischen Bildungswesen des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit. Bericht über Kolloquien der Kommission zur Erforschung der Kultur des Spätmittelalters 1978 bis 1981*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1983. S. 70–82.
- Straßner 1977 — E. Straßner. *Graphemsystem und Wortkonstituenz. Schreibsprachliche Entwicklungstendenzen vom Frühneuhochdeutschen zum Neuhochdeutschen — untersucht an Nürnberger Chroniktexten*. Tübingen: De Gruyter, 1977.
- Willing 2012 — A. Willing. *Die Bibliothek des Klosters St. Katharina zu Nürnberg. Synoptische Darstellung der Bücherverzeichnisse*. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag, 2012.

Referenzdokumente

- Amb. 67 quart., Nürnberg, Stadtbibliothek.
- Cod. III 1. oct. 41, Augsburg Universitätsbibliothek, ein Gebetbuch für Klarissen.
- Cod. Cent. VI, 43h, Stadtbibliothek Nürnberg.
- Mgg 1421, Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz.
- Msc. Patr. 65, früher Q. V.6, Staatsbibliothek Bamberg.
- Will II, 22.oct., Nürnberg, Stadtbibliothek, Heinrich v. St. Gallen: Passionstraktat.
- Handschriftencensus [Elektronische Ressource]. *Zugriffsart*: <http://www.handschriftencensus.de/22102> (Abrufdatum: 01.09.2019).

Mixed languages: Patterns of lexification of the core vocabulary

Ekaterina M. Gridneva

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
(Moscow, Russia); egridneva@hse.ru

Abstract. This paper is an analysis of mixed languages in terms of the sources of lexicalization of their core vocabulary. Data from the following mixed languages are considered: Michif, Medny Aleut, Media Lengua and Gurindji Kriol. Previous studies devoted to the typology of mixed languages from the combined perspective of structure and lexicon are also examined [Bakker 2017: 218], [Meakins 2018: 6], [Muysken 2008: 211]. This paper focuses on the core lexicon alone. First, I consider claims concerning the whole vocabulary of mixed languages. Next, using Swadesh 100 and 207 word lists as the basis of comparison, I examine to what extent the generalizations about the lexicon of the mixed languages also apply to the core lexicon. I present the patterns of the lexification of the core vocabulary and conclude that the observations about lexification of mixed languages also hold for their core lexicons. The comparison leads to some findings with respect to lexical doublets (i.e., two lexical items from different lexifier languages corresponding to one concept in the core vocabulary), with more lexically mixed languages showing a higher number of doublets. I conclude that focusing on the core vocabulary does not resolve the problematic status of mixed languages in terms of the conventional historical comparative analysis. Additionally, this paper presents and tests the synchronic hypothesis attributing the number of doublets to the “more mixed nature” of one mixed language. In other words, there is a direct correlation between the quantity of doublets and the relevant language’s lexis in terms of even distribution between the lexifier languages. The more a language is “mixed”, the more doublets it has.

Keywords: mixed languages, lexifier languages, core vocabulary, Michif, Medny Aleut, Media Lengua, Gurindji Kriol, Swadesh list.

Лексификация смешанных языков: исследование базового словаря

Е. М. Гриднева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); egridneva@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию моделей лексификации смешанных языков с точки зрения их базового словаря. Исследуются следующие языки: мичиф, алеутско-медновский язык, медиа ленгуа, гуринджи криол. Рассматриваются предыдущие исследования в области типологии смешанных языков, а также сопоставляются общие положения об источниках лексики в конкретных смешанных языках в целом с результатами анализа лексификации значений из списка Сводеша. Предлагается классификация смешанных языков в зависимости от их лексического состава и распространенности дублетов (наличие двух лексем из разных языков-лексификаторов, выражающих одно и то же значение).

Ключевые слова: смешанные языки, мичиф, алеутско-медновский язык, медиа ленгуа, гуринджи криол, язык-лексификатор, список Сводеша.

1. Introduction

Thomason [1997: 21] suggests that “all languages are mixed in a weak sense: there are no natural human languages in which foreign material is wholly lacking.” The consequences of a language contact can, however, differ. One can distinguish three types of language contact outcomes: i) language maintenance, ii) language shift, and iii) a new language creation [Matras 2000: 80]. Three types of contact languages are further distinguished: pidgins, creoles and mixed languages [Heine, Kuteva 2005: 20]. Mixed languages as a special type of contact languages were identified as early as in [Thomason and Kaufman 1988], [Bakker, Mous 1994] and [Thomason 1997]. Unlike pidgins and creoles, mixed languages normally emerge from combining grammar, phonology and lexicon of two identifiable source

languages in a situation of community bilingualism [Matras 2000: 80]. Creoles usually — though not always — have one dominant, clearly identifiable lexifier language. For example, Tok Pisin was drawing its vocabulary primarily from English, with a much smaller input from German, Malay, Portuguese and Austronesian languages [Mühlhäusler 1981: 36]. Unlike pidgins but similarly to creoles, mixed languages are also linguistically complex and are used in all communicative domains [Bakker, Matras 2013: 159]. From a social perspective, mixed languages emerge with the appearance of a new community (e.g., Métis in Canada) [Bakker 1997: 12] as a result of immigration, which may lead to mixed marriages (e.g., Ma'a, Michif, Medny Aleut), or cultural incursion [Meakins 2018: 12]. In this regard, the genesis of mixed languages is explained not by a merely communicative need. From the moment when they arise, they serve as markers of the identity of a particular group [Golovko 1994; Bakker 1997; Meakins 2014: 393].

There are various models of mixed language formation. For example, Michif emerged as a result of language intertwining which takes place when the vocabulary from one language and the grammatical system from another are combined together [Bakker 1997: 203]. Though Michif represents a far more complex case of language intertwining, and stands out among all other similar instances due to certain typological properties of Cree, the process of its emergence is evident [Bakker 1997: 213]. Michif “shows the existence of French lexical stems with Cree grammatical affixes. When the Cree affix is not used, there is a French element that functions unlike its French source but exactly like the Cree element it replaces, with only few exceptions” [Bakker 1997: 247]. Relexification is a situation where a vast body of the lexicon (e.g., stems) of one language is replaced by lexical items from another language, as is the case in *Media Lengua* [Muysken 1981]. Finally, there is a code-switching formation model [Meakins 2005] where speakers shift from one language to another (e.g., as in *Gurindji Kriol*).

The first detailed account of a mixed language, Michif, appeared in Bakker's [1997] *A Language of Our Own*. This paper mostly builds on the following descriptions of mixed languages: Michif [Bakker 1997], Medny Aleut [Golovko 1994], *Media Lengua* [Muysken 1997] and *Gurindji Kriol* [Meakins 2005].

My aim is to look at the patterns of lexification of the core vocabulary, to review the general claims regarding lexification of mixed languages, and examine whether these also hold for the latter's core vocabulary. Further, I compare Swadesh 207 to Swadesh 100 lists [Swadesh 1971: 283] as less versus more stable vocabulary to see whether they show similar behavior. By subtracting the words included in the Swadesh 100 list from the Swadesh 207 list, I obtained two lists to be hereinafter denoted as the more stable vocabulary (Swadesh 100 list) and the less stable vocabulary (Swadesh 207 list minus the subtracted Swadesh 100 list). Additionally, I present some findings regarding doublets in mixed languages, i.e. a lexification pattern where two lexical items for a particular lexical concept, while originating from two donor languages, show more or less equal frequency.

This article does not attempt to resolve the problematic status of mixed languages in terms of historical and comparative analysis, its aim being to merely assess the empirical grounds for such an analysis. Nevertheless, a brief introduction into the problems of genealogical classification of contact languages is needed here. In his discussion of the dual affiliation of the creole languages of the Caribbean, Taylor argues that, while inheriting their vocabulary from one 'parent', they borrow their grammar from the other. Putting more emphasis on structure, he proposed to define the relationship of the first type as genetic, and the second, as deep (basic) [Taylor, 1956]. A different view holds that phonetic correspondences between creoles and their lexifiers cannot be mistaken by the traditional comparative method for a genetic relation since the phonetic correspondences between them do not result from regular sound change. Also, glottochronological calculations of the split-off date for mixed languages can be largely off the mark and vary highly depending on which of the lexifier languages is considered. Bakker [2000] insists that "an 86 percent retention rate in 1000 years would suggest a split-off around two millennia ago (from a French viewpoint) or three millennia (from a Cree viewpoint), while we know that the Michif language cannot be that old". Moreover, the majority of the words in the Swadesh lists are nouns, which can lead to some invalid conclusions for languages with a lexifier split along part-of-speech categories. Michif nouns and adjectives primarily originate from French,

while verbs come from Cree. This does not mean that the language is more French- than Cree-based, even if there are more nominal than verbal concepts in the Swadesh list (or, for that matter, in the lexicon at large) [Bakker 2000: 600]. Consequently, the glottochronological approach based on Swadesh lists may deliver results that are invalid in terms of the conventional historical comparative analysis. This makes it important to see whether the claims made about the lexicon of an individual mixed language as a whole also hold for its core vocabulary, often focused by conventional historical analyses, and is thus the aim of the present study.

The Swadesh 100 lists for Michif and Media Lengua, respectively, were made available in Belikov [2006: 88] and Bakker and [2000: 601]. The Swadesh 207 lists for Medny Aleut and Michif were collected by me based on the available dictionaries. For Medny Aleut, I used the dictionary by E. Golovko and N. Vakhtin [1994], for Media Lengua, lists compiled by Pieter Muysken, and for Gurindji Kriol, lists by Felicity Meakins.

In the next section, I provide a context for this study by overviewing older attempts and approaches towards a typology of mixed languages. *Section 2* is followed by sections with brief overviews of the respective mixed languages addressed and findings of their analyses: Medny Aleut (*Section 3*), Michif (*Section 4*), Media Lengua (*Section 5*) and Gurindji Kriol (*Section 6*). *Section 7* presents my observations on doublets in different languages and *Section 8*, a discussion of their implications.

2. Mixed language typologies

This section proposes a survey of earlier typologies of contact languages. All classifications of mixed languages surveyed invariably address their lexical composition. Thus, Bakker [2015] provides a classification of mixed languages by the sources of their linguistic structures and isolates the following types. Type 1 or G-L mixed languages includes idioms where the source of the grammar (G language) differs from the source of the lexicon (L language). Thus in Media Lengua, Spanish lexical roots are embedded in Quechuan morphology. Type 2 are F-R languages where in Sri Lanka

Portuguese, for example, the typological frame F (an abstract grammatical frame) comes mostly from Tamil, while roots R (or lexicon), from Portuguese. The main difference between the first and the second type is that bound morphemes in the first type remain identical to those of the G language, while in the second type, both bound morphemes and roots etymologically derive from the same language. Type 3 includes N-V languages where nouns come from one language and verbs, from the other as in Michif, where nouns come from French and verbs from Cree. Gurindji Kriol is an example of a V-NN language (Type 4), where verbal phrases pattern after Kriol verb phrases and converb and noun phrases, after those of Gurindji, while the lexicon of the noun phrase is a mixture of both Gurindji and Kriol lexis. Medny Aleut (Type 5) is an L-INF language where basically, the noun phrase and verbal roots are Aleut, while the finite verb inflections come from Russian. Finally, in LL languages (Type 6), the basic lexicon is mixed. These are mostly creoles and pidgins (e.g., Berbice Creole).

Muysken [2008] proposes a different classification based on structural frames (grammar — lexicon, verb — noun) and including a sociolinguistic perspective (the original community language versus the introduced language). He divides mixed languages into four types. The ‘classical’ type (e.g., Media Lengua) represents languages where the morphosyntax and functional categories come from the original community language and the lexicon, from the other language. The ‘split’ type (e.g., Michif) includes languages with the verbal system coming from the original community language and the nominal system from the introduced language. The ‘split reverse’ type is represented by Medny Aleut and Gurindji Kriol. In these languages, the verbal system does not arrive from the original community language, while the nominal one does. For example, in Medny Aleut the finite verb morphology is Russian (the introduced language) while the nominal inflection is Aleut (the original community language). Finally, the ‘reverse’ type (e.g., Angloromani) shows a grammar-lexicon divide, with the lexicon arriving from the original community language.

Meakins [2018] classifies mixed languages into 1) *(L)exicon-(G)rammar languages* where languages fall into: those providing the grammatical structure and those contributing to the lexicon (e.g., Media Lengua, Angloromani); 2) *structural mixes* where both languages contribute to both

Table 1. Typologies of mixed languages

	Bakker [2015]	Muysken [2008]	Meakins [2018]
Michif	N-V (nouns: French; verbs: Cree)	Split type (verbal system: original community language, i.e. — Cree; nominal system: introduced language, i.e.: French)	Structural mixes: both of the source languages contribute to the structure and lexicon of the resultant mix language.
Medny Aleut	L-INF (noun phrases and verbal roots: Aleut; finite verb inflection: Russian)	Split reverse type: Medny Aleut and Gurindji Kriol (verbal system / finite verb morphology: introduced language; nominal system / nominal inflection: original community language)	
Gurindji Kriol	V-NN (verb phrase: Kriol; converbs and noun phrases: Gurindji BUT lexicon in the noun phrases can be both Gurindji and Kriol)		
Media Lengua	G-L (grammar: Quechua; lexicon: Spanish)	Classical type (morphosyntax and functional categories: original community language, i.e. Quechua; lexicon: introduced language, i.e. Spanish)	L(exicon) — G(rammar): morpho-syntactic frame is of the ancestral language or Quechua, while 90 % of its stems are by Spanish forms (introduced language)

the lexicon and grammar of the new language (e.g., Medny Aleut, Michif and Gurindji Kriol); and 3) *converted languages* (e.g., Sri Lanka Malay) where the ancestral language maintains its lexicon but undergoes a complete restructuring of its morphosyntax based on the introduced language.

To sum up, all the typologies are based on structural-lexical features and historical perspective. In the current study I am going to check whether the claims about specific mixed languages these typologies make hold for their basic vocabulary.

3. Medny Aleut

Medny Aleut is spoken by the Aleuts of Medny (one of the Commander Islands in the south-eastern part of the Bering Sea). Aleuts are the indigenous population of the Aleut Islands. Most Aleuts live in the United States (Alaska), and some in Russia (Kamchatka Krai). Medny Aleut was first encountered by G. Menovshchikov during his 1963 expedition. The language probably emerged in the late XIX century at the time of Medny Island settlement [Golovko 1997] as a result of intensive contacts between several Aleut dialects and Russian. It is difficult to estimate the present number of Medny Aleut. The 1980s report data put it at no more than 10–12 speakers. The language seems to be mostly based on the Attuan dialect originating from Attu, the westernmost Aleut island, and was spoken until the mid-XX century.

Medny Aleut integrates two phonological systems, those of Aleut and Russian, albeit with a greater proportion of Aleut features. Medny Aleut is an agglutinative language just like Aleut from which it also inherits its derivational and nominal inflection systems. Its finite verb morphology is Russian, while the verb roots themselves are largely drawn from the original community language (Aleut), with only a small proportion of the verb roots coming from Russian [Golovko 1994: 115].

Although the vocabulary is of primarily Aleut origin, it includes a large number of Russian words, as stated by Sekerina [1994: 29] who relied on a vocabulary drawn from examples and sample texts from [Vakhtin

1985], [Golovko 1989], and [Golovko, Vakhtin 1990]. The majority of nouns and verbs (61.5 % and 94 %, respectively) come from Aleut. Adjectives do not constitute a separate syntactic category [Sekerina 1994: 24]. A qualitative attribute is expressed by nouns in the possessed form, while a qualitative predicate is expressed by a verb. Personal pronouns and demonstratives come from either Russian or Aleut. Most interrogative pronouns are Aleut. In total, according to Sekerina [1994], 33.5 % pronouns come from Aleut and 66.5 % from Russian. Numerals from 1 to 10 come from Russian and Aleut, with the other numerals borrowed from Russian. Adverbs, negators, particles and conjunctions come from Russian, while the other function words are Aleut (31.5 %) or Russian (68.5 %).

As indicated earlier, this study relies on the less and more stable vocabulary lists (Swadesh 207 and Swadesh 100). Medny Aleut lists were collected

Table 2. Medny Aleut: more and less stable vocabulary lists in natural numbers

	More stable vocabulary				Less stable vocabulary			
	Aleut	Russian	Both	Total	Aleut	Russian	Both	Total
nouns	43	3	1	47	21	4	1	26
verbs	18	0	0	18	31	0	0	31
adjectives	10	0	1	11	14	1	0	15
numerals	0	0	2	2	0	0	3	3
pronouns	0	5	0	5	2	3	0	5
quantifier (all, many, some, few, other)	1	1	0	2	1	1	0	2
interrogative (who, what, where, when, how)	1	0	1	2	1	2	0	3
function words	0	1	0	1	1	3	2	6
Lexifier	73	10	5	88	71	14	6	91

by the author from the available dictionaries. *Table 2* describes the lexification of the core vocabulary based on the more stable vocabulary (Swadesh 100) and less stable vocabulary (Swadesh 207 minus Swadesh 100).

The table above shows that on both counts the bulk of the vocabulary comes from Aleut (83 % and 78 %, respectively). Interestingly, the lexeme ‘father’ has two variants with an Aleut and a Russian root: *ayaxx* and *taatkaxx*¹, respectively, while ‘mother’ is of the Russian origin: *maamkaxx*. Notably, while the Medny Aleut vocabulary, including nouns, mainly comes from Aleut, such basic concepts as ‘mother’ and ‘father’ are partly or fully Russian.

In consistency with the existing typologies, Medny Aleut demonstrates a clear leading lexifier language. While Meakins [2018] classifies Medny Aleut as a structural mix (a split between the lexicon and grammar where “by implication, both languages also contribute to the lexicon of the resultant mix”) [Meakins 2018: 7], the Swadesh lists show the Aleut influence to be much stronger, with 83 % and 78 % of core vocabulary respectively contributed by Aleut.

If we compare these counts to the data in [Sekerina 1994], the results will be only slightly different for verbs (94 % in Sekerina vs. 100 % in both Swadesh lists). The difference is more evident for nouns where Aleut shows 91 % and 81 % in our data and “only” 61.5 % in [Sekerina 1994]. The counts are very similar for pronouns and function words either. Thus, from the core vocabulary perspective, the Medny Aleut lexicon comes from the Aleut language even more consistently compared to Sekerina’s analysis of running texts.

4. Michif

Michif is spoken in some provinces of Canada (Manitoba, Saskatchewan) and in two American states (North Dakota, Montana). The

¹ The Russian word тата /tata/ or тятя /t’at’a/ means ‘father’ in some Russian dialects.

Métis people are descendants of European fur trader fathers (often French Canadians) and Cree-speaking Amerindian mothers. By 2010–2011 data, there were 730 native Michif speakers; also see [Bakker 1997: 5].

There exist a number of approaches to modeling the social circumstances and linguistic mechanisms of the emergence of Michif. The social models address the creation of a new ethnicity, the trade language emergence hypothesis, the organization of the household, etc. The linguistic models include: a) a verb-noun mixing theory whereby the first Métis generation started mixing the two languages by recruiting verbs from one language and nouns, from the other; b) Michif could have resulted from French-Cree code mixing; c) the relexification hypothesis proposes a unique development whereby not the whole vocabulary, but only Cree nouns were replaced by French nouns; and d) a ‘difficult parts’ hypothesis explains that Michif combines the most difficult parts of both languages, i.e. complex French nouns and complex Cree verbs [Bakker 1997: 13].

Michif combines two phonological systems, that of Cree and that of French, with two different phoneme inventories. The noun phrase in Michif is essentially French. Nouns are always accompanied by a French determiner or a possessive pronoun. Most often, nouns have the same gender as in French. Cree demonstratives, animate or inanimate, can be added to the French noun phrase. Adjectives are always French. Though a few adjectives are Cree, they do not represent a morphosyntactic class in Cree, and noun modifiers are expressed either by verbal constructions (relative clauses), or by prefixation to the noun Bakker [1997: 106]. The Michif verb phrase is basically that of Plains Cree. Numerals are always French, except occasional use of the Cree numeral *payyek* ‘one’. Question words virtually all come from Cree. Function words (question words, discourse particles, etc.) are mostly Cree, except for the French articles and prepositions. Most of the categories (property words, pre- and postpositions, adverbs, negation, and conjunctions) are drawn from both languages, with some regional variation. According to the brief sketch of Michif’s lexicon in Bakker [1997: 117]:

- Nouns: 83–94 % French; rest Cree or Ojibwe, English;
- Verbs: 88–99 % Cree; few French verbs; some mixed Cree and French;
- Question words: almost all Cree;
- Personal pronouns: almost all Cree;
- Adverbial particles: 70 % Cree; 30 % French;
- Postpositions: almost all Cree;
- Coordinate conjunctions: 55 % Cree; 40 % French; 5 % English;
- Prepositions: 70–100 % French; rest Cree;
- Numerals: almost all French;
- Demonstratives: almost all Cree;
- Negation: roughly 70 % French; 30 % Cree.

Table 3 shows the counts for the core lexicon based on the Swadesh lists.

Table 3. Michif: more and less stable vocabulary lists in natural numbers

	More stable vocabulary				Less stable vocabulary			
	Cree	French	Both	Total	Cree	French	Both	Total
nouns	0	43	9	52	0	27	1	28
verbs	18	0	1	19	35	0	2	37
adjectives	0	8	6	14	9	7	3	19
numerals	1	1	0	2	0	3	0	3
pronouns	5	0	0	5	4	0	0	4
quantifier (all, many, some, few, other)	2	0	0	2	3	0	0	3
interrogative (who, what, where, when, how)	2	0	0	2	3	0	0	3
function words	1	0	0	1	2	2	0	4
Lexifier	29	52	16	97	56	39	6	101

A comparison of the more and less stable vocabulary lists shows two different pictures. The more stable vocabulary list (the Swadesh 100 list) is predominantly French with 52 French vs. 29 Cree lexical items, while the less stable vocabulary list is led by Cree (56 Cree vs. 39 French items). The explanation may lie in the specific nature of Michif. As mentioned before, Michif shows a split between particular parts of speech whereby, for example, nouns have French and verbs, Cree origins, etc., while the more stable and the less stable vocabulary lists demonstrate a different part-of-speech (nouns vs. verbs) distribution.

The word class distribution corresponds to the general claims regarding the lexicon. Exceptions include adjectives. Comparing the two lists one can see that in the first list adjectives come from French and/or from doublets, while in the second one the majority of adjectives are of almost equally Cree or French origin with only few doublets. In the more stable vocabulary list, the French borrowings include the following lexical concepts: ‘small’, ‘new’, ‘round’, ‘red’, ‘green’, ‘yellow’, ‘white’, ‘black’. The doublets express the following meanings: ‘big’, ‘long’, ‘cold’, ‘full’, ‘good’, and ‘dry’. The less stable vocabulary list includes such French-originated concepts as ‘wide’, ‘thin’, ‘old’, ‘rotten’, ‘straight’, ‘right’, and ‘left’, while the Cree borrowings include ‘thick’, ‘heavy’, ‘warm’, ‘dirty’, ‘sharp’, ‘dull’, ‘wet’, ‘correct’, and ‘far’. While it is difficult to estimate any semantic dependencies in terms of adjectives and their lexifier languages, the terms for colors mostly came from French.

To sum up, the core Michif lexicon does show the lexical patterns suggested by the generalizations about its lexicon but for the less stable adjectives. Additionally, Michif’s core vocabulary patterns by both Swadesh lists fit into the existing mixed language typologies proposed by Bakker [2015], Muysken [2008], and Meakins [2018]. At the same time, as the discussion above shows, Michif presents a stronger structural mixture in its core vocabulary compared to Medny Aleut, while both languages belong to the same type of structural mixes according to [Meakins 2018].

5. Media Lengua

Media Lengua is a mixed language spoken by a Quechuan group known as the Obreros² in the Andean region of Central Ecuador [Muysken 1997: 374]. It is usually described as a contact language with a Quechuan morphosyntactic structure but with almost all content words³ (around 90 %) replaced by Spanish-derived forms. Muysken suggests that it emerged by a process of relexification where Spanish stems replaced their Quechuan counterparts. This process was set off in 1967 by a group of young construction workers in a provincial town who created this language because they, as acculturated Indians, failed to fully identify themselves with either the traditional Quechua culture, or the urban Spanish culture [Muysken 1997: 376]. According to Dikker [2008: 121], Media Lengua “was created by men who had Quechua as their native language but left to work in Spanish speaking areas. When they returned to the communities, they had been using Quechua on an infrequent basis, while having acquired relatively fluent urban Spanish”. She argues that Media Lengua connects the older monolingual Quechuan speaking generation and the younger monolingual Spanish speaking generation.

Muysken [1997] provides a 207 Swadesh list of the core vocabulary for the local Quechua and for Media Lengua (with items, for which the Media Lengua form is unknown, omitted). *Table 4* summarizes his data as counts.

The counts correspond to the general description of the language. While the Swadesh lists confirm that the majority of content words were replaced by Spanish derivatives, there are some exceptions, including:

‘child’	<i>wawa</i>	<i>wawa</i>
‘wife’	<i>warmi</i>	<i>warmi</i>
English	Local Quechua	Media Lengua

² Workers residing in villages near the town of San Miguel de Salcedo.

³ That is, lexical category words like nouns, verbs, adjectives and most adverbs.

Table 4. Media Lengua: more and less stable vocabulary lists in natural numbers

	More stable vocabulary				Less stable vocabulary			
	Local Quechua	Spanish	Both	Total	Local Quechua	Spanish	Both	Total
nouns	2	10	1	13	2	14	0	16
verbs	2	15	0	17	1	12	0	13
adjectives	1	6	1	8	1	5	1	7
numerals	0	2	0	2	0	3	0	3
pronouns	0	4	0	4	0	4	0	4
quantifier (all, many, some, few, other)	0	1	0	1	0	3	0	3
interrogative (who, what, where, when, how)	0	1	0	1	0	3	0	3
function words	0	1	0	1	5	0	0	5
Lexifier	5	40	2	47	9	44	1	54

Notably, almost all Media Lengua prepositions and conjunctions also come from Quechua.

To conclude, the core vocabulary patterns fully correspond to the descriptions of Media Lengua provided in Bakker [2015], Muysken [2008], and Meakins [2018] typologies, with all these authors suggesting that its vocabulary comes from the introduced language (Spanish) while the grammar comes from the original community language (Quechua).

6. Gurindji Kriol

Gurindji Kriol is spoken by Gurindji people in the Victoria River area in northern Australia. Its two lexifiers are Gurindji and Kriol where Gurindji is a Pama-Nyungan language and Kriol is an English-lexified

coming from Gurindji and the other from Kriol; same applies to the syllable structure and phonological processes. Stress is the word initial for both Gurindji- and Kriol-borrowed items.

Table 6. Gurindji Kriol: more and less stable vocabulary lists in natural numbers

	More stable vocabulary				Less stable vocabulary			
	Gurindji	Kriol	Both	Total	Gurindji	Kriol	Both	Total
nouns	27	7	15	49	5	16	8	29
verbs	6	3	10	19	9	23	3	35
adjectives	2	8	3	13	4	15	2	21
numerals	0	0	2	2	0	2	1	3
pronouns	0	0	5	5	0	0	5	5
quantifier (all, many, some, few, other)	0	1	1	2	0	2	1	3
interrogative (who, what, where, when, how)	0	1	1	2	0	2	1	3
function words	0	1	0	1	0	3	3	6
Lexifier	35	21	37	93	18	63	24	105

Table 6 shows the lexifier language and word class distribution in Gurindji Kriol. The more stable vocabulary includes doublets (37 lexical items), with the other lexical items coming, respectively, from Gurindji (35 items) and Kriol (21 items). In contrast, the less stable vocabulary is mostly from Kriol (63 lexical items), the other contributions representing doublets (24 lexical items), and Gurindji (18 lexical items). An analysis by the word class distribution reveals different results as well. In terms of the more stable vocabulary, the lexifier language is Gurindji for nouns, and Kriol for adjectives, while verbs represent doublets. In consistence with the less stable vocabulary list, the majority of nouns, verbs, and adjectives come from Kriol. Interestingly, Gurindji Kriol has the highest number of doublets compared with the other mixed languages addressed here.

Meakins [2018] defines Gurindji Kriol as a structural mix where both source languages contribute to its structure and lexicon. The Swadesh lists corroborate this conclusion for Gurindji Kriol’s core vocabulary.

7. Doublets

In this section, I consider doublets in mixed languages. Meakins [2013: 137] defines doublets as “synonymous forms from both languages which are used interchangeably, depending on a number of sociolinguistic factors including group identification and the age of the addressee”. For example, the Gurindji form *tipart* ‘jump’ may be chosen if the speaker is addressing an older person, whereas the Kriol form *jam* may be used in conversation with peer groups or younger people [Meakins 2013: 137].

The table below shows some doublets in the mixed languages addressed here:

Table 7. Doublets in the mixed languages

Meaning	French	Cree	Michif
‘horn’	<i>corne</i>	<i>potachikana</i>	<i>pootachikun, korn</i>
	Kriol	Gurindji	Gurindji Kriol
‘I’	<i>ai</i>	<i>ngayu</i>	<i>ai, ngayu</i>
	Local Quechua	Spanish	Media Lengua
‘dog’	<i>ashku</i>	<i>perro</i>	<i>ashku, pirru</i>

We can propose a hypothesis on the use of doublets in mixed languages. A higher mix in the core lexicon (as in Michif and Gurindji Kriol) correlates with an increase in the amount of doublets. For Gurindji Kriol, we can observe that the core vocabulary comes more or less evenly from both lexifier languages with a significant number of doublets in use. On the other hand, in Medny Aleut with a dominant lexifier language (approximately 80 % of its lexis comes from Aleut), doublets only account

for 7%. An explanation for a larger inventory of doublets may be that with a higher lexical diversity of language, speakers are more likely to use two lexical items from different lexifier languages instead of only one.

However, these statements are very preliminary observations and should be tested in further studies.

8. Discussion and conclusions

In this paper, I considered the core vocabulary in mixed languages to find out whether claims about their vocabulary in general also hold for the stable part of the lexicon. The following languages were examined: Medny Aleut, Michif, Media Lengua and Gurindji Kriol. A look through the lens of the presumably more stable vocabulary (Swadesh 100) has produced the following findings. The core vocabularies of Gurindji Kriol and Michif are more or less equally distributed between their respective lexifier languages, with both showing relatively large proportions of doublets (where a doublet represents two lexical items standing for the same concept). Medny Aleut and Media Lengua, on the other hand, very strongly rely on only one lexifier language, i.e. Aleut and Spanish, respectively, with fewer doublets attested in either of them. The lexification of the core vocabulary in each of the four languages is in line with opinions voiced in the literature on mixed-language vocabularies in general.

This study confirms that in the core vocabulary, just as in their vocabulary at large, only some languages can show an even spread of their lexis between lexifier languages, while in others one lexifier language normally predominates.

Meakins [2018] groups some of the latter, including Medny Aleut, Michif and Gurindji Kriol, under a separate category of ‘structural mixes’. Of these, Medny Aleut, for example, does have a dominant lexifier language, this conclusion also confirmed by an analysis of its less stable vocabulary. On the other hand, Michif and Gurindji Kriol show no strong dominance of one of the lexifier languages over the other, and it proves to have a considerable proportion of doublets.

Based on the above, I hypothesize that mixed languages can show two types of variation. If a language shows a strong variation in terms of where a word for a specific concept may come from historically, then it also shows a strong variation synchronically, with relatively many concepts for which speakers alternatively recruit a word from one or the other lexifier language, depending on the pragmatic context.

Moreover, there is another possible interpretation⁴. According to Auer's model *from code switching via language mixing to fused lects*⁵ [1999], the variation tends to decrease in a diachronic continuum over time. In other words, mixed languages of a more recent origin are less lexically stabilized than older ones. Indeed, as compared to both Michif and Medny Aleut, Gurindji Kriol is of a more recent origin [Meakins 2005] and shows more lexical variation. On the other hand, the origins of Michif are tentatively dated to the early 1800s, [Bakker 1997]. Medny Aleut probably developed in the early 1900s [Golovko, Vakhtin 1990]. Yet, Michif has more doublets than Medny Aleut.

So far, the 'synchronic' hypothesis attributing the number of doublets to the "more mixed nature" of one mixed language as compared to the other seems to be more preferable to the diachronic hypothesis of "incomplete stabilization". Including data from more languages may provide empirical evidence in favor of one or the other of these motivations, or give grounds for yet another interpretation.

References

- Auer 1999 — A. Peter. From code switching via language mixing to fused lects: toward a dynamic typology of bilingual speech. *International journal of bilingualism*. 1999. Vol. 3. Iss. 4. P. 309–332.
- Bakker 1997 — P. Bakker. *A language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis*. New York: Oxford University Press, 1997.

⁴ I am very grateful for these considerations to the anonymous reviewer.

⁵ Auer used the term 'fused lects' which is very close to the idea of mixed languages (which I use in this article) [Auer 1999: 321]

- Bakker 2000 — P. Bakker. Rapid language change: Creolization, intertwining, convergence. C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.) *Time depth in historical linguistics*. Cambridge: The McDonald Institute, 2000. P. 585–620.
- Bakker 2015 — P. Bakker. Typology of mixed languages. A. Aikhenvald, R. Dixon (eds.). *The Cambridge handbook of linguistic typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 217–253.
- Bakker, Matras 2013 — P. Bakker, Y. Matras (eds.). *Contact languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Bakker, Mous 1994 — P. Bakker, M. Mous. *Mixed languages: 15 case studies in language intertwining*. Amsterdam: Institute for Functional Research into Language and Language Use (IFOTT), 1994.
- Bakker, Muysken 1994 — P. Bakker, P. Muysken. Mixed languages and language intertwining. J. Arends, P. Muysken, N. Smith (eds.). *Pidgins and creoles: An introduction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1994. P. 41–52.
- Belikov 1998 — V. I. Belikov. *Pidzhiny i kreolskie yazyki Okeanii: sotsiolingvističeskij očerok* [Pidgins and Creole languages of Oceania. Sociolinguistic essay]. Moscow: Vostochnaya literatura, RAS, 1998. P. 198–198.
- Belikov 2006 — V. I. Belikov. *Konvergentnye protsessy v lingvogeneze* [Convergence processes in linguogenesis]. Doctoral dissertation. Moscow: Moscow State University, 2006.
- Campbell 2013 — L. Campbell. *Historical linguistics*. Cambridge: MIT Press, 2013.
- Dikker 2008 — S. Dikker. Spanish prepositions in Media Lengua: redefining relexification. T. Stolz, D. Bakker, R. Palomo (eds.) *Hispanisation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008. P. 121–148.
- Golovko 1994 — E. V. Golovko. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: An Aleut-Russian mixed language. P. Bakker, M. Mous (eds.). *Mixed Languages: 15 case studies in languages intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 113–121.
- Golovko 2009 — E. V. Golovko. *Aleutian language in the Russian Federation (structure, functioning, contact phenomena)*. Doctoral dissertation. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2009.
- Golovko, Vakhtin 1994 — E. V. Golovko, N. B. Vakhtin. Copper Aleut-English Dictionary. 1994. Manuscript.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — M. Haspelmath, U. Tadmor. *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009.
- Heine, Kuteva 2005 — B. Heine, T. Kuteva. *Language contact and grammatical change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Koch, Nordlinger 2014 — H. Koch, R. Nordlinger. *The languages and linguistics of Australia*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

- Matras 2000 — Y. Matras. Mixed languages: a functional — communicative approach. *Bilingualism: Language and cognition*. 2000. Vol. 3. Iss. 2. P. 79–99.
- McConvell, Meakins 2005 — P. McConvell, F. Meakins. Gurindji Kriol: A mixed language emerges from code-switching. *Australian journal of linguistics*. 2005. Vol. 25. Iss. 1. P. 9–30.
- Meakins 2013 — F. Meakins. The survey of pidgin and creole languages. S. Michaelis, P. Maurer, M. Haspelmath, M. Huber (eds.). *Gurindji Kriol*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 131–139.
- Meakins 2018 — F. Meakins. *Mixed languages*. Oxford: Oxford Research Encyclopedia of Linguistics, 2018.
- Mühlhäusler 1981 — P. Mühlhäusler. The development of the category of number in Tok Pisin. P. Muysken (eds.). *Generative studies on creole languages*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1981. P. 35–84.
- Muysken 1981 — P. Muysken. Halfway between Quechua and Spanish: The case for relexification. A. Highfield, A. Valdman (eds.). *Historicity and variation in creole studies*. University of Amsterdam, 1981. P. 52–78.
- Myers-Scotton 1998 — C. Myers-Scotton. A way to dusty death: The matrix language turnover hypothesis. L. Grenoble, L. Whaley (eds.). *Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 289–316.
- Sekerina 1994 — I. Sekerina. Copper Island (Mednyj) Aleut (CIA): A mixed language. *Languages of the World*. 1994. Vol. 8. Iss. 1. P. 14–31.
- Swadesh 1959 — M. Swadesh. Linguistics as an Instrument of Prehistory. *Southwestern Journal of Anthropology*. 1959. Vol. 15. Iss. 1. P. 20–35.
- Thomason 1997 — S. Thomason. *Contact languages: A wider perspective*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1997.
- Thomason, Kaufman 1992 — S. Thomason, T. Kaufman. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Trask 2000 — R. Trask. *Time depth in historical linguistics*. Cambridge: University of Cambridge; McDonald institute for archaeological research, 2000.
- Velupillai 2015 — V. Velupillai. *Pidgins, creoles and mixed languages: An introduction*. (Creole Language Library. Vol. 48). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015.

О синтаксической селекции (группы) прилагательного

П. В. Гращенко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); pavel.gra@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются основные подходы к синтаксической структуре русской именной предикации с прилагательным. Проанализирован ряд семантических и дистрибутивных свойств, различающих именные предикации с краткой и полной формой прилагательного. Основным поставленным в работе вопросом является определение синтаксического статуса прилагательного в структуре именной предикации. Рассмотрен так называемый атрибутивный подход к устройству именной предикации с прилагательным, т. е. такой анализ, который возводит предикативные прилагательные к именным группам. Предложен подход, согласно которому предикативные полные формы прилагательных не входят в именные группы, а формируют группы прилагательных. Общая проблема, которая затрагивается в статье, — каков «проективный потенциал» прилагательных как отдельной грамматической категории.

Ключевые слова: синтаксис, прилагательные, русский язык, предикация, именная группа.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00037 и проводится в НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова.

On syntactic selection of adjective (phrases)

Pavel V. Grashchenkov

Moscow Lomonosov State University (Moscow, Russia); pavel.gra@gmail.com

Abstract. The paper proposes an analysis of the syntactic structure of nominal predication in Russian, in particular, of nominal predication with adjectives.

We analyze a number of semantic and distributive properties that distinguish nominal predications with short and long adjectival forms. The main issue raised in the paper is the syntactic status of Russian (long form) adjectives in the structure of nominal predications. We consider in detail the so-called attributive approach to the derivation of nominal predications with long form adjectives, i.e. undertake an analysis that derives predicative adjectives from noun phrases. We discuss some critical views on this approach and propose a mechanism by which predicative adjectives get the values of grammatical features relevant to them. The aspects of adjectival grammar important for our study are agreement and semantic role assignment. We also investigate different distributional constraints differentiating adjectival modification and predication. We show that the mechanisms that stand behind the predicative use in the case of short and long form adjectives differ in many respects. Clause structures with the two forms also vary crucially. The paper proposes an approach that makes it possible to eliminate the shortcomings inherent in attributive analyses of predicative long forms. The most important problem addressed in the paper is evaluation of the “projection potential” of adjectives as a separate grammatical category. We also discuss the parallelism between Russian short form adjectives and stative predicates in languages that lack an adjectival class. Russian short forms turn out to be similar to stative verbs in that they pattern with verbs with respect to semantic role assignment, featural composition and agreement.

Keywords: syntax, adjectives, Russian, predication, noun phrase.

Acknowledgments. The study is supported by the RSF grant 22-18-00037 conducted at the RCC of the Lomonosov Moscow State University.

1. Синтаксические функции прилагательных

У. Крофт определяет для прилагательных отдельную синтаксическую функцию модификации [Croft 1991] (см. также другие типологически ориентированные подходы к дистрибутивным свойствам прилагательных [Тестелец 1990; Bhat 1994; Dixon 2004] и т. д.). Он вводит в рассмотрение три семантических типа лексем: объекты, свойства и действия. Объекты представлены в языке именами, свойства — прилагательными, а действия — глаголами. Этим трем типам

лексических единиц соответствуют три базовые функции: референция, модификация и предикация. Для каждого класса лексем существует немаркированное и маркированное употребление. Немаркированному употреблению имен соответствуют референция, немаркированному употреблению прилагательных — модификация, глаголов — предикация.

В ряде работ формально-синтаксического направления, см., например, [Babby 1975; Бэбби 1985] для русского или [Кауне 1994] для английского и/или романских языков, была принята обратная точка зрения на прилагательное. Согласно ей, прилагательные порождаются исходно в предикативной позиции, затем претерпевают преобразование в относительное предложение, после чего относительное предложение сначала частично сокращается и прилагательное или группа прилагательного формируют постпозицию, а затем передвигается в препозицию.

Подобный подход подвергся критике уже достаточно рано: в [Bolinger 1967] исследуется семантика прилагательных в зависимости от того, в какой позиции они употребляются. Д. Болинджер дискутирует с принятым деривационным подходом к употреблению прилагательных в функции модификатора. Как замечает Болинджер, многие прилагательные демонстрируют регулярный семантический контраст в пре-/ постпозитивной позиции, допуская омонимию между этими двумя прочтениями в позиции предиката. Это говорит о том, что направление деривации «от предикации к модификации» — как минимум не очевидно.

В ряде более поздних работ, выполненных в русле порождающей грамматики, исследователи отошли от подхода к модификации как деривационному развитию предикативной функции прилагательных. Г. Чинкве развивает идею о том, что прилагательные занимают специальные функциональные проекции в составе именной группы, определяя таким образом модификацию как базовую функцию адъективной категории ([Cinque 1993, 2010] и другие его работы). В [Baker 2003] также постулируется онтологическое отличие данной категории от имен и глаголов — прилагательные, согласно М. Бейкеру, не могут проецировать спецификаторов и поэтому их первичной функцией является модификация, а не предикация. В [Гращенков 2018] модификация

также принимается как основная функция прилагательных в силу того, что деривационный подход был бы в сильной степени не экономичным — что противоречит минималистским требованиям к грамматике.

Таким образом, в результате многолетней дискуссии лингвисты разных направлений сошлись на том, что модификация является ключевой функцией прилагательных. Встает, однако, другой вопрос — является ли она единственной ключевой функцией прилагательных? Возможно, предикативное употребление — их столь же неотъемлемое категориальное свойство? Если ответ тут положительный, то следующий вопрос — отличаются ли прилагательные от имен, и чем? Если ответ отрицательный, то, опять же, чем дистрибуция (исходно модифицирующих) прилагательных отличается от имен?

Обозначим тезисно результаты, к которым мы придем в процессе рассмотрения и анализа русского материала в данной работе.

А) Прилагательные как категория, предназначенная для введения атрибутивных зависимых в ИГ, — не предназначена для предикативной функции. Это будет показано на материале полных форм (ПФ) русских прилагательных.

В) Семантически прилагательные предназначены для предикативного состояния объекту, и если в языке есть возможность употребления прилагательных без атрибутивной «оболочки» — они могут формировать лексическое ядро предикации подобно глаголам. Таковы краткие формы (КФ) русских прилагательных.

С) В обоих случаях, как в А, так и (тем более) в В дистрибуция адъективной проекции независима от именной и не восходит к функции модификации.

2. Атрибутивный подход к анализу предикации с прилагательными

Первые работы, в которых подробно исследовались различия в поведении русских прилагательных в атрибутивной и предикативной позиции, относятся к 60-м годам XX века. Одним из первых

прилагательных, по крайней мере, на первый взгляд, не ограничены атрибутивным контекстом и могут использоваться и предикативно. Исследования проблемы предикативных прилагательных во многом были сосредоточены на способах объяснения асимметрии в дистрибуции краткой и полной форм. То, что у КФ отсутствует атрибутивное употребление, наводит на мысль, что подобная асимметрия является не более чем поверхностным выражением глубинной симметрии. Согласно такому анализу, ПФ прилагательных в русском языке всегда являются атрибутивными и в предикативном употреблении связаны с присутствием именной проекции². Впервые предложенный в [Исаченко 1963] и развитый в [Babby 1973; Siegel 1976; Babby 1994] и других работах, такой подход к предикативным ПФ стал общепринятым в формальной русистике. В упомянутых работах Л. Бэбби, М. Зигель, Дж. Бейлина, как и в некоторых других, ПФ прилагательных в предикативном употреблении считаются атрибутивными прилагательными с нереализованной именной вершиной.

Один из аргументов в пользу такого анализа, см. [Siegel 1976; Matushansky 2006; Bailyn 2012] и др., связан с разницей в интерпретации следующих пар предложений:

- (2) а. *Студентка умна.* КФ, абсолютная интерпретация
б. *Студентка умная.* ПФ, относительная интерпретация

[Siegel 1976: 297]

Наблюдаемая в (2b) «относительная» интерпретация возникает при таком подходе в связи с наличием свободной переменной Δ («Студентка умная Δ »), областью изменения которой является множество нарицательных существительных. Такая свободная переменная может соответствовать некоторой нулевой вершине и связываться подлежащим.

² М. Зигель пишет: «Теперь мы можем утверждать, что полные формы на самом деле образуются только в приименной позиции, а краткие формы — только в предикативной позиции» («We can now say that long forms are actually generated only prenominally and short forms only in predicate position»), см. [Siegel 1976].

Однако утверждение об атрибутивной природе ПФ прилагательных в предикативной позиции разделяется не всеми. В [Pereltsvaig 2007] номинативные ПФ противопоставляются КФ и инструментальным ПФ. Первые, по мнению Перельцвайг, являются частью предикативных DP (полной проекции именной группы), в то время как вторые — проекцией прилагательного. Перечислим некоторые аргументы против атрибутивного анализа.

Одним из наиболее известных аргументов в пользу атрибутивного анализа считается согласование в числе с формами вежливости второго лица:

- (3) а. *Вы красивы* / **красива*.
 б. *Вы красивая* / **красивые*.
 в. *Вы пришли* / **пришла*.

В случае единственного референта вежливой формы местоимения *Вы* КФ требует согласования по множественному числу (как и глагол), а ПФ — по единственному. Этот факт, с одной стороны, позволяет говорить о том, что КФ объединяется с глагольными формами [Babby 1975; Geist 2010], а с другой — дает основания предполагать, что за ПФ стоит нулевая именная вершина.

Критики первого утверждения нам не известно, в то время как последнее ставится под сомнение в [Geist 2010; Borik 2014]. Так, в [Geist 2010] говорится, что восстановить фонологически невыраженную вершину невозможно — неясно, какое именно существительное стоит за ней:

- (4) *После экзамена Иван был усталый.* (*усталый: человек? / студент? / Иван?*)

[Geist 2010: 246].

Еще один аргумент состоит в недоспецификации предикативной ПФ по роду [Geist 2010: 246] и числу [Borik 2014:146]. Значение рода и числа предикативных ПФ всегда повторяют те, которые представлены у существительного, и не соответствуют значению релевантного признака у возможной невыраженной вершины:

- (5) а. *Сергей — хорошая няня.*
 б. **Сергей хорошая.* [Geist 2010: 246].
- (6) а. *Овощи были полезным продуктом.*
 б. **Овощи были полезным.* [Borik 2014: 146].

Вместо этого в [Geist 2010; Borik 2014] предлагается считать, что прилагательное в предикативной позиции употребляется не в составе именной группы с нулевым элементом, а изолированно.

К приведенной выше критике атрибутивного анализа предикативной ПФ можно добавить следующие три аргумента. Во-первых, ПФ прилагательных в предикативной позиции не сохраняют идиоматическую интерпретацию, наблюдаемую в атрибутивной позиции:

- (7) а. *золотая рыбка* (внешний признак vs персонаж сказки).
 б. *Рыбка (была) золотая* (только про цвет).
 [Grashchenkov, Grashchenkova 2007].
- (8) а. *медные трубы* (библейская метафора vs материал).
 б. *Трубы (были) медные* (только в значении материала).
 [Grashchenkov, Grashchenkova 2007].
- (9) а. *китайская грамота* ('нечто сложное, непонятное' vs культурная принадлежность).
 б. *Грамота (была) китайская* (только как культурная принадлежность).
 [Grashchenkov, Grashchenkova 2007].

Во-вторых, факты, связанные с формированием «цепочки» прилагательных, демонстрируют еще один контраст между предикативными и атрибутивными ПФ прилагательных. Предикативная позиция, в отличие от атрибутивной, невозможна при нейтральной интонации

в случае двух или более прилагательных, см. [Baker 2003] для других языков:

- (10) а. *широкое синее море*
 б. **Море (было) широкое синее.*
- (11) а. *высокий каменный дом*
 б. **Дом (был) высокий каменный.*

В-третьих, одним из вариантов атрибутивного подхода к предикативным ПФ мог бы быть анализ с передвижением всей именной группы помимо прилагательного в позицию подлежащего, (упрощенно) представленный ниже:

- (12) а. *Дом был каменный.*
 б. [_{VP} был [_{DP} каменный дом]]
 с. [_{TP} дом_i [_{VP} был [_{DP} каменный t_i]]]

Действительно, в русском языке есть конструкции с предикативными ПФ, очевидным образом восходящие к предикативным именным группам. Предикативные именные вершины в таких конструкциях имеют классифицирующее значение и передвигаются в позицию топика:

- (13) а. *Учительница она была строгая.*
 б. *Человек он был добрый.*
 с. *Женщина она была злая.*

(интернет).

Примечательно, что замена ПФ на КФ в подобных случаях невозможна, что говорит об исходной атрибутивной позиции ПФ:

- (14) а. **Учительница она была строга.*
 б. **Человек он был добр.*
 с. **Женщина она была зла.*

Однако деривация с передвижением / удалением вершинного имени невозможна в случаях, когда подлежащим именной предикации является имя собственное или местоимение. И те и другие представляют собой единицы уровня DP, а прилагательные (независимо от взгляда на их роль в именной группе) порождаются внутри DP. В то же время именные предикации типа *Петя / Он был веселый* ведут себя аналогично предикациям типа *Дом был каменный*.

Контраст между (13) и (14), видимо, объясняется так. В (13) в позицию начала переносится тематическая часть рематической именной группы (*строгая учительница, добрый человек, злая женщина*). Такие существительные не несут новой информации и их сдвиг влево оправдан дополнительным выделением рематических прилагательных, остающихся в конце, ср.:

(15) а. *Вечер наступал / теплый, душный.*

б. *Снега лежали / розовые, палевые, голубые.*

[Ковтунова 2002:160].

Если ситуация именно такова, то неграмматичность (14) объясняется тем, что в ней нет исходной именной группы.

Еще один аргумент, различающий предикативное употребление прилагательных в составе именных групп и вне их, мы находим в области лицензирования отрицательных местоимений. В [Байков 2022] установлен следующий контраст:

(16) ^{ok}*Задача не была легкой ни для кого из учеников.*

**Задача не была легким ни для кого из учеников заданием.*

[Байков 2022].

Еще одной дистрибутивной особенностью, отличающей употребление прилагательных от употребления именных групп, является вторичная предикация. Если оформление инструменталисом доступно обоим типам проекций, то к согласовательной стратегии могут прибегать только прилагательные:

(17) *Дочка, доложу я вам, выросла умная и смелая* (интернет).

- (18) a. *А Паша встретил ее в коридоре пьяный* (интернет).
 b. *А Паша встретил ее в коридоре пьяную.*
- (19) a. **Дочка выросла умная девушка* (^{ok}*умной девушкой*).
 b. **Паша встретил ее в коридоре пьяный красавец* (^{ok}*пьяным красавцем*).
 c. **Паша встретил ее в коридоре пьяную красавицу* (^{ok}*пьяной красавицей*).

Контраст между (17)–(18), с одной стороны, и (19), с другой, показывает, что прилагательные могут прибегать к согласовательной стратегии. Именные группы в роли вторичного предиката (т. е. при отсутствии паузы перед ними), напротив, не могут оформляться согласуемым падежом (номинативом или аккузативом в примерах выше).

Итак, мы показали, что атрибутивный подход к предикативному употреблению ПФ русских прилагательных сталкивается с рядом проблем. Мы сформулируем свой подход к структуре русской предикативной ПФ, основанный на представлениях о структуре и функциях КФ и ПФ. Анализу предикативной ПФ будут предшествовать краткое описание структуры именной предикации и разбор синтаксиса предикативной КФ.

3. Подходы к структуре именной предикации

В работе [Bowers 1993] было обосновано существование в именных предикациях абстрактной вершины Pred, ответственной за приписывание семантической роли подлежащему. Предикативные именные группы или группы прилагательного выбираются в качестве комплемента вершиной Pred, которая в русском языке ответственна также за приписывание предикативного инструменталиса. Подобный анализ получил достаточно широкое распространение, см. [Vailyn 2012; Strigin, Demjjanow 2001] и другие работы.

Проблемы, которые встают перед исследователями при анализе именной предикации в русском языке, вкратце сводятся к следующему. Во-первых, необходимо объяснить процесс падежного согласования. В случае именной или вторичной предикации, а также при обособленных употреблении согласование может быть с номинативным субъектом, аккузативным объектом и иногда — с некоторыми другими участниками. Во-вторых, необходимо объяснить предикативный инструменталис как при именной (*Мальчик был больным*), так и при вторичной (*Я проснулся больным*) предикации.

Гипотеза о существовании Pred помогает решить проблему приписывания инструменталиса. Действительно, если источник связочного инструменталиса еще может быть как-то локализован (собственно в бытийной связке), то инструменталис при вторичной предикации выглядит вовсе «возникающим из воздуха». Поскольку каждое значение падежного признака должно иметь свой источник, необходимо было локализовать его и в случае предикативного инструменталиса.

Представления о том, как реализована вершина Pred, у разных исследователей складывались по-разному. В [Strigin, Demjjanow 2001] предлагалось считать, что номинатив как согласовательный падеж на прилагательном возникает в связи с механизмом «просачивания» падежа от Pred. Стригин и Демьянова предполагают существование двух вершин Pred: с именными ф-признаками и без них. Различие в оформлении именных предикатов (согласование vs инструменталис) связано с типом используемой вершины Pred.

В [Bailyn 2012] проводится структурное различие между инструменталисом, согласуемым падежом вторичной предикации и номинативом именной предикации. Инструменталис всегда имеет своим источником Pred, как в первичной, так и во вторичной предикации. «Повторяемый» падеж вторичной предикации («sameness case») является результатом множественного согласования (multiple agree). В этом случае единственный источник падежного признака обслуживает как аргументную именную группу, так и вторичный предикат, являющийся адьюнктом. Случай согласуемой именной предикации анализируется как результат действия «выраженных предикаторов»

(«overt predicators»). Образуемые при этом структуры так же, как и в случае инструменталиса, связаны с PredP, однако позицию вершины заполняет не нулевая функциональная вершина, а различные формы глагола *быть*, которые и являются источником номинативного признака. Именная предикация с инструменталисом образуется аналогично вторичной предикации с инструменталисом.

Кроме этого, для разграничения употреблений инструментальных и согласуемых предикатов предлагался ряд подходов, связанных с различием индивидного и стадийного уровня, временной соотнесенности событий основной и вторичной предикаций и т. д., см. [Filip 2001; Richardson 2007: 107–163; Markman 2008; Matushansky 2008] и др.

Иная структура обычно предлагается для КФ русских прилагательных. Начиная с [Babby 1973], многие исследователи исповедовали подход к КФ как единице, имеющей глагольную природу. Так, в [Grashchenkov, Grashchenkova 2007; Geist 2010; Borik 2014; Гращенков 2018] предлагается считать, что краткие и полные формы прилагательных по-разному организуют именную предикацию. Краткие формы ведут себя подобно глаголам, используя вершину T «напрямую», а полным формам необходима «дополнительная поддержка» — участие в деривации абстрактной вершины Pred.

Важный аргумент в пользу того, что PredP отсутствует в предикациях с краткой формой, — тот факт, что КФ может самостоятельно присваивать семантическую роль. В [Geist 2010] приводится следующая парадигма:

(20) a. <i>Ребенок больной.</i>	a'. <i>Голос у него больной.</i>
b. <i>Ребенок болен.</i>	b'. * <i>Голос у него болен.</i>
e. <i>Ребенок болеет.</i>	c'. * <i>Голос у него болеет.</i>

[Geist 2010: 249–250].

Семантические ограничения на субъект в данном случае совпадают у КФ и глагола, а для ПФ прилагательного допустимо метонимическое преобразование ‘обладатель’ — ‘обладаемое’. Данный

факт может говорить о том, что механизм присваивания семантической роли существует у КФ и глагола, а ПФ неспособна присваивать семантическую роль самостоятельно.

Следуя [Bailyn 2012], мы будем анализировать предикативную ПФ как образующуюся при участии вершины Pred. Такой подход применим как при «согласовательной» (в случае именной предикации — номинативной) стратегии, так и при стратегии с инструменталисом. Различие состоит лишь в конкретных механизмах, предписывающих выбор согласования либо предикативного инструменталиса. Ниже мы разовьем идею, в соответствии с которой КФ в отличие от ПФ не требуют вершины Pred и, подобно кратким причастиям, являются комплементом функциональной проекции T.

4. Проекция КФ

Согласно [Babby 1973; Babby 1994; Geist 2010; Borik 2014], русские КФ, так же, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Примем по аналогии с лексической глагольной вершиной V: в случае КФ прилагательных за проекцию подлежащего ответственно адъективная вершина Adj.

Адъективная вершина Adj и глагольная вершина V имеют также следующее общее свойство. Над вершинами обоих типов могут надстраиваться функциональные проекции, имеющие признак падежа. В случае прилагательных мы получаем ПФ, а в случае глаголов — полные причастия. Причастия, естественно, соответствуют более сложным (чем прилагательные) ситуациям и имеют более развернутую внутреннюю структуру: способны приписывать аккузатив своим комплементом (*решивший задачу ученик*) и т. д.

К различиям между проекциями Adj и V относятся также отмеченные в [Borik 2014] расхождения в употреблении бытийной связки. Если с пассивными причастиями вспомогательный глагол *быть* в ряде контекстов может опускаться, то в случае кратких прилагательных такое невозможно:

- (21) а. *Дом (был) построен в прошлом году.*
 б. *Ребенок *(был) болен в прошлом году.*

[Borik 2014: 152].

Мы, однако, считаем, что интерпретировать событие, описываемое пассивным причастием, как относящееся к прошлому позволяет в данном случае грамматическое значение совершенного вида, имеющееся у причастия. В случае отнесенности к будущему обе формы неграмматичны без вспомогательного глагола:

- (21') а. *Дом *(будет) построен в следующем месяце.*
 б. *Ребенок *(будет) болен всю следующую неделю.*

Мы полагаем, что дистрибуция кратких прилагательных и причастий не различается, различны лишь количество событийной и аргументной структуры в их составе и частеречная принадлежность.

Важной особенностью синтаксиса КФ является то, что они, в отличие от ПФ, образуют простую предикацию без участия предикативной вершины Pred. Напомним, что Pred необходима по двум причинам: (i) присваивания семантической роли и (ii) приписывания падежного признака в языках типа русского. В случае предикации с КФ первую задачу выполняет вершина Adj, а падежного признака КФ лишены — следовательно, необходимость в употреблении Pred отпадает. Отметим, что прилагательные в данном случае сближаются с краткими причастиями, которые, очевидно, также образуют простую предикацию без участия Pred.

Краткие прилагательные всегда употребляются в качестве компонента проекции TP — в этом их сходство с глаголом. Подлежащее, порожденное внутри проекции Adj, поднимается вверх по структуре в Spes, TP.

Итак, мы считаем, что прилагательные, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Причем правила проекции аргументов у прилагательных и глаголов совпадают — внутренний участник связан с проекцией лексической вершины. Главное отличие прилагательных от глаголов — в неспособности КФ прилагательных

возглавлять финитную клаузу и выражать видовременные значения в отсутствие глагола *быть*.

5. Особенности дистрибуции инструментальных ПФ, согласуемых ПФ и КФ

Итак, мы установили два важных факта: (i) предикативное употребление ПФ прилагательных невозможно возвести к атрибутивному; (ii) предикативное употребление КФ прилагательных похоже на употребление глагольных форм согласованием (*Вы красивы / пришли / красивая*) и наличием семантической роли (*Голос у ребенка *болен / *болеет / ^{ok}больной*).

В данном разделе мы рассмотрим различия в предикативной дистрибуции трех допустимых форм прилагательного: инструментальной, согласуемой и краткой. Нашей задачей будет установить, какие тут можно обнаружить различия и чем они объясняются.

В ряде работ, посвященных контролю в русском языке, противопоставляется контроль инфинитивного подлежащего из субъекта матричного глагола «напрямую» («subject-control infinitive», «simple subject control») и другие виды контроля, при которых признаки субъекта матричного глагола не доступны для нулевого подлежащего инфинитива:

Рассмотрим следующие примеры:

(22) а. *Она хотела быть красива.*

б. *Ты можешь быть свободен.* (интернет).

(22') а. **Она хотела быть красивая.*

б. **Ты можешь быть свободный.*

КФ — в отличие от ПФ — допустимы в инфинитивных клаузах с субъектным контролем. Причина здесь, как представляется, в том, что у ПФ должен быть означен падежный признак, отсутствующий

у КФ. Как мы предположили выше, в структуре адъективных предикаций с ПФ должна быть вершина Pred — она, согласно [Bowers 1993], нужна для приписывания падежа и присваивания семантической роли. Напомним, что обе эти функции релевантны для русского, см. выше. Поскольку значение падежного признака в случае согласуемого предиката у Pred отсутствует, он передается из субъектной позиции вниз в Spec, PredP. В случае КФ PredP отсутствует и адъективная проекция встраивается сразу как комплемент зависимой TP:

- (23) а. [_{TP} Она [_{VP} хотела [_{TP} PRO_{-case} [_{VP} быть [_{AdjP} красива]]]]]]
 б. [_{TP} Она [_{VP} хотела [_{TP} PRO_{-case} [_{VP} быть [_{PredP}{?case} [_{Attr} красивая]]]]]]]

Допустим для простоты, что нулевые подлежащие инфинитивных клауз лишены падежного признака³. При этом падежный признак должен быть означен у Pred/ПФ. Это не является проблемой для КФ, не требующих спецификации по падежу и, как следствие, допустимых в подобных контекстах.

Дальнейшее исследование употребления двух форм ПФ и КФ в инфинитиве позволяет дополнительно разграничить их дистрибуцию. Рассмотрим случаи объектного контроля (24), инфинитивов, вложенных в отглагольные существительные (25), и инфинитивов с заполненным комплементаризатором (26). Они характеризуются как случаи, при которых передача признаков от субъекта матричной предикации затруднена, см. [Landau 2008; Lyutikova 2022] и др. Мы обнаруживаем, что все подобные контексты позволяют употребление инструментальной ПФ, но не согласуемой ПФ или КФ:

- (24) а. *Мы попросили его к утру быть трезвым* (интернет).
 б. **Мы попросили его к утру быть трезв / трезвый*.

³ Есть разные точки зрения относительно падежа у PRO, в любом случае наше утверждение можно переформулировать как недоступность падежного признака матричного подлежащего.

- (25) а. *Влияет ли на внешность человека его желание быть красивым?* (интернет)
б. **Влияет ли на внешность человека его желание быть красив / красивый?*
- (26) а. *Он придумал, как быть бессмертным* (интернет).
б. **Он придумал, как быть бессмертен / бессмертный.*

Дистрибуция прилагательных в инфинитивах выше аналогична дистрибуции инфинитивов, занимающих позицию субъекта:

- (27) а. *Быть здоровым — долг перед будущими детьми.*
б. *Быть вежливым — значит уметь себя вести и иметь хорошие манеры.*
- (28) а. **Быть здоров / здоровый — долг перед будущими детьми.*
б. **Быть вежлив / вежливый — значит уметь себя вести и иметь хорошие манеры.*
(интернет)

Еще один контекст, допускающий инструментальные ПФ, но не согласуемые ПФ или КФ, — инфинитивы с контролем из дативного субъекта:

- (29) а. *Ей нужно быть откровенной и спросить Лиамы и Джозефину напрямую.*
б. *Ему можно быть вредным, он красивый.*
(интернет)

- (30) а. **Ей нужно быть откровенна / откровенная.*
б. **Ему можно быть вреден / вредный.*

Все пять контекстов в (24)–(30) объединяет то, что признаки матричного номинативного подлежащего «не видны» прилагательному в именной части сказуемого. В случае (24) PRO контролируется из объектной

позиции; в (25) между контролером и вложенной структурой есть граница именной группы; в (26) в инфинитивной клаузе заполнена вершина С; в (27)–(28) контролер отсутствует; в (29–30) контролер — дательный субъект. Все перечисленные контексты можно определить как случаи необязательного контроля, см. [Landau 2008; Lyutikova 2022]. Для них характерна бóльшая непрозрачность инфинитивной клаузы, комплементаризер которой может иметь собственные признаки, что делает попадание ф-признаков из матричной предикации невозможным.

Контраст между (22) и (22') для неграмматичной согласуемой ПФ и грамматичной КФ мы объяснили как результат недоступности номинативного падежного признака. Что же делает неграмматичной КФ в случаях (24)–(30), где падежный признак не релевантен? Для предикации с КФ наличие субъекта необходимо для означивания признаков рода и числа, происходящее в результате согласования с подлежащим. Причина неграмматичности в перечисленных случаях состоит в том, что как для номинативной ПФ, так и для КФ необходимо *си-командующее* подлежащее, способное передать признаки рода и числа в случае КФ, а также и падежа для ПФ.

Примечательно, что аналогичным образом ведут себя и пассивные предложения с краткими (и полными согласуемыми) причастиями. Все разобранные случаи необязательного контроля с краткими причастиями также неграмматичны:

- (31) a. *Отсутствие поддержки вынудило Владимира быть вовлеченным в преступную деятельность.* (интернет)
 b. **Это вынудило Владимира быть вовлечен / вовлеченный в преступную деятельность.*
- (32) a. *Все эти симптомы скрывали ее стремление быть любимой.* (интернет)
 b. **Все эти симптомы скрывали ее стремление быть любима / любимая?*
- (33) a. *И Стас придумал, как не быть застигнутым его появлением врасплох.* (интернет)

- b. **Стас придумал, как не быть застигнут / застигнутый
врасплох.*
- (34) a. *Купить квартиру и не быть обманутым — это просто.*
(интернет)
- b. **Не быть обманут / обманутый — это просто.*
- (35) a. *Раз ему суждено быть обманутым, то пусть так и будет.*
(интернет)
- b. **Ему суждено быть обманут / обманутый.*

В случае си-командующего субъектного контролера главной клаузы краткие (но не полные) причастия грамматичны:

- (36) a. *Он не хотел быть обманут / *обманутый.*
- b. *Рыба могла быть поймана / *пойманная в водоеме с высоким содержанием вредных веществ.*
(интернет)

Таким образом, дистрибуция кратких причастий и КФ прилагательных в данных контекстах одинакова, что позволяет по-новому оценить предложенный в [Бэбби 1985] подход к прилагательным как аналогам причастий. Если мы, например, примем деривационный подход к контролю (control as movement), см. [Voesckx et al. 2010], можно полагать, что в спецификаторе обеих структур (AdjP, PartP) порождается пациентивное подлежащее, которое затем поднимается в спецификатор TP. Такая деривационная история объясняет грамматичность субъектных инфинитивов и неграмматичность случаев обязательного контроля.

Итак, мы установили, что для согласуемой предикативной ПФ необходимо локальное подлежащее, для КФ — либо локальное подлежащее, либо субъектный контроль из матричной клаузы⁴.

⁴ Мы оставляем для будущей дискуссии вопрос о грамматичности инструментальной ПФ. Скажем лишь, что отсутствие падежного признака в данном случае нерелевантно, т. к. он присваивается вершиной Pred. Что касается признаков

Рассмотрим теперь некоторые случаи, в которых допустимо употребление КФ и недопустимо — ПФ. В обоих случаях ниже речь идет о прилагательных с лексическими зависимыми, что исключает употребление согласуемой ПФ (**Мальчик был довольный оценкой*), см. [Гращенков 2018]. Однако инструментальной форме, см. (37) ниже, встречаются употребления, которые легко преобразуются в предложения с КФ в (38)–(39а):

(37) а. *Мы были довольными всеми блюдами.*

б. *Комната была интересна двумя вещами.*

(интернет)

Конфигурация с плаванием квантора при этом допустима для КФ и недопустима для ПФ:

(38) а. **Блюдами мы были довольными всеми.*

б. *^{ok}Блюдами мы были довольны всеми.*

(39) а. **Вещами комната была интересной двумя (кровать и холодильник).*

б. *^{ok}Вещами комната была интересна двумя (кровать и холодильник).*

Как представляется, причиной неграмматичности может быть наличие дополнительного уровня проекции в случае ПФ. Похожие ограничения на вынос квантифицируемого можно наблюдать, например, если квантор помещен в именную группу-посессор:

(40) а. *Я знаю всех своих учеников.*

б. *Своих учеников я знаю всех.*

(интернет)

(41) а. *Я знаю друга всех своих учеников.*

б. **Своих учеников я знаю друга всех.*

рода и числа, механизм их означивания может совпадать с таковым для вторичной предикации (*Петя увидел Машу пьяной*).

Как мы предполагали, см. (23), в случае ПФ над группой прилагательного дополнительно надстраивается PredP, берущая комплементом адъективную составляющую Atr. Обе эти составляющие связаны с выражением падежного признака и их границы могут блокировать связь квантифицируемого и кванторного слова так же, как это делает лишний уровень посессора в (41b).

6. Предикативная ПФ

Предикации с ПФ, как мы считаем, отличаются от предикаций с КФ по двум параметрам: (i) ПФ в процессе деривации «выбираются» вершиной Pred, ответственной за проекцию подлежащего и назначение ему семантической роли; (ii) предикативные ПФ образуются как «плоские» составляющие, лишённые внутренней структуры, и не могут присваивать семантическую роль.

Подобный подход объясняет различие в интерпретации предложений *Мальчик (был) здоров* и *Мальчик (был) здоровый*. В случае КФ перед нами ситуация, задаваемая стативным предикатом и актуальная на протяжении определенной временной дистанции. В случае ПФ представлено классифицирующее значение — такое же, как при атрибутивном употреблении ('мальчик — из числа здоровых').

Рассмотрим аргументы противников атрибутивного подхода, предложенные в [Geist 2010] и [Borik 2014]. Как было замечено Л. Гейст, КФ более избирательна в выборе субъекта. В отсутствие комплементов предикативная ПФ ведет себя в данном отношении аналогично атрибутивной ПФ, при этом обе они оказываются противопоставлены КФ. В то же время, по замечанию О. Борик, обладающие комплементами атрибутивные ПФ объединяются с КФ:

(42) а. *Мальчик / Голос был больной.*

б. *больной голос / мальчик*

c. *Мальчик* / **Голос был болен*.

d. *больной ангиной мальчик* / **голос*

Как мы видим, предикативные и атрибутивные ПФ без compleментов, с одной стороны, противопоставлены КФ и атрибутивным ПФ с compleментами, с другой. Это связано с тем, что только КФ и атрибутивная ПФ (но не предикативная ПФ) могут иметь проекцию Adj, ответственную за вставление подлежащего.

Атрибутивное употребление ПФ допускает использование проекции Adj, в то время как предикативное — нет. Это позволяет объяснить то, что атрибутивные ПФ с compleментами ведут себя как КФ, ср.: **больной ангиной голос* / **Голос болен ангиной*. Причина неграмматичности в обоих случаях — то, что вершина Adj присваивает семантическую роль, а именная группа *голос* не может быть участником ситуации ‘болеть’. В случае ПФ без compleмента семантическая роль не присваивается, а связывание ситуации и ее участников происходит на основании прагматики, что допускает более широкую трактовку отношений, ср. грамматичность *больной мальчик / голос*; *Мальчик / голос был больной* (ср. также приведенные выше примеры контраста между значением КФ и ПФ).

Наиболее спорным вопросом, как уже было сказано, является статус предикативной составляющей, содержащей ПФ прилагательного. Для одних исследователей такой проекцией является именная группа с невыраженной вершиной, см. [Исаченко 1963] и др. Для других лингвистов предикативная ПФ связана с проекцией прилагательного (имеющей глагольную природу), см. [Geist 2010] и др. Мы предлагаем считать, что предикативные ПФ имеют атрибутивную природу, восходящую, однако, не к именной группе. В случае предикативной ПФ именная вершина и именная проекция вовсе отсутствуют. Атрибутивный характер составляющей объясняется наличием именных согласовательных признаков (рода, числа и падежа) в проекции самой ПФ.

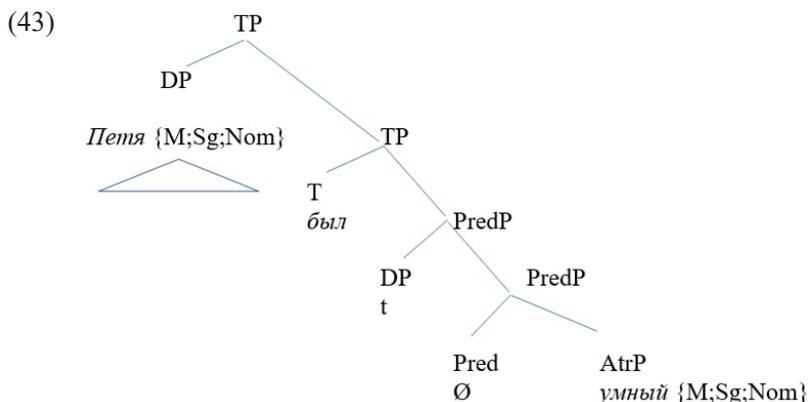
Представленная критика атрибутивного анализа демонстрирует, что предикативное употребление ПФ не связано с эллипсисом именной вершины. Мы придерживаемся атрибутивного подхода к предикативным ПФ в том смысле, что в функции именного предиката

употребляются специфицированные атрибутивные словоформы — полные формы прилагательного, обладающие (согласовательными) категориями рода, числа и падежа, что делает их употребление похожим на субстантивацию.

Итак, предикативные ПФ в русском представляют собой AtrP, а не DP/NP, но такие AtrP, которые в русском языке специфичны именно для атрибутивного употребления.

В отличие от КФ, ПФ прилагательных имеют признак падежа. По этой причине русские ПФ в составе именного сказуемого всегда образуются при участии вершины Pred, которая берет компонентом проекции с падежным признаком.

Подлежащие именных предикаций с ПФ, следовательно, порождаются в Spec, PredP. Для построения именной части предикации с ПФ необходимо означивание признаков рода, числа и падежа на прилагательном. Передвигаясь выше по структуре в Spec, TP, подлежащие получают значение номинатива. После этого признаки рода, числа и падежа просачиваются вниз по структуре до именной части предикации. ПФ прилагательного, таким образом, получает все необходимые ей признаки только после того, как субъектная именная группа поднимется в позицию подлежащего:

Одно из следствий такого подхода состоит в том, что образование субъектной DP не зависит от предикативной AdjP. Этим объясняется

невозможность рассогласования субъекта и (части) предиката в роде или числе (**Сергей хорошая* {няня}; **Овощи были полезным* {продуктом}). Предикативная ПФ не имеет собственных значений согласовательных признаков (как при наличии именной вершины няня, *продуктом*) и потому зависит от значений таких признаков на субъекте.

Грамматичность предложений *Вы красивая* и т. п. связана с тем, что местоимения (DP) и ПФ прилагательных порождаются как две различные проекции: именная группа и группа прилагательного. Стратегия согласования по единственному числу имеет место всегда, когда уважительное *Вы* не образует с группой прилагательного проекции с начала деривации. Это видно на примере таких именных составляющих, как согласуемые дрейфующие элементы (*сам / один / ...*) или вторичные предикаты, см. [Madariaga 2006]:

(44) а. *Вы придете одна.*

б. *В том, что Вы можете сам с собой разговаривать, нет ничего страшного.*

(интернет)

(45) а. *Вы выглядите одинокой.*

б. *Но Вы выросли озлобленным и вечно обделенным человеком.*

(интернет)

Во всех данных примерах согласование по множественному числу было бы неграмматично, т. е. вторичные предикаты тут не составляют одной проекции с прилагательным, как и ПФ в случае *Вы красивая*.

7. Некоторые следствия и параллели

К предложенному нами анализу не применима критика, относящаяся к прежним вариантам атрибутивного подхода. Деидиоматизация следует из предлагаемой нами структуры автоматически: части именных групп *золотая рыбка, медные трубы, китайская грамота*

более не образуют единого элемента, а представляют фактически две различные составляющие. Для идиом, которые хранятся в словаре как цельная лексическая единица, такое недопустимо.

Столь же автоматически решается и проблема запрета двух и более атрибутивных прилагательных (**Море было широкое синее* и т. п.). Поскольку частью именного предиката является группа прилагательного, «наслоение» нескольких прилагательных невозможно — это допустимо только в рамках именной группы.

Проблемы количества вынесенной в субъектную позицию именной структуры (DP vs NP; *Петя был веселый vs человек был веселый*) также не возникает: субъектная именная группа и проекция прилагательного образуются независимо.

Остальные отличия ПФ и КФ были объяснены выше. Напомним, что главным различием в структуре является формирование адъективной предикации в полной форме с вершиной Pred, но вне именной проекции. AdjP, представленная полной формой, является, таким образом, еще одной (кроме именной группы) проекцией с именными признаками.

Иначе происходит деривация предикативных КФ. Как мы видели, они в сильной степени повторяют дистрибуцию таких нефинитных глагольных форм, как краткие страдательные причастия. Можно продолжить параллель между КФ прилагательных и причастий, впервые отмеченную Л. Бэбби, и дальше. Можно предположить согласно идеям, представленным в монографии [Ramchand 2008], что КФ русских прилагательных и причастий имеет тот же статус, что и результирующая проекция *gesP*, отвечающая в лексической структуре глагола за финальное состояние, в которое переходит субъект или объект.

В ряде языков лексикализацию *gesP* можно наблюдать — именно так, например, выглядят прилагательные в составе осетинских сложных предикатов:

- ОСЕТИНСКИЙ
 (46) *Æз дуар æрбай-гом кодтон.*
 я дверь PREF-открытый делать.PST.1.SG
 ‘Дверь приоткрылась.’ [Гращенков 2018: 324]

Другую типологическую параллель можно найти в языках без прилагательных. Адъективные значения в них передаются стативными предикатами. Подобные предикаты соответствуют состояниям или качествам, выражаемым в русском (английском, ...) при помощи прилагательных. Приведем пример из нивхского:

- Нивхский
 (47) Tamk-xun tak-nt-yun.
 рука-PL быть.теплым-IND-PL
 ‘Руки теплые’. [Груздева 2012: 467]

Таким образом, КФ русских прилагательных, адъективные части осетинских сложных предикатов и нивхские стативные предикаты схожи в том, что, обладая семантикой адъективов, они участвуют в деривации глагольных проекций.

8. Заключение

В работе поднимался вопрос о природе предикативного употребления прилагательных. Мы проанализировали проблемы, связанные с так называемым атрибутивным подходом к предикативным прилагательным: затрудненность в установлении элиминированной именной вершины, потеря идиоматического значения, невозможность употребления более одного предикативного прилагательного и др. Был сделан вывод об отсутствии проекции именной группы у предикативных полных форм.

Мы также предложили анализ, согласно которому структуры предикаций с краткой и полной формой прилагательного различны. Краткая форма, как и глагол, порождает подлежащее внутри своей проекции и является комплементом Т. Полная форма требует предикативной вершины Pred, ответственной за присваивание семантической роли и приписывание падежа. Релевантные грамматические признаки (прежде всего — именительный падеж) приобретаются полной формой прилагательного в процессе деривации. Согласно нашему

подходу, в предикациях с полной формой отсутствует именная структура, а сходство с именной группой объясняется употреблением атрибутивной (= полной) формы прилагательного. Типологические корреляты кратких форм находятся в языках, где роль прилагательных выполняют стативные глаголы, или языках, формирующих сложные предикаты, наподобие осетинского.

Литература

- Байков 2022 — Ф. В. Байков. Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование. Доклад на конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». 14 июня 2022 г.
- Бэбби 1985 — Л. Бэбби. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Т. В. Бульгина, А. Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М.: Прогресс, 1985. С. 156–170.
- Гращенко 2018 — Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2018.
- Груздева 2012 — Е. Ю. Груздева. Аспектуальные классы глаголов в нивхском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 458–533.
- Исаченко 1963 — А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Т. Н. Молошная (отв. ред.). Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 61–93.
- Ковтунова 2002 — И. И. Ковтунова. Русский синтаксис: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: УРСС, 2002.
- Тестелец 1990 — Я. Г. Тестелец. Наблюдение над семантикой оппозиций «имя / глагол» и «существительное / прилагательное» (к постановке проблемы) // В. М. Алпатов (ред.). Части речи: теория и типология. М.: Наука, 1990. С. 77–95.
- Babby 1973 — L. Babby. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian // *Language*. 1973. Vol. 49. P. 349–360.
- Babby 1975 — L. Babby. A transformational grammar of Russian adjectives. Hague; Paris: Mouton, 1975.
- Babby 1994 — L. Babby. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // S. Avrutin, S. Franks, L. Progovac (eds.). Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan: Slavic Publications, 1994. P. 25–67.

- Bailyn 2012 — J. Bailyn. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Baker 2003 — M. C. Baker. *Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bhat 1994 — D. N. S. Bhat. *The adjectival category: Criteria for differentiation and identification*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Boeckx et al. 2010 — C. Boeckx, N. Hornstein, J. Nunes. *Control as Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Borik 2014 — O. Borik. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian // *Lingua*. 2014. Vol. 149. P. 139–165.
- Bowers 1993 — J. Bowers. The syntax of predication // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 591–656.
- Cinque 1993 — G. Cinque. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP // *Venice Working Papers in Linguistics*. 1993. Vol. 3. № 2. P. 21–4.
- Cinque 2010 — G. Cinque. *The syntax of adjectives. A comparative study*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
- Croft 1991 — W. Croft. *Syntactic categories and grammatical relations*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1991.
- Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. Adjective classes in typological perspective // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 1–49.
- Filip 2001 — H. Filip. The semantics of case in Russian secondary predication // R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9*. Ithaca; NY: CLC Publications; Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.
- Geist 2010 — L. Geist. The argument structure of predicate adjectives in Russian // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 239–260.
- Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — P. Grashchenkov, A. Grashchenkova. Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations // *Vitoria-Gasteiz*. 2007. 23–25 May, 20.
- Kayne 1994 — R. Kayne. *The antisymmetry of syntax*. (Linguistic Inquiry Monograph. No. 25). Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Landau 2008 — I. Landau. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // *Natural language and linguistic theory*. 2008. Vol. 26. Iss. 4. P. 877–924.
- Lyutikova 2022 — E. A. Lyutikova. On the structure of Russian infinitival clauses. Proceedings of the FASL conference, 2022. In print.
- Madariaga 2006 — N. Madariaga. Why Russian semi-predicative items always agree // *Journal of Slavic Linguistics*. 2006. Vol. 14. Iss. 2. P. 45–78.

- Markman 2008 — V. Markman. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions // *Journal of Slavic Linguistics*. 2008. Vol. 16. Iss. 2. P. 187–246.
- Matushansky 2006 — O. Matushansky. How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives. Séminaire de l'UMR 7023, CNRS. Université Paris 8, 2006.
- Matushansky 2008 — O. Matushansky. A case study of predication // F. Marušič, R. Žaucer (eds.). *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. Iss. 1. P. 59–94.
- Ramchand 2008 — G. C. Ramchand. *Verb meaning and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Richardson 2007 — K. Richardson. *Case and aspect in Slavic*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Siegel 1976 — M. E. Siegel. Capturing the Russian adjective // B. H. Partee (ed.). *Montague grammar*. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.
- Strigin, Demjjanow 2001 — A. Strigin, A. Demjjanow. Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 1–79.

References

- Babby 1973 — L. Babby. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian. *Language*. 1973. Vol. 49. P. 349–360.
- Babby 1975 — L. Babby. *A transformational grammar of Russian adjectives*. Hague; Paris: Mouton, 1975.
- Babby 1985 — L. Babby. Glubinnaya struktura prilagatelnykh i prichastiy v russkom yazyke [The deep structure of adjectives and participles in the Russian language]. T. V. Bulygina, A. E. Kibrik (eds.). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XV. Moscow: Progress, 1985. P. 156–170.
- Babby 1994 — L. Babby. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. S. Avrutin, S. Franks, L. Progovac (eds.). *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics*. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan: Slavic Publications, 1994. P. 25–67.
- Bailyn 2012 — J. Bailyn. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Baker 2003 — M. C. Baker. *Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

- Baykov 2022 — F. V. Baykov. *Otritsatelnyye mestoimeniya vnutri gruppy prilagatel'nogo: yeksperimentalnoye issledovaniye*. Doklad na konferentsii «Grammaticheskiye protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii» [Negative pronouns within the adjective phrase: an experimental study. The talk at the conference “Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony”].
- Bhat 1994 — D. N. S. Bhat. *The adjectival category: Criteria for differentiation and identification*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Boeckx et al. 2010 — C. Boeckx, N. Hornstein, J. Nunes. *Control as Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Borik 2014 — O. Borik. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian. *Lingua*. 2014. Vol. 149. P. 139–165.
- Bowers 1993 — J. Bowers. The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 591–656.
- Cinque 1993 — G. Cinque. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. *Venice Working Papers in Linguistics*. 1993. Vol. 3. № 2. P. 21–24.
- Cinque 2010 — G. Cinque. *The syntax of adjectives. A comparative study*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
- Croft 1991 — W. Croft. *Syntactic categories and grammatical relations*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1991.
- Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. Adjective classes in typological perspective. R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 1–49.
- Filip 2001 — H. Filip. The semantics of case in Russian secondary predication. R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9*. Ithaca; NY: CLC Publications; Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.
- Geist 2010 — L. Geist. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 239–260.
- Grashchenkov 2018 — P. V. Grashchenkov. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya atributivnosti i adektivnosti* [The Grammar of Adjectives. Typology of Adjectives and Attributives]. Moscow: YASK, 2018.
- Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — P. Grashchenkov, A. Grashchenkova. *Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations*. Vitoria-Gasteiz, Spain. 23–25 May, 20.
- Gruzdeva 2012 — E. Yu. Gruzdeva. Aspektualnyye klassy glagolov v nivkhskom yazyke [Aspectual classes of verbs in Nivkh]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. T. VIII. Pt. 2. P. 458–533.
- Isachenko 1963 — A. V. Isachenko. Transformatsionnyy analiz kratkikh i polnykh prilagatelnykh [Transformational analysis of short and full adjectives].

- T. N. Moloshnaya (ed.). *Issledovaniya po strukturnoy tipologii* [Research on structural typology]. Moscow: Publishing House Academy of Sciences of the USSR, 1963. P. 61–93.
- Kayne 1994 — R. Kayne. The antisymmetry of syntax. (Linguistic Inquiry Monograph. No. 25.) Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Kovtunova 2002 — I. I. Kovtunova. *Russkiy sintaksis: poryadok slov i aktualnoye chleneniye predlozheniya* [Russian syntax: word order and information structure]. Moscow: URSS, 2002.
- Landau 2008 — I. Landau. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural language and linguistic theory*. 2008. Vol. 26. Iss. 4. P. 877–924.
- Lyutikova 2022 — E. A. Lyutikova. *On the structure of Russian infinitival clauses*. Proceedings of the FASL conference, 2022. In print.
- Madariaga 2006 — N. Madariaga. Why Russian semi-predicative items always agree. *Journal of Slavic Linguistics*. 2006. Vol. 14. Iss. 2. P. 45–78.
- Markman 2008 — V. Markman. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions. *Journal of Slavic Linguistics*. 2008. Vol. 16. Iss. 2. P. 187–246.
- Matushansky 2006 — O. Matushansky. *How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives*. Séminaire de l'UMR 7023, CNRS. Université Paris 8, 2006.
- Matushansky 2008 — O. Matushansky. A case study of predication. Studies in formal Slavic linguistics. F. Marušič, R. Žaucer (eds.). *Contributions from formal description of Slavic languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. Iss. 1. P. 59–94.
- Ramchand 2008 — G. C. Ramchand. *Verb meaning and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Richardson 2007 — K. Richardson. *Case and aspect in Slavic*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Siegel 1976 — M. E. Siegel. Capturing the Russian adjective. B. H. Partee (ed.). *Montague grammar*. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.
- Strigin, Demjjanow 2001 — A. Strigin, A. Demjjanow. Secondary predication in Russian. *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 1–79.
- Testelets 1990 — Ya. G. Testelets. Nablyudeniye nad semantikoy oppozitsiy “imya / glagol” i “sushchestvitelnoye / prilagatelnoye” (k postanovke problemy) [Observations on the semantics of oppositions “noun / verb” and “noun/adjective” (problem statement)]. V. M. Alpatov (ed.). *Chasti rechi: teoriya i tipologiya* [Parts of speech: theory and typology]. Moscow: Nauka, 1990. P. 77–95.

Deverbal adjectives are different from regular participles: The case of Natoro (Gur)

Vadim V. Dyachkov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Science (Moscow, Russia);
vadim.dyachkov@iling-ran.ru

Abstract. The paper deals with the syntax and semantics of deverbal adjectives in Natoro, an underdescribed Gur (<Niger-Congo) language. In Natoro, adjectives and participles (as well as forms with the distribution of Past Perfect) are derived using the same suffix, thus raising the question of whether the two represent the same syntactic category. In this paper, I argue against a uniform analysis of adjectives and participles. I show that the two classes exhibit different properties — namely, the adjectives denote states, whereas regular non-adjectival participles denote dynamic events. I argue that the theories claiming that Perfect-like forms refer to states do not account for the full range of the Natoro data. Many deverbal participles do not refer to states at all, but the state interpretations of deverbal adjectives arise due to the range of aktionsart properties of the initial verbal stem rather than to the semantics of the derivational affix. In particular, state interpretations of the adjectives are determined by the aktionsart of the initial verbal stem. Namely, these verbs have stative readings ('be A') which are inherited by their adjectival counterparts. I also show that, nevertheless, deverbal adjectives can be regarded as reduced clauses which do not extend beyond the vP node. However, those do not pattern with predicative uses which are presumably non-grammaticalized aspect markers. Finally, I propose a hypothesis on the diachronic source of both deverbal adjectives and other participles. Namely, I discuss the possible relations of the suffix deriving adjectives and participles with the dummy noun 'thing' and with the suffix deriving deverbal nouns. Theoretically, the paper contributes to the discussion of variation in the semantic properties of adjectives derived from verbs, providing a large-scale data from an understudied language.

Keywords: Natoro, Gur languages, syntax of adjectives, deverbal adjectives, participles, Perfect.

Acknowledgments. The research was conducted in terms of the project supported by Russian Science Foundation, grant No. 17-78-20071 fulfilled in the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. I am very grateful to the Natoro people and especially to my principal consultant Abdoulaye Koné without whom this paper (as well as any fieldwork on Natoro) would not be possible.

Отличия отглагольных прилагательных от регулярных причастий: данные языка натиоро (семья гур)

В. В. Дьячков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); vadim.dyachkov@iling-ran.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию синтаксиса и семантики отглагольных прилагательных в языке натиоро (гур). В натиоро прилагательные, причастия и формы с дистрибуцией плюсквамперфекта образуются с использованием одного и того же суффикса, что поднимает вопрос о том, представляют ли они одну и ту же синтаксическую категорию. В статье приводятся аргументы против единообразного анализа трех классов форм и описываются параметры, отличающие их как друг от друга, так и от конкурирующих форм (простых прилагательных и перфективных глаголов).

Ключевые слова: натиоро, языки гур, синтаксис прилагательных, отглагольные прилагательные, причастия, перфект.

1. Introduction

Derivational and semantic relations between verbs and adjectives have been a topic of a large discussion so far. In theoretical literature, much attention has been given to European languages where adjectives are regularly derived from verbs but do not preserve some of their crucial properties. This phenomenon is referred to as adjectival passives, see [Levin, Rappaport-Hovav 1986; Kratzer 2000; Embick 2004; Maienborn 2009; Koontz-Garboden 2010; Alexiadou et al. 2014; Gehrke 2015], among many others. Adjectival passives are famous for their ambiguous nature — they are derived by using regular participial morphology but, unlike participles, denote simple states ('be A') rather than states invoked by a previous event ('be V-ed'). The contrast between regular participles

and adjectival passives is illustrated below, where (1a) exemplifies the use of the regular participle *opened* that cannot combine with a predicate denoting a change-of-state event (unlike the adjective *open*), whereas (1b) is an example of the participle that behaves like regular adjectives and can be combined with the same predicate. However, outside of the Indo-European family, such derivational models have not been systematically explored so far.

- (1) a. *This door was built open/*opened.*
 b. *This door was built closed.*

This paper brings to light data from Natoro, an underdescribed Gur language (< Niger-Kongo microfamily). In Natoro, the same marker *-ka* (*-ga* in its voiced form) is used to derive predicative adjectives (2), passive participles (3), and in predications referring to past (4). A question arises whether the three uses can be reduced to each other and, specifically, whether adjectives can be analyzed as simple deverbal participles.

- (2) *ɨ́gw-ā nī kó:māŋ-gā*
 wood-SG DEM bend-KA
 ‘This stick is bent’.
- (3) *ká ní sàmú-n-ā †sùmà-kà*
 thing DEM person-man-SG know-KA
 ‘This is a known person’.
- (4) *nā-mí nà wāsàⁿ †myàsì-kà*
 1SG-OBL 1SG.POSS money hide-KA
 ‘I have hidden my money’.

The aim of the present paper is twofold. First, it provides a detailed description of the derivational model and brings to light data from an underdescribed language. Second, it addresses the problem of an adequate analysis of the model, exploring the differences between adjectival and non-adjectival forms containing the suffix *-ka*. I argue against the uniform analysis of the phenomenon and show that there are significant syntactic and semantic differences between the two classes of forms. The paper is structured

as follows. In *Section 2*, I will give a brief overview of the Natoro language. In *Section 3*, I will describe the uses of forms with the *ka*-suffix which can occur in predicative as well as in attributive contexts. In *Section 4*, I will address these types of contexts separately and describe the factors determining the choice of *ka*-forms instead of other competing forms. Discussion of the data is provided in *Section 5*. *Section 6* concludes the paper.

2. Background

Natoro is an underdescribed Gur language spoken by some 4000–5000 speakers in several villages of Burkina Faso. The only sources containing some basic data on Natoro are [Prost 1968] and [Miehe, Winkelmann 2007]. The variety discussed here is the dialect of Timba village where most inhabitants were reported to know the Dioula language, local lingua franca, but only several people can speak French. The data presented here is based on my own fieldwork in 2018–2022 including elicitation with a French-speaking consultant and a small corpus of oral texts collected in Timba.

Like most African languages, Natoro is a tonal language, with three tone levels (high, mid and low) distinguished. Nominal inflection is characterized by the presence of several inflectional classes. Verbal inflection in Natoro is represented by a small set of affixes (causatives and TAM markers). Many TAM meanings are expressed analytically by particles which occupy the position after the clausal subject. This can be illustrated by (4) where the Future marker follows the subject and the nominalized verb follows the Future marker.

- (5) $nz\bar{\epsilon}^n$ $n\bar{a}-m\acute{i}$ $l\bar{o}^n$ $sw\grave{e}=:$ $kw-\bar{a}=:$ $t\bar{\omega}$
 today 1SG-OBL FUT go.NMLZ market-SG DAT
 ‘Today, I am going to go to the market’.

In Natoro, two basic word orders are distinguished with respect to the TAM form of the predicate. Perfective forms require the SVO order (6), whereas clauses containing Imperfective forms (7) require the SOV order. Case marking also differs in Perfective and Imperfective clauses.

In Perfective clauses, the subject does not require any special case marking. In Imperfective clauses, some items receive special case marking. With 1SG pronouns, the form expressing direct objects in SVO clauses is used to mark the clausal subject, cf. (7) and (8). Hereafter, I will refer to those forms as to oblique forms.

- (6) $n\bar{a}^n$ $n\bar{u}m\acute{a}-s\bar{i}$ $^{\downarrow}sw-\grave{a}=\cdot$
 1SG fill-CAUS.PFV calabash-SG=OBL

‘I filled the calabash’.

- (7) $n\bar{a}-m\bar{i}$ $sw-\grave{a}$ $n\bar{u}m\grave{a}s\grave{u}-\bar{w}^n$
 1SG-OBL calabash-SG fill-IPFV

‘I am filling the calabash’.

- (8) $p\bar{o}j-w\bar{a}$ $t\bar{a}$ $^L n\grave{a}-m\bar{i}$
 dog-SG bite.PFV 1SG-OBL

‘A/the dog bit me’.

Clauses with *ka*-forms pattern with Imperfective clauses but not with Perfective ones. In other words, *ka*-forms require the SOV (but not the SVO) word order, and the 1SG subject of the clause is marked by the oblique. The rule holds true of both adjectival (9) and verbal (10) forms.

- (9) $n\bar{a}-m\bar{i}$ / $*n\bar{a}$ $p\bar{i}l\bar{a}-k\bar{a}$
 1SG-OBL 1SG cook-KA

‘I am tired (lit. cooked)’.

- (10) $n\bar{a}-m\bar{i}$ $w\grave{a}l\bar{i}-k\bar{a}$
 1SG-OBL eat-KA

‘I have eaten’.

3. Uses of *ka*-forms

In this section, I will describe successively the basic properties of *ka*-forms, both predicative and attributive ones.

3.1. Predicative uses

When used predicatively, *ka*-forms require the SOV pattern. Subjects are marked by the oblique case (that is, 1SG pronouns are used in their oblique forms), and *ka*-forms can be derived potentially from any verbal stem. (11)–(13) are examples of different verbs that can derive *ka*-forms.

- (11) *mádū àlànzī-kà*
 M. run-KA
 ‘Madou ran’.
- (12) *mádū k̄ṣ:mà-kā*
 M. cough-KA
 ‘Madou coughed’.
- (13) *mádū bàŋgòⁿ-wā mānī-kà*
 M. drum-CL tap-KA
 ‘Madou tapped the drum’.

ka-forms are subject to one constraint associated with the external argument. These structures should preserve the argument structure of the initial predicate. The external argument may be omitted in case it is allowed by some rules which apply to Perfective forms as well. (14) shows that the external argument can be omitted in middle voice forms — both in Perfective and participial clauses. In contrast, if a verb lacks one of its core arguments, the sentence is ungrammatical, cf. (15)–(16).

- (14) *mádū dí=:̄ / dī-kā*
 M. kill=MED kill-KA
 ‘Madou is killed’.
- (15) **mádū mā-kā*
 M. build-KA
 ‘*Madou built’.
- (16) **mádū sēⁿ-kā*
 M. cut-KA
 Int.: ‘Madou has cut himself’.

The following two examples show that *ka*-forms can be used both in active and middle voice contexts:

- (17) *tāⁿ-wā cèrē-kā*
 stone-SG throw-KA
 ‘The stone is thrown’.

- (18) *mādū tāⁿ-wā cèrē-kā*
 M. stone-SG throw-KA
 ‘Madou has thrown a stone’.

As was shown before, Natiro adjectives share the morphological makeup with deverbal *ka*-forms. For the sake of simplicity, I define adjectives as items belonging to certain semantic classes, see [Dixon 1984; Dixon, Aikhenvald 2004]. Those are SHAPE, COLOUR, PHYSICAL PROPERTY, SPEED, HUMAN PROPENSITY, EVALUATION and some others; in Natiro, lexical items denoting these properties are derived from verbs, with the exception of some irregular adjectives which are not discussed in this paper.¹ Most adjectives are formed by adding the suffix *-nā* when used attributively (19), and by adding the suffix *-ka* when used predicatively, cf. (2). The predicative forms can be used attributively as well, as is shown in (20). The syntax of such constructions will be discussed below in detail. In contrast to *ka*-forms, purely nominal predicates do not involve any affixes or copulas (21).

- (19) *nāⁿ wólí bàrànd-á pènèrà-nā=:*
 1SG eat.PFV banana-SG sweet-ATTR=OBL
 ‘Madou ate a sweet banana’.

- (20) *nāⁿ wólí bàrànd-á=: †pènèrà-n-à-gà=:*
 1SG eat.PFV banana-SG=OBL sweet-KA=OBL
 ‘I ate a banana which was very sweet’.

- (21) *nā-mí cē:nānā*
 1SG-OBL hunt-man
 ‘I am a hunter’.

¹ Irregular adjectives are noun-like elements that do not attach any derivationalal suffixes. Their morphology and syntax is described in [Dyachkov 2021].

In Natoro, predicative adjectives ending in *-ka* are combinations of a verbal stem and a suffix; tones of the latter may vary from one item to another. Most adjectives have verbal counterparts, which is exemplified in (22), and quite a few adjectives do not have any. Some examples known to me are *fā-kà* ‘in good physical form’ and *kò:rī-kā* ‘round’.

- (22) *bātārā-kā* ‘solid’ *bātārā=ˀ* ‘get solid’
pēnēmāḡ-gā ‘sweet’ *pēnēmā=ˀ* ‘sweeten’
ḏīmī-kà ‘furious’ *ḏīmī=ˀ* ‘get furious’

There is evidence that many of the inchoative verbs deriving *ka*-forms are ambiguous between stative (‘be A’) and inchoative (‘become A’). This fact will be discussed later in *Section 4.1.3*.

Since *ka*-adjectives are verbs with a sole argument, one can say that, syntactically, they follow the regular pattern and are not formally distinct from monoargumental verbs like ‘come’ or ‘cough’. However, the crucial argument contra this suggestion is the fact that the *ka*-suffix is obligatory with adjectives used predicatively (= *ka*-forms) and optional with other verbs. I will discuss these properties of different classes of verbs below in *Section 6*.

3.2. Attributive uses

Although *ka*-forms are used mostly in predicative contexts, they may occur in attributive ones as well. Taken as such, they compete with regular adjectives derived from the same bases. The regular Natoro adjectivizer is *-nā* (plural *-nē*), and it can derive adjectives from most verbs. The examples (19) and (20), repeated here as (23) and (24), show that *nā*-adjectives and *ka*-forms corresponding to the same base can be used in the same attributive contexts.

- (23) *nāⁿ wólí bārànd-á pènèmà-nā=ˀ*
 1SG eat.PFV banana-SG sweet-ATTR=OBL
 ‘Madou ate a sweet banana’.

- (24) $n\bar{a}^n$ $w\acute{o}li$ $b\grave{a}r\grave{a}nd-\acute{a}=:$ $\downarrow p\grave{e}n\grave{e}m\grave{a}n-g\grave{a}=:$
 1SG eat.PFV banana-SG=OBL sweet-KA=OBL

‘I ate a banana which was very sweet’.

When used attributively, *ka*-forms are subject to one restriction. Namely, when derived from transitive verbs, they function as passive rather than active participles. The contrast between (25) and (26) illustrates this. Let us also recall that this is not the case with predicative uses which may exhibit both active and passive properties, as shown in *Section 3.1*.

- (25) $n\acute{e}^n$ $n\acute{i}^\dagger$ $n\acute{e}^n$ $\grave{l}\grave{a}ng\bar{a}-c\bar{e}^-$
 COW.PL DEM COW.PL steal-KA.PL

‘These cows are stolen ones’.

- (26) $*n\grave{a}$ $n\acute{a}$ $n\bar{i}n\bar{a}mp\bar{i}-s\bar{i}$ $b\bar{a}:b-\bar{a}$ $\grave{l}\grave{a}ng\bar{a}-c\bar{e}^-$
 1SG see.PFV person-PL sheep-SG steal-KA.PL

Int.: ‘I saw people stealing sheep’.

4. Structural differences between *ka*-participles and other forms

In this Section, I will describe the properties of *ka*-forms that allow us to distinguish them from other verbal forms with which they compete in different contexts. In *Section 4.1.1*, I will describe the contexts where *ka*-forms are obligatory and cannot be replaced by Perfective forms. I will also describe the uses involving the semantic operators ‘yet’ and ‘already’. In *Section 4.1.2*, I will address the question of whether *ka*-forms can have stative or dynamic readings. I will show that adjectival and non-adjectival lexemes behave differently with respect to this property. In *Section 4.2*, I will describe the properties distinguishing *ka*-forms and the regular attributive *nā*-adjectives.

4.1. Obligatory uses of predicative *ka*-participles

4.1.1. Past contexts

The *ka*-suffix can be used in many contexts which are claimed to be typical of the markers belonging to the cross-linguistic category type Past Perfect [Dahl 1985]. The uses of *ka*-participles are quite natural in contexts where events preceding the reference time are described. In such cases, the *ka*-form is combined with the Past auxiliary *tó*. Several examples illustrating typical Past Perfect contexts, as defined in [Dahl 1985], are given below.

- (27) {Question: It is cold in the room. The window is closed. You OPEN the window (and closed it again)?}

= Q61 in [Dahl 1985: 200–201]

mā tó fēnētūr-ā jē:-kā yā?
2SG PST window-SG open-KA Q

‘Had you opened the window?’

- (28) {Q: What did you find out when you came to town yesterday?}

= Q67 in [Dahl 1985: 201]

yīst:ⁿ dō kō-kā
chief PST die-KA

‘The king was dead’.

- (29) = Q138 in [Dahl 1985: 201]

nām pá nà fēyā ā tó
1SG come.PFV 1SG at 3SG PST

lētēē-sī: jīndī sēbē-kā
letter-PL two write-KA

‘When I came home yesterday, he had just written two letters’.

However, the morpheme is not used in contexts which are regarded by Dahl as the most typical contexts for Perfect and which are presented below in (30)–(31). In these contexts, the unmarked Perfective verbs are used instead of Perfect forms.

- (30) {Q: I want to give your brother a book to read, but I don't know which. Is there any of these books that he READ already?}

= Q53 in [Dahl 1985: 200]

ā kārā sébēⁿ nī
3SG read.PFV paper DEM

'He has read this book'.

- (31) {Q: Is the king still alive?}

= Q56 in [Dahl 1985: 200]

ǝǝ à kō[̇]
no 3SG die

'No, he is dead'.

In contexts involving the Past auxiliary, *ka*-forms cannot be replaced by simple Perfectives:

- (32) *ʔnī^ˋ nāⁿˊ yilā-kā nā nà*
yesterday 1SG.OBL enter-KA FOC 1SG

cw-á tó ǝm-è: kpēsē-kā
woman-SG PST clothes-PL wash-KA

(**kpésé*) *á=bù*
wash.PFV 3SG=finish

'When I came home yesterday, my wife has already washed clothes'.

ka-forms have not been attested in some other contexts regarded as typical Perfect contexts. For instance, I have not found any examples of experientive uses involving *ka*-forms ('Have you ever been to Ouagadougou?').

Other typical contexts, where *ka*-participles (but not Perfectives) are used, are contexts including the semantic operators 'yet' and 'already'. These operators can be both overt (33) and covert, cf. (34) and (35). Simple examples are given below.

- (33) *nā-mí wǝli-kā bā lē*
1SG-OBL eat-KA yet NEG

'I have not eaten yet'.

- (34) {Q: Have you begun working?}

té wā sòrò-kā lē
 1PL DEM begin-KA NEG

‘No, we haven’t begun [yet].’

- (35) {Come eat!}

nā-mí wòlì-kā
 1SG-OBL eat-KA

‘[No], I have [already] eaten’.

In such contexts, *ka*-forms seem to be preferred to regular Perfective forms. However, the latter were also accepted by my consultant, cf. (36).

- (36)
- nàⁿ sóró ná nā:-kā bā lē*
-
- 1SG begin.PFV 1SG.POSS work-KA yet NEG

‘I have not begun working yet’.

Besides the contexts described in this chapter, I could not find other contexts where *ka*-forms would be obligatory. A detailed investigation of the text collection could not reveal any other regular trends in the use of *ka*-forms with the exception of the cases where they are complements to the Past auxiliary and the adjectival contexts.

4.1.2. Stativity vs. dynamicity

In this Section, I will explore the problem of stative vs. dynamic interpretations of *ka*-forms. First, I will discuss the problem of state interpretations. Second, I will address specifically the problem of inchoative verbs that gave rise to adjectives and explore their aspectual properties.

In *Section 4.1.1*, I showed that some uses of *ka*-participles can be classified as Past Perfect uses. Cross-linguistically, the category of Perfect is often associated with the notion of the result state, cf. [Parsons 1990; Kamp, Rayle 1993] who argue that perfects are stativizing morphemes converting telic predicates into states. Thus, one may hypothesize that *ka*-forms may denote states, with these states somehow “relevant” to the moment of speech.

However, a detailed investigation reveals that *ka*-forms are at least not obligatory in contexts denoting relevant (in any sense) states. In such

contexts, regular Perfective forms are used. The following examples show this.

- (37) {I am coming into the yard.}

nàm pá
1SG come.PFV

‘I have come’.

- (38) {Somebody is coming into the yard and reporting what is happening outside right now.}

mádū pá á=lé sūmbw-à=: kùŋ
M. come.PFV 3SG=be.present tree-SG inside

‘Madou has come and is sitting under the tree’.

- (39) {I found an animal bleeding.}

sàmú-n-ā †tóló nā wé:sé ndū
human-man-SG some FOC break.PFV 3SG.OBL

‘Somebody shot it!’

A question arises whether the state interpretations are available to *ka*-forms at all. The right answer to this question is yes, if one considers the adjectives which are derived mostly from inchoative (change-of-state) verbs. Change-of-state verbs deriving adjectives can have at least two possible interpretations. They always have an inchoative interpretation (‘become A’), cf. (40), but most verbs also have a state reading in Perfective contexts (41).

- (40) *té sw-ā sō pē:̄n=*
3PL house-SG old destroy.PFV=MED

‘Our old house collapsed’.

- (41) *sàbàr-á nī pē:̄n*
shoe-SG DEM destroy.PFV=MED

‘This shoe is old’.

At the same time, the difference between the inchoative verbs and their adjectival counterparts comprising the *ka*-suffix can be described in terms of stativity vs. dynamicity distinctions. The contrast is shown in (42) and

(43) where the Perfective verb is felicitous with the event-modifying *in*-adverbial but the corresponding participial form is not.

- (42) *yéndō-wā* *kpā̀=̀* *lé:rḕ* *sùsū̀=̀* *sì*
 corn-SG dry.PFV=MED hour six LOC

‘The corn dried for six hours’.

- (43) *??yéndō-wā* *kpā̀-kà* *lé:rḕ* *sùsū̀=̀* *sì*
 corn-SG dry-PTCP hour six LOC

‘#The corn has been dry for six hours’.

I conclude that the state interpretation is available to adjectives and that this can be attributed to the fact that their verbal counterparts also have state readings. In other words, the stative properties of adjectives are inherited from their verbal counterparts.

A question arises whether the stative properties can be revealed in all the cases where *ka*-participles are felicitous. My data show that at least in some contexts, *ka*-forms may not exhibit the semantic properties associated with states (and more precisely, result states). (44) shows an example where the *ka*-form is used as a complement to the Past auxiliary *tó*. Here, the *ka*-form does not necessarily have a result state reading, because the action denoted by the verb ‘wash’ may be accomplished as well as non-accomplished.

- (44) *ʔn̄̀* *nā̀* *yilā-kā* *nā* *nà* *cw-á* *tó* *pm-è̀*
 yesterday 1SG.OBL enter-KA FOC 1SG woman-SG PST clothes-PL
kpēsē-kā *á=bù* / *á=bwá* *lé*
 wash-KA 3SG=finish 3SG=finish.DEM NEG

‘When I came home yesterday, my wife had finished washing clothes [*lit.* washed clothes and finished]/had not finished doing it’.

In this case, the result state ‘be washed’ is not reached, since the context entails that the action of washing clothes was not finished.

In cases other than adjectival verbs, *ka*-forms are compatible with event- (but not state-) oriented adverbials. In (45), the *ka*-form of the verb ‘eat’ is combined with the *in*-adverbial, ca. (42), suggesting that the clause describes a dynamic action rather than a state.

- (45) *mádū wə̀li-kā mīnīṭī jīndīṭī: sī*
 M. eat-KA minute two LOC

‘Madou ate in two minutes’.

At the same time, some contexts where *ka*-forms are used obligatorily can refer to states rather than events. In the following example, the *ka*-form combines with the Past auxiliary. In such contexts, the *ka*-form should be analyzed as a simple passive form but not as a case parallel to (45).

- (46) *būtīk-á tó jè:-kā lé:rē jīndīṭī: sī*
 shop-SG PST open-KA hour two LOC

‘The shop was open for two hours’.

To sum up, I suggest that *ka*-forms may not refer to states. They can denote actions that do not result in a culminating point or dynamic events. The state readings of adjectives may be attributed to the fact that the verbs from which they are derived also have state interpretations.

4.2. Simple adjectives vs. *ka*-participles

In this Section, I will describe the syntactic properties of *ka*-forms and compare them to those of *nā*-forms. As was shown in *Section 3.1*, *ka*-forms can occur in attributive positions. I claim that both *ka*- and *nā*-forms have nominal distribution, and the difference between them boils down to the difference in the function of the derivational affixes.

The attributive *nā*-suffix cannot occur in predicate positions, cf. (47). From this I conclude that the suffix is an attributivizer whose only function is to mark the attributive status of the element. It is a well-known fact that attributive elements can occur in predicate positions; however, there is also evidence that in some languages, certain affixes deriving adjectives only allow them to be used in attributive but not in any other contexts [Grashchenkov 2018: 45–60]. Thus, I claim that the *nā*-suffix belongs to this type of derivational affixes — namely, it marks the very fact that the item is used in attributive function.

- (47) **nà úsp̄m-à: kòrò-nā*
 1SG clothes-SG old-ATTR

Int.: ‘My shirt is used’.

In contrast, *ka*-forms should be analyzed as forms with participial distribution. Their primary use is illustrated in (48), where the *ka*-form is unambiguously a passive participle.

- (48) *kání sàmú-n-ā †sùmà-kà*
 this person-man-SG know-KA

‘This is a well-known person’.

Let us also recall that, when used in attributive positions, the participial forms were translated by my consultant as relative clauses (‘X which is A’), cf. (19) and (20). Nevertheless, there is no direct evidence that attributive participles can be regarded as relative clauses. In Natoro, relative clauses are internal-headed constructions formed by adding the relativizer *tùmà* which marks the relativized constituent staying in situ. An example is given in (49). (50) shows that the relativizer can be used even in the absence of the relativized constituent. Although an analogous construction can be composed using a *ka*-form (51), this cannot count as diagnostics — in this case, the *ka*-form heads the subordinate clause, because it is the only form that can occur in the predicate position.

- (49) [*cw-á tùmà pā*] *nà kálàm-ā nā=:*
 person-SG REL come.PFV 1SG.POSS brother-SG FOC

‘The man who came is my brother’.

- (50) [^{LH}*tūmá tó lé*] *má yílá=:*
 REL PST be.present 2SG appeal
kūnà=: kūṅgw-á nā nī
 thing head-SG here DEM

‘What was there, the object you called for, here it is!’

- (51) *nà né [lú⁻ tùmà mēmāṅ-gā=:]*
 1SG drink.PFV water REL be.cold-KA

‘I drank water which is cold’.

Unlike in many languages where participles are used, Natiōro *ka*-forms cannot combine with many modifiers. For the reduced properties of participial constructions (compared to regular finite clauses), see an extensive discussion in [Shagal 2017: 99–147]. There is evidence that constructions headed by *ka*-forms do not even have the TP node which is responsible for introducing temporal adverbials. (52) is an example of a simple relative clause headed by the past auxiliary *tó*. In this case a temporal adverbial, which is placed either at the beginning or in the end of the clause, can be inserted. In contrast, (53) is infelicitous. In this example, the adverbial ‘yesterday’ is placed before the constituent, which does not violate any principles of the clausal architecture, since adverbials can be used clause-initially. However, the example was rejected by my consultant as unacceptable, while the same phrase without the adverbial is grammatical.

- (52) [*n-áⁿ* *ʼkūmā* *tó* *làngā-kā* *ʔɲt:*]
 cow-SG REL PST steal-KA yesterday
nā *ɲá* *ndū*
 1SG see.PFV 3SG.OBL

‘The cow which was stolen yesterday, I found it’.

- (53) *nzɛ^{n̄}* *nā* *ɲá* [*(*ʔɲt:*)] *n-áⁿ* *làngā-kā*
 today 1SG see.PFV yesterday cow-SG steal-KA

Int.: ‘Today, I have found the cow which was stolen (*yesterday)’.

Other dependents of the verb are also incompatible with *ka*-forms. For instance, verbs can attach postpositional phrases expressing the benefactive (54). With *ka*-forms, these phrases are infelicitous.

- (54) *nà* *ɲá:ná* *mángòr-ē:* *má* *ʼtó*
 1SG buy.PFV mango-PL 2SG DAT

‘I bought mangos for you’.

- (55) *ʔnà* *wóli* *mángòr-ē:* *ɲà:nà-cɛ⁻* *má* *tó*
 1SG eat.PFV mango-PL bought-KA 2SG DAT

Int.: ‘I ate mangos bought for you’.

There is much debate in the literature as to how one should analyze the experiencer-denoting arguments of adjectival and participial forms,

cf. [Baker 2003; Meltzer-Asscher 2011], among many others. I remain agnostic of whether those should be regarded as high applicatives, in the spirit of [Pylkkänen 2002], as clause-level adjuncts, as suggested in [Nikitina 2009] for postpositional phrases in some West African languages, or as low-level adjectival arguments. However, the data show that none of the dependents that are typical of verbs (and their corresponding participial forms) are acceptable with *ka*-forms.

To sum up, I have shown that the difference between *ka*-forms used attributively and their purely attributive *nā*-counterparts can be accounted for by the fact that the *nā*-suffix should be analyzed as an attributivizing morpheme, whereas the *ka*-suffix is a suffix deriving participles. As a consequence, both forms can be used in attributive position — for *nā*-forms, it is their natural function, and *ka*-forms head constructions occupying the attributive position and (presumably) having some properties of reduced clauses.

In the following Section, I will discuss the question of whether all the uses of *ka*-forms can be reduced to each other.

5. Discussion

So far, I have shown that there are contexts in which *ka*-forms compete with other forms and determined the factors underlying the choice of the *ka*-forms. Based on the data discussed in the previous Sections, the three following empirical generalizations can be formulated.

(56) **Generalization 1**

Adjectives (which are derived from change-of-state verbs) are used exclusively with the ka-suffix in predicative position

(57) **Generalization 2**

ka-forms are obligatory in some non-adjectival contexts — namely, in those involving the past auxiliary. These contexts express the temporal precedence (to another event)

(58) Generalization 3

When used attributively, ka-forms function as reduced relative clauses

Now let us turn to the question of whether all the uses of the *ka*-suffix represent the same grammatical category. Taking into consideration several facts, I argue that the correct answer is no. The main reason for this is that whereas adjectives require the *ka*-suffix when used predicatively, other verbs do not. In other words, there are two types of contexts that cannot be reduced to each other. The first type is represented by the adjectival items that attach the *ka*-suffix and the second one, by other verbs with which the *ka*-suffix is an exponent of some other category (presumably, Perfect-like). Even if one assumes that both cases involve state-denoting participles, there is no plausible explanation of the fact that (at least, some) uses of non-adjectival items do not denote (result) states, as was shown in *Section 4.1.2*. Thus, I propose that, to put it simply, non-adjectival verbs are Perfect-like items and adjectival ones are not².

However, let us consider another scenario according to which adjectival and non-adjectival items can be reduced to each other. Suppose that both are participles that transform the argument structure of the initial verb. In this case, one may assume that the *ka*-suffix derives both passive participles (in case of non-adjectival transitive verbs) and participles from monoargumental verbs (in case of adjectives). Thus, these possible diatheses can be schematized as follows.

² A question arises why the *ka*-suffix is extensively used with quality-denoting items and not with other verbs. Although there seems to be no clear explanation of this fact, I informally hypothesize that this is due to the fact that the *ka*-suffix derives participles which can be used in different constructions (which are even not necessarily compositional). If this is so, then predicative constructions with adjectives involve simple state-denoting participles, whereas, for instance, Past Perfect forms involve the same participles but possibly with non-compositional meaning. An analogous case may be represented by English, where the passive participle forms are also used in non-passive Perfect contexts. I assume that the two uses are different in nature and cannot be reduced to each other (or can be related at some deeper level). See also the possible scenario of the Resultative-to-Perfect shift discussed below.

(59) <Agent, V, Patient> → <Patient> + *ka*

(60) <V, Patient> → <Patient> + *ka*

In general, such an approach predicts that the participles should preserve their original event structure, cf. the influential Monotonocity Hypothesis [Koontz-Garboden 2012]. In other words, if a verb has an agent in its semantic structure, then it cannot be eliminated from it. Additional Natioero data suggest that this prediction is in fact borne out. In particular, if the base verb is an agentive predicate, then it should combine with agent-oriented adverbials, and these adverbials should also attach to the *ka*-participle. Examples confirming this suggestion are given in (58) and (59), where both participles are felicitous with different agent-oriented adverbials (‘with an instrument’ and ‘with force’).

(61) *mádū dī:-kā à sōⁿ-wā*
 M. kill-KA COM knife-SG
 ‘Madou was killed with a knife’.

(62) *swā-bònd-ā[†] dibī-ká[†] †[à fāng-ā]*
 house.POSS-door-SG shut-PTCP COM force-SG
 ‘The door is shut with force’.

If this suggestion is on the right track, the fact that adjectives refer to states (and not to dynamic events) can be accounted for as follows. The initial inchoative verb that derives adjectives can have both inchoative and stative interpretations, as shown in *Section 4.1.2*. Thus, one can say that state-denoting adjectives are derived from verbs which are also stative in some of their interpretations — in other words, stative predicates derive stative predicates, which seems quite natural. If this is so, then one may conclude that the initial semantic properties are retained in *ka*-forms of all types, the possibility of state vs. dynamic interpretations depends entirely on the semantic properties of the base verb, and no additional stipulations are needed.

However, in some cases adjectival items are not derived from verbs at all. In (63), the adjective is derived from the noun ‘round’ that cannot be used predicatively without the suffix. The following examples show that

the derived adjective with the *ka*-suffix (63) is regularly replaced by the *nā*-form in attributive contexts (64), suggesting that we deal with the same derivational model as in the case of deverbal adjectives.

- (63) *tàbàl-ā nī kò:rī-kā / *kò:rī*
 table-SG DEM round-KA round

‘This table is round’.

- (64) *nà yá:ná tàbàl-ā kò:rī-nā=’*
 1SG buy.PFV table-SG round-ATTR=OBL

‘I bought a round table’.

From this follows the fact that, although *ka*-forms are participles (as was shown before), the suffix does not function as a morpheme simply converting verbs into items with adjectival distribution. At the same time, it is not an attributivizing suffix, because this function is fulfilled by the *nā*-suffix. I also reject the idea that *ka*-forms have verbal distribution, which might have been suggested by the fact that they occur in predicate position. Although they obviously retain many verbal properties, the 1SG subjects in clauses with *ka*-forms are marked by the oblique case. This morphosyntactic makeup is typical of nominal predications³ (65) but not of those containing Perfective verbs.

- (65) *nā-mí cē:nānā*
 1SG-OBL hunt-man

‘I am a hunter’.

³ An anonymous reviewer points out that the subjects of Imperfective clauses are also marked by the oblique case (as was shown before), suggesting that the oblique marking is typical of both nominal and non-nominal predications. However, I assume that this is not the case, given the fact that among all the verbal forms requiring SOV order, only Imperfective forms do not have apparent nominal origin. Nevertheless, I hypothesize that the Imperfective form goes back to a nominalized verb and thus retains the syntax of nominal predications. If my hypothesis is on the right track, then the Imperfective construction can be analyzed as a combination of the auxiliary and the lexical verb, and no additional stipulations are needed. Let us recall that the construction contains the verb *tó* ‘be’ (in past tense) or a zero copula (in present tense), so an analysis whereby the copula verb takes a full-fledged verb as its complement

Taking these facts in consideration, I propose that there is another possible scenario for the emergence of the *ka*-suffix. It is well-known that many of the class markers in Gur languages can be traced back to pronouns [Miehe, Winkelmann 2007], and Natoro is not an exception to this general rule. First, the plural marker *-ce* (*-je* in its voiced form) is a regular plural marker (66). Second, there is a demonstrative noun-like element *ká* ‘thing’ (plural *cé*) in Natoro. Three, a segmentally identical marker is used to derive nouns from words of other parts of speech.

- (66) *bōmbō^{n̄}-wā^{n̄}* ‘knee’ *bōmbō^{n̄}-jē^{n̄}*
jābā^{n̄}-wà ‘onion’ *jābā^{n̄}-jê*
- (67) *kpésé* ‘wash, rub’ *kpēsē^{n̄}-kā^{n̄}* ‘type of brush’
wèndī^{n̄} ‘vomit’ *wèndī^{n̄}-cè* ‘vomitus’

I conclude that the *ka*-suffix, which is unambiguously nominal, may have given rise to the adjectival affix. The nominal properties of adjectival *ka*-forms account for the nominal syntax of adjectival predications — namely, for the oblique marking of the subject. Let us also recall that the *ka*-suffix is not an attributivizer. If some lexical properties of the initial noun ‘thing’ are indeed retained in predicative position, then the predicative uses of adjectives could be literally translated as ‘small/high/hot thing’. Interestingly, *ka*-forms (but not *nā*-forms) can be used in cases where the head noun is omitted (68), which is quite natural if the lexical semantics of the noun ‘thing’ were preserved.

- (68) {There are two pieces of mango, a big one and a small one.}
kō^{n̄} *nā^{n̄}-mí* *sā^{n̄}-kā^{n̄}=:* / **sā^{n̄}-nā*
 give.IMP 1SG-OBL small-KA=OBL small-ATTR
 ‘Give me the small one!’

Finally, I also note that the presumably nominal origin of the *ka*-suffix does not come into conflict with the participial status of deverbal

would be less plausible than an analysis whereby a copula verb heads a nominalized form. However, this may constitute the topic of a separate article.

ka-forms. The essential fact is that the suffix can derive adjectives from words of all parts of speech, that is, it converts both nouns and verbs into adjectives. Thus, the nominal origin hypothesis seems to propose a more uniform account for both the participial items (which, of course, have nominal distribution) and for those which are not derived from verbs. For some similar suggestions, see [Haspelmath 1994: 167]. Moreover, the fact that *ka*-forms are obligatory when used with the past copula *tó* receives a purely syntactic account, since forms with nominal distribution can be taken as complements to a verb, but forms with verbal distribution cannot.

Another possible line of reasoning is that *-ka* is grammaticalized as a participial morpheme. Under these assumptions, the Natioro *ka*-adjectives can be regarded as resultative-like items — that is, they are derived from verbs denoting states and refer to states, which is a property of resultatives cross-linguistically, see [Nedyalkov et al. 1983]. Bybee, Dahl [1989] also suggest that in some languages resultatives gave rise to perfect constructions, and this scenario has to be taken into consideration. In particular, this scenario is well established for several European languages where perfect constructions have undergone development from resultative participles. Bybee, Dahl [1989] mention several Germanic languages (including German and Dutch), where constructions with the verb ‘have’ initially denoted the state of the object (*They have taken him*), and then the construction was extended to all transitive verbs and, finally, to intransitive ones. A similar construction was attested in my data. According to my consultant’s indications, in some cases the predicative form can agree not with the subject but with the object:

- (69) *nā-mí* *máŋgòr-ē*: *wòlì-kā* / *wòlì-cē*[̄]
 1SG-OBL mango-PL eat-KA eat-KA.PL
 ‘I ate mangos’.

In Natioro, extension from the transitive to intransitive does not seem plausible, since intransitive adjectival uses are more grammaticalized than non-adjectival ones. However, I suggest that the scenario whereby the adjectival and the passive participial uses denoting states could be extended to cases like (69) is nevertheless possible, since the *ka*-forms in such cases

can be regarded as those expressing the result state of the direct object (lit. ‘to-me mangos are eaten’). Of course, this suggestion requires additional arguments and further research.

6. Conclusion

In this paper, I described the semantic and syntactic properties of the *ka*-suffix deriving adjectives, passive participles and transitive (as well as intransitive) predications in Natiōro. I showed that only adjectives derived from verbs are obligatorily combined with this suffix when used predicatively, whereas the suffix is optional with other verbs. I described the contexts which are typical of *ka*-forms and showed in which contexts these forms are used instead of regular adjectives and Perfective forms. A detailed investigation revealed several crucial properties of *ka*-forms: 1) they convert nouns and verbs into items with nominal distribution; 2) they are reduced participial clauses, which distinguishes them from regular attributive adjectives; 3) they denote states in case of deverbal adjectives and dynamic events in case of many other verbs. Based on this evidence, I concluded that deverbal adjectives containing the *ka*-suffix constitute a class which is different from non-adjectival predicates. I also proposed a hypothesis concerning the origin of the *ka*-suffix and capturing all of its uses in a uniform way.

Abbreviations

↑ — upstep; ↓ — downstep; = — vowel lengthening; 1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; AT-TR — attributivizer; COM — comitative; DAT — dative; DEM — demonstrative pronoun; FOC — focus; FUT — future tense; IMP — imperative; INF — infinitive; IPFV — Imperfective; KA — *ka*-suffix; LH — raising tone overlay; LOC — locative; M — masculine; MED — middle voice; NEG — negation; NMLZ — nominalization; OBL — oblique; PASS — passive; PFV — Perfective; PL — plural; POSS — possessor; PREF — prefix; PST — past tense; Q — question particle; REL — relative pronoun; SG — singular.

References

- Alexiadou et al. 2014 — A. Alexiadou, B. Gehrke, F. Schäfer. The argument structure of adjectival participles revisited. *Lingua*. 2014. Vol. 149. P. 118–138.
- Baker 2002 — M. Baker. *Lexical Categories: Verbs, Nouns, and Adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dixon 1982 — R. M. W. Dixon. *Where Have All the Adjectives Gone? and Other Essays in Semantics and Syntax*. Berlin: Mouton Publishers, 1982.
- Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004 — R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Dyachkov 2021 — V. Dyachkov. When Gur class markers are absent: Suffix omission in Natoro. *Language in Africa*. 2021. Vol. 2. № 4. P. 26–44. doi: 10.37892/2686-8946-2021-2-4-26-44
- Gehrke 2015 — B. Gehrke. Adjectival participles, event kind modification and pseudo-incorporation. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. P. 897–938.
- Grashchenkov 2018 — P. Grashchenkov. *Grammatika prilagatel'nogo: tipologiya adyektivnosti i atributivnosti* [The grammar of adjectives: A typology of adjectivity and attributivity]. Moscow: YaSK, 2018.
- Haspelmath 1994 — M. Haspelmath. Passive participles across languages B. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice: Form and Function*. Amsterdam: Benjamins, 1994. P. 151–177.
- Embick 2004 — D. Embick. On the structure of resultative participles in English. *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 35. № 3. P. 355–392.
- Kamp, Ryle 1993 — H. Kamp, U. Ryle. *From Discourse To Logic*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Koontz-Garboden 2010 — A. Koontz-Garboden. The lexical semantics of derived statives. *Linguistics and Philosophy*. 2010. Vol. 33. № 4. P. 285–324.
- Koontz-Garboden 2012 — A. Koontz-Garboden. The monotonicity hypothesis. L. McNally, V. Demonte (eds.). *Telicity, Change, and State. A Cross-Categorial View of Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 139–161.
- Kratzer 2000 — A. Kratzer. Building statives. *Proceedings of the 26th Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society, 2000. P. 385–399.
- Levin, Rappaport-Hovav 1986 — B. Levin, M. Rappaport-Hovav. The formation of adjectival passives. *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 623–661.
- Maienborn 2009 — C. Maienborn. Building ad hoc properties: On the interpretation of adjectival passives. A. Riester, T. A. Solstad (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. Vol. 13. № 1. Stuttgart: University of Stuttgart, 2009. P. 35–49.

- Meltzer-Asscher 2011 — A. Meltzer-Asscher. *Adjectives and Argument Structure*. Doctoral dissertation. Tel Aviv: Tel Aviv University, 2011.
- Miehe, Winkelmann (eds.) 2007 — G. Miehe, K. Winkelmann (eds.). *Noun Class Systems in Gur Languages: Vol. I. Southwestern Gur Languages (without Gurunsi)*. (Gur Monographs, 9.) Köln: Rüdiger Köppe, 2007.
- Nikitina 2009 — T. Nikitina. The syntax of postpositional phrases in Wan, an “SOVX” language. *Studies in Language*. 2009. Vol. 33. P. 907–930.
- Parsons 1990 — T. Parsons. *Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Prost 1968 — A. Prost. *Deux langues voltaïques en voie de disparition: le wara et le natioro*. Dakar: Publications de Département de Linguistique Générale et Linguistique Africaine de la Faculté des Lettres et Sciences Humaine de l’Université de Dakar, 1968.
- Pylkkänen 2002 — L. Pylkkänen. *Introducing Arguments*. PhD thesis. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2002.
- Shagal 2017 — K. Shagal. *Towards a Typology of Participles*. Doctoral dissertation. Helsinki: Helsinki University, 2017.

«Грамматика французская о согласии или сочинении девяти частей слова» И. С. Горлицкого (1724): прагматика, источники и языковые особенности

Н. В. Карева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
natasha.titova@gmail.com

М. Г. Шарихина

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
justmilya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной как широкому читателю, так и специалистам рукописной грамматике французского языка (РО БАН, П I Б, № 106). Ее текст отражает раннюю традицию грамматического описания в России. Используемая в памятнике терминология свидетельствует об ориентации автора на традицию языкового описания, восходящую к «Грамматике» Мелетия Смотрицкого; при этом в тексте обнаруживаются заимствования из французских учебников и словарей конца XVII — начала XVIII в. Для перевода французских примеров на русский язык используются приемы, характерные для русских переводных лексиконов второй половины XVII — первой четверти XVIII в. В то же время учебник содержит слова, не зафиксированные в известных словарях предшествующего периода, а также ранние употребления заимствований.

Ключевые слова: грамматика, русский язык XVIII в., Горлицкий, грамматическая терминология, лексические заимствования.

***The French grammar on coordination or conjunction of nine parts of speech* by I. S. Gorlitsky (1724): Pragmatics, sources and linguistic features**

Natalia V. Kareva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); natasha.titova@gmail.com

Milyausha G. Sharikhina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); justmilya@yandex.ru

Abstract. The article treats the *French Grammar* by I. S. Gorlitsky, a manuscript housed in the Academy of Science Library Manuscript Department (P I B, No. 106). It presents findings of our preliminary textual and linguistic analysis, with earlier findings by S. V. Vlasov (2013) and L. V. Moskovkin (2017, 2019) appended as well. Researchers believe that the *French Grammar...* manuscript was meant for Princess Elizabeth. An analysis of the reference material used in the manual supports the idea that it was prepared for a member of a noble, or the royal, family. Language examples it provides mention names of Russian and European cities as well as French kings' names or names of the Popes. To illustrate grammatical principles, the *French Grammar...* invokes the most significant events recorded in the Bible or in the ancient or French history; many of the examples also refer to the daily life of the Europeanized Russian nobility in the early XVIII century. Gorlitsky's grammatical terminology reflects his commitment to the linguistic description tradition dating back to Meletiy Smotrytsky's *Grammar*. At the same time, the textbook borrows from late-seventeenth-century French textbooks and dictionaries such as P. Richelet's *Dictionnaire françois* and J.-R. Pepliers' *La parfaite grammaire royale Française*. The paper suggests that the manuscript analyzed was not a stand-alone study in French syntax but rather one of several parts of a larger educational project. When translating French words into Russian, the manual used lexicographic approaches similar to those found in dictionaries and lexicons of the second half of the XVII — first quarter of the XVIII centuries. At the same time, the textbook uses words that are not registered in sources from earlier periods. It also makes use of borrowings that found their way into Russian only during the Petrine era. Some lexical and syntactic features of the *French Grammar...* bring it closer to the third part of the *Description of Japan* by F. Karon, also

translated by Gorlitsky in 1734. *French Grammar* represents the first known attempt to compile a French grammar for the Russian reader, and this study aims to demonstrate its important historical, cultural and linguistic value.

Keywords: grammar textbook, the XVIII century Russian, Gorlitsky, grammatical terminology, lexical borrowings.

1. Введение: рукопись БАН и ее автор

1.1. В рукописном отделе Библиотеки Академии наук в собрании Петра I хранится рукопись учебника по французскому языку, озаглавленная «Гра(м)матика фра(н)цу(з)ская о согласіи или сочиненіи девяти ча(с)тех слова»¹ [РО БАН, П I Б № 106]. По имеющимся на настоящее время сведениям, это первая созданная в России грамматика французского языка; текст ее был атрибутирован Б. А. Успенским Ивану Семеновичу Горлицкому (1690–1777) [Успенский 1997: 442]. Другие списки грамматики до настоящего времени не выявлены.

Рукопись состоит из 102 лл. в 4°, написана канцелярской скорописью с элементами полуустава. Примеры даны в две колонки: слева — французские слова и фразы, справа — русский перевод. Французский текст написан почерком, отличным от почерка русской части [Лебедева 2003: 219–220]. Кроме того, рукопись содержит многочисленные пометы на полях: это уточнения, дополнения, варианты переводов отдельных слов.

¹ При цитировании источников выносные буквы приводятся в круглых скобках; титла раскрываются, восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; сохраняются буквы *i* и *ъ*, вышедшие из употребления буквы и буквенные сочетания передаются соответствующими буквами современного алфавита, иные надстрочные знаки не воспроизводятся; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами.

1.2. Уроженец Кракова, Горлицкий приехал в Россию еще ребенком². До 1717 г. он учился в Славяно-греко-латинской академии, потом по указу Петра I был отправлен сначала в Амстердам, а затем в Париж. В течение пяти лет Горлицкий изучал в Сорбонне философию, французский язык и богословие, а осенью 1722 г. вернулся в Россию. По всей видимости, именно тогда он начал работу над французской грамматикой³. Как сообщает П. П. Пекарский, учебник был поднесен Екатерине I вместе с письмом, в котором автор благодарил Петра I за предоставленную возможность учиться за границей и выражал надежду, что труд его будет «хотя малым, но (...) всеусердным плодом отечеству российскому» [Пекарский 1862: 241].

2. Целевая аудитория учебника и специфика иллюстративного материала

2.1. Как уже было отмечено, «Грамматика французская» обладает несомненными педагогическими достоинствами. К их числу, «помимо простоты и ясности изложения, относится стремление автора приспособить грамматический материал к новой русской реальности эпохи Петра Великого» [Власов, Московкин 2017: 27]. Действительно, учебник Горлицкого богат иллюстрациями, отражающими языковое сознание образованного человека своего времени. Излагая грамматические правила, автор вспоминает наиболее значимые

² О биографии Горлицкого подробнее см. [Николаев, Осипов 1988; Руднев 2003; Смирнова 2013; Власов, Московкин 2017; Московкин 2019: 68–69].

³ Авторы согласны с датировкой рукописи, предложенной С. В. Власовым. Он обратил внимание на два примера — в одном упоминаются коронационные торжества в Москве в мае 1724 г. (лл. 78–78 об.), в другом прославляется Россия и ее монарх «отец отечества» (л. 98; см. также л. 51) и сформулирован вывод, что работа над учебником была закончена после коронации Екатерины, но еще при жизни Петра I, т. е. в промежутке между 7 мая 1724 г. и 28 января 1725 г. [Vlassov 2013: 79].

эпизоды библейской, античной и французской истории. Это строительство ковчега, избиеение младенцев, завоевания Александра, убийство Генриха IV.

- (1) Noë batit l'arche. Ной со(з)да ковчегъ (л. 51); ⁴
- (2) Herodes fit mourir les innocens. Иродъ умертви невинныхъ (л. 51);
- (3) Alexandre perdit quelque trois cens hommes lorsqu'il défit Porus. Александръ егда розбилъ Пора не потеряль какъ около тре(х) сотъ челоуѣкъ (л. 43);
- (4) Ne savez vous pas que Ravailac fut tenaillé et tiré à quatre chevaux, pour avoir assassiné Henri quatrième à la rue de la Feronerie à Paris. Не вѣдаеш ли, что Раваякъ былъ рвань клещами и ра(з)терзанъ конми четырьми для того что онъ убилъ Генрика четвертаго на улицѣ зовомой Феронри въ Парижѣ (л. 82 об.).

На страницах грамматики то и дело возникают «имена градовъ, великихъ областей, царствъ» (л. 9). Это Россия (лл. 79 об., 89 об., 98), Польша (л. 79 об.), Сибирь (л. 89 об.), Украина (л. 89 об.), Франция (лл. 9 об., 26, 47, 79 об., 89 об., 91 об.), Англия (л. 9 об.), Голландия (лл. 79 об., 89 об.), Испания (лл. 9 об., 89 об.). Как уже отмечалось [Власов, Московкин 2017: 27], географической привязкой ряда примеров являются Санкт-Петербург (лл. 38, 78 об., 79 об., 88, 89 об., 92 об.), остров Котлин (л. 79 об.), Кронштадт (л. 79 об.) и Петергоф (лл. 2 об., 9 об., 74 об.). Упоминаются Москва (лл. 9 об., 74, 74 об., 78, 89), Новгород (л. 9 об.), Ярославль (л. 9 об.), а также Париж (лл. 9 об., 26, 34 об., 43 об., 50 об., 60, 79 об., 88, 89, 89 об.), Версаль (л. 9 об.), Копенгаген (л. 9 об.), Амстердам (л. 89 об.), Гаага (л. 89 об.), Рим (лл. 26, 80 об.), Венеция (л. 42), Иерусалим (л. 80 об.).

2.2. В научной литературе не раз высказывалось предположение, что «Грамматика французская» предназначалась цесаревне Елизавете [Лебедева 2003: 219; Vlassov 2013: 79; Власов, Московкин

⁴ Здесь и далее ссылки на «Грамматику французскую» даются сокращенно: в круглых скобках приводится номер листа.

2017: 26]. Петр I сначала рассчитывал выдать ее замуж за Людовика Бурбона, герцога Орлеанского. Однако зимой 1723–1724 гг. план изменился — начались переговоры о браке Елизаветы с Людовиком IV Бурбон-Конде. После смерти Петра I императрица Екатерина предлагала Елизавету в жены Людовику XV, но и этому проекту не суждено было осуществиться [К. Н. В. 1884: 346–365; Анисимов 2017: 43–47].

Сложно определить, на каком этапе находились матримониальные переговоры в тот момент, когда Горлицкий начал работу над учебником. Но об адресате и прагматике текста можно косвенно судить по иллюстративному материалу. Героями многочисленных примеров являются князья и императоры; список примеров в разделе, посвященном именам собственным, содержит длинный перечень французских монархов и римских пап (лл. 18 об. — 19 об.). Из русских правителей упомянут лишь Петр I — его имя стоит рядом с Юлием Цезарем, Октавианом Августом и Людовиком XV (л. 21 об.).

Многие примеры указывают на реалии, свойственные обиходу европеизированной знати начала XVIII века. Раздел об употреблении артиклей содержит перечисление изысканных блюд и напитков:

- (5) *une éclanche à la daube* нога баранья, приправлена съ вино(м), с(ъ) бл(а)говоние(м); *une carpe à l'étuvée au cour bouillon* лещъ въ зварѣ, въ студенѣ; *du boeuf à la persillade* говядина с(ъ) петрушкою ⟨...⟩, *des confitures au sucre, au miel* заѣдки, закуски съ сахаромъ, медо(м) (л. 6 об.).

В разделе об именах существительных приводятся названия музыкальных инструментов:

- (6) *jouer du clauescin* играть на клявицы(м)балѣ; *du lut* на лютнѣ; *del orgue* на органа(х); *delà guitare* на гитарѣ; *du tuorbe* на тую(р)бѣ; *delà flute* на флейтѣ; *du haubois* на готбуе, в сиповку (л. 22).

В том же разделе даны названия игр:

- (7) *jouer au trictrac* играть в тавлѣи; *au billard* въ бил(ъ)лярдѣ; *à la paume* мяче(м); *aux cartes* в(ъ) карты; *aux dez* в(ъ) кости; *au volant* лѣтушкою; *à la clin musette* въ гулочки, *au colin*

maillard въ жмурки, aux échets въ шахматы, aux dames в(ъ) шашки (л. 22 об.).

Упоминаются балы и театральные представления:

- (8) Nous irons au bal après la comédie. Послѣ комедіи, пойдемъ на игрище (л. 32 об.).

В ряде примеров отразилось развитие светской культуры чтения. Так, грамматика содержит рекомендации, как правильно указывать нужный фрагмент при цитировании:

- (9) Егда ссылается кто на нѣкое книги мѣсто, на нѣкую книгу, на дѣйствія, или дѣянія, или явленія, тогда имена чиновная полагаются послѣ существительныхъ без приложенія члена к ним; например: Saint Chrisostome dit, homelie quatrième, livre premier. С(вя)тый Златоустый говоритъ въ омилии четвертой, в(ъ) книгѣ пе(р)во(и) и про(ч). Molière dit dans le Tartufe, acte quatrième, scene cinquième. Мольеръ говоритъ въ Та(р)тюфѣ четверто(м) (sic!) въ явленіи пято(м) (л. 18 об.; см. также л. 93 об.).

Есть рифмованные иллюстрации, причем как во французском, так и в русском вариантах:

- (10) Mon ami n'a point d'argent et moi qui n'en a guères, / c'est le véritable moien de faire maigre chair. Другъ сребра не имать, а я также мало, / убо на чужій столъ намъ глядѣтъ пристало (л. 84).

Грамматика даже открывается стихотворной строкой:

- (11) Бл(а)гимъ въ житіи ревновати годѣ / В писмѣ жъ искусны(м), по благой природѣ (л. 1).

Автор предостерегает своего читателя от того, чтобы использовать обороты речи, свойственные «черни и невѣждому народу» (л. 33), и приводит ряд формул речевого этикета. Например:

- (12) Не надобно говорить: j'aurai l'honneur pour vous remercier. Буду имѣть почтеніе, для, ради ва(м) во(з)благодаренія; je vous remercie pour <...> я васъ бл(а)года(р)ствую ради <...>; je vous suis

obligé pour ⟨...⟩ я ва(м) обяzań ради ⟨...⟩. Но тако: j'aurai l'honneur de vous remercier буду имѣть почтеніе благодарствовать ва(м), бл(а)г(о)д(а)рить ва(с); je vous remercie de ⟨...⟩ бл(а)года(р)ствую ва(м) о, для того что, за и проч.; je vous rends graces de etc. я ва(м) благодареніе воздаю о, за и проч. (л. 48).

Кроме того, в «Грамматике» отражено распространение местоимения *вы* в качестве почтительного, вежливого обращения:

- (13) Ради показанія вяшшія чести должно употреблять втораго лица множественнаго, а не единственнаго, хотя въ російско(м) и можно рещи тако. Пишешь ли или Пишете ли мой Г(оспо)д(и)нѣ, Г(осу)д(а)рь, Г(ос)п(о)жа, обаче у фра(н)цузовъ всегда чере(з) мѣстоименіе вы vous. Наприкла(д): Ecrivez-vous Monsieur Пишешь ли мой Г(оспо)д(и)нѣ. Vous écrivez вы пишете, ты пишешь (л. 28–28 об.).

3. Специфика грамматического описания, западноевропейские и церковнославянские источники

3.1. Как уже отмечалось, «Грамматика французская» является «не элементарным пособием по морфологии частей речи, а учебником по французскому синтаксису для продвинутого этапа обучения» [Vlassov 2013: 79; Власов, Московкин 2017: 26]. О том, что предметом описания в учебнике является синтаксис, свидетельствует и само заглавие: «Грамматика французская о согласии или сочинении девяти частей слова». Сходным образом называлась синтактико-стилистическая часть в «Грамматике» Смотрицкого: «О сочинении осми частии слова».

Мы предполагаем, что «Грамматика французская» входила в состав обстоятельного учебного комплекса, который, помимо изложения синтаксиса, включал в себя учение о категориях слов и их

разрядах. Часть, посвященная морфологии, до настоящего времени не выявлена⁵. Однако, рассматривая синтаксис, Горлицкий постоянно отсылает к ней читателей. Упомянув о трудностях в употреблении артиклей, он пишет:

- (14) Дабы не смятенъ былъ учащійся сему языку, да вѣдаетъ что члены инїи суть опредѣленнїи, а другїи неопредѣленнїи, о че(м) было въ грамматикѣ въ части 2, членѣ 1, пространнѣе и яснѣе (л. 1 об.).

Раздел «О именах числительных и чиновных» начинается фразой:

- (15) Имена сія уже суть показана въ Грамматикѣ въ членѣ 4 и 2, вторыя части (л. 27 об.).

Отсылки есть и далее в главах, посвященных местоимению, глаголу, причастию, предлогу и союзу (лл. 29, 31 об., 53, 65 об., 89, 90, 94).

Описывая французский синтаксис, Горлицкий последовательно сравнивает его с русским. Приведем характерный пример из раздела об употреблении местоимений:

- (16) Ежели кто вопрошывае(т) чре(з) дателный падежь — в російскомъ чре(з) родителный. Наприклад: *à qui est ce? чіе есть сіе? Отвѣщается <...> à eux, à elles ихъ (для обоого рода). Ежели(ж) кто вопрошае(т) чре(з) родителный de — в російско(м) чре(з) о(т)носителный (еже можетъ быть и во францу(з)скомъ) или чре(з) падежь предлога, наприклад: *de qui est ce? о(т) кого, о ко(м) сіе есть? Отвѣщавай тако(ж)де c'est de moi о(т) мене, о мнѣ (л. 28).**

⁵ Возможно, учебный комплекс предполагал также фонетическую часть — это соответствует структуре большинства грамматик европейских языков Нового времени. Б. А. Успенский обнаружил фрагмент кириллической рукописи, посвященный классификации звуков во французском языке, в конволюте из Британского музея (British Library, Sloane MS 3845) [Успенский 1997: 444–445]. Маргиналия на полях одного из листов заставляют предполагать, что к работе был причастен Горлицкий [Clemenson 1988: 175]. Однако указанный источник и вопрос о его связи с рукописью РО БАН, П I Б № 106 нуждаются в дальнейшем исследовании.

Таким образом, русский язык является не только метаязыком, но и отчасти языком-объектом.

3.2. Вне всякого сомнения, «Грамматика французская» не перевод какого-либо известного французского учебника, а оригинальное сочинение Горлицкого [Власов, Московкин 2017: 26]. Он, однако, был хорошо знаком с французскими грамматическими и лексикографическими трудами своего времени. Эксплицитная отсылка к работам предшественников содержится в разделе об управлении глагола *parler*:

- (17) Но понеже сей глаголь *parler* многосмысле(н) есть, того ради по случаю своему и падежа разнаго требует. Зри в(ъ) дикціонарѣ Ришле [приписка другими чернилами: «или Треву» — Н. К., М. Ш.] (л. 48 об.).

Речь идет о двух знаменитых словарях: «Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise» С.-П. Ришле (1-е изд.: 1680) и «Dictionnaire de Trévoux» (1-е изд.: 1704).

Работая над грамматикой, Горлицкий нередко заимствовал примеры из словаря Ришле — к этому источнику восходит, например, французская часть иллюстраций, поясняющих употребление наречия *autant* и глагола *falloir* (лл. 76 об.–77; 80 об.)⁶. Кроме того, ряд толкований слов, как представляется, обнаруживает влияние французских лексикографических трудов рубежа XVII–XVIII вв. Так, слово *appétit* в словарях Ришле, Треву и «Словаре французской академии» имеет следующие дефиниции: «Apétit. Désir de manger» [Richelet 1680: 35 (вторая паг.)]; «Appétit, se dit (<...> du désir de manger» [DFL: 1, 496]; «Appetit, signifie (<...> le désir qu'on a de manger» [DAF: 1, 46]. В смысловом отношении они тождественны определению, которое

⁶ «Il envôia Parmenion avec deux mille étrangers, et autant de Macdoniens»; «Peu s'en faut que je ne dise que les hommes sont fous de se donner tant de peine, et de faire mille bassesses pour amasser du bien quand une fois il en ont autant qu'il en faut pour vivre honnêtement» [л. 80 об.; л. 76 об. — 77; ср. Richelet 1680: 56, 155 (вторая паг.)].

дает этому слову Горлицкий: «bon appetit добрый позывъ к ядению» (л. 69 об.). Другой пример, свидетельствующий об ориентации Горлицкого на французские словари, — толкование, которое получает слово *basane*: «⟨...⟩ *basane* баранья кожа ради переплоту» (л. 13 об.) — ср.: «*Basane*. ⟨...⟩ *Peau de veau ou de mouton* ⟨...⟩ qui sert sans autre préparation à couvrir des livres»; «*Basane* ⟨...⟩ *Peau de mouton préparée, dont on se sert ordinairement à couvrir des livres*» [DFL: 1, 895; Richelet 1680: 66 (вторая паг.); DAF: 1, 87].

Как отметили С. В. Власов и Л. В. Московкин, в изложении теории «Грамматика французская» следует вульгате XVII столетия, представленной, среди прочих сочинений, в ранних изданиях написанного по-немецки учебника французского языка Ж.-Р. Пеплие (1-е изд.: 1689) [Власов, Московкин: 26]. Укажем, что у Пеплие Горлицкий также заимствовал множество примеров. К его грамматике восходят примеры из раздела, посвященного употреблению глагольных времен: рифмованные паремии («*Quand les François renderont Arras, les souris mangeront les chats*. Когда французы о(т)дадутъ горо(д) Арраксъ, тогда уже мыши начну(т) кото(в) ѣсть. *Quand tu seras homme de bien, les lievres poursuivront les chiens*. Когда ты будешь добрымъ человеко(м), то уже и зайцы буду(т) за собаками гонятся» (л. 54)); примеры, содержащие стереотипные представления о других народах («*En Italie il y en a plusieurs gens, qui gagnent leur vie à battre et à tuer*. В Италии вяшшая часть людей, народа обрѣтается, иже обрѣтають себе пищу о(т)ятиемъ живота и убиение(м) прочи(х) други(х)» (л. 62 об.)); предложения — например, о мере божьего гнева («*Après que Dieu a châtié ses enfans, il jette la verge dans le feu*. После того, егда Б(о)гъ наказа своихъ чадъ, розгу поверже въ огонь» (л. 52 об.)) и др.⁷

3.3. По большей части Горлицкий использует терминологию, восходящую к «Грамматике» Смотрицкого⁸. При этом для обозначения

⁷ См. эти примеры с переводом на немецкий в одном из изданий грамматики Пеплие: [Pepliers 1719: 210–211, 229, 207].

⁸ Некоторые наименования Смотрицкого модифицируются в «Грамматике французской». Например, порядковые числительные у Горлицкого названы

отсутствующих в церковнославянском частей речи он создает новые термины, иногда — наименования-дублиеты. Например, определенный артикль обозначается как *члень опредѣленный* или *члень окончанный*; неопределенный артикль — как *члень неопредѣленный* или *неокончанный* (лл. 1 об., 5). Терминологическая вариативность проявляется порой и в отношении частей речи, выделявшихся в церковнославянских грамматиках. Так, притяжательное местоимение Горлицкий обозначает как *притяжательное* или *властителное* (л. 30) — первое наименование восходит к грамматике Смотрицкого, второе калькирует французский термин *pronot possessif*. Используются термины *наречие* и *надглаголие* (л. 77): первый восходит к Смотрицкому, второй — по всей видимости, к грамматике Ф. Максимова (1723) [Васильева 1984: 120; Кузьминова 2012: 402].

4. Языковые особенности «Грамматики французской»

4.1. В «Грамматике» французские примеры переводятся, как правило, при помощи ряда русских синонимов-соответствий. В тексте памятника как равнозначные эквиваленты используются следующие морфологические и синтаксические средства.

а. Существительное в творительном падеже, выражающем значение инструмента, — сочетание предлога *отъ* с существительным в родительном падеже:

- (18) de deux coups d'ерее двомя ударами мече(м), меча, о(т) двои(х) ударо(в) меча (л. 23 об.);
- (19) de trois coups de canons тремя выстрелами и(з) пу(ш)ки, о(т) тре(х) выстрело(в) пушечны(х) (л. 23 об.).

именами чиновными (л. 18), в то время как у Смотрицкого — *имена чинителная* [Кузьминова, Ремнева 2000: 156]; демонстративы названы у Горлицкого *показательными* (л. 30 об.), тогда как Смотрицкий использует термин *указательные местоимения* [Кузьминова, Ремнева 2000: 258].

b. Оборот «дательный самостоятельный» — предложная группа с предлогом *въ* — придаточное предложение времени:

(20) *du vivant въ житіе, в жи(з)нь, живушу* (л. 21 об.);

(21) *du vivant de Mon Pere живушу о(т)цу моему, въ жи(з)нь о(т)ца моего* (л. 21 об.);

(22) *⟨...⟩ apres qu'Alexandre eût vaincu le Roi Darius Александру побѣдившу. Егда Александръ побѣдилъ царя Дарія* (л. 53).

c. Придаточные определительные предложения с относительными местоимениями *иже, который, кой*:

(23) *Qui est ce qui me l'a dit, Кто се такой, который, иже мнѣ оное сказалъ* (л. 28);

(24) *⟨...⟩ le livre que j'ai acheté книга, юже купихъ, которую я купилъ* (л. 35).

d. Придаточные дополнительные предложения, в том числе косвенно-побудительные, с союзами *да, дабы, чтобы* — объектный инфинитив — предложно-падежное сочетание:

(25) *⟨...⟩ je vous prie de venir, Прошу тебѣ, дабы прише(л), при(й)-ти, да придеси* (л. 58 об.);

(26) *J'ai envoieé mon valet acheter du drap et dela toile, Послалъ я своего слугу для, ради покупки, дабы купилъ, купить сукна и холста* (л. 65).

e. Аорист — л-форма без связки (соответствует *passé composé* во французской части):

(27) *⟨...⟩ le livre que j'ai acheté книга, юже купихъ, которую я купилъ* (л. 35).

f. Пассивная аналитическая конструкция со страдательным причастием в личном употреблении — та же конструкция в безличном употреблении:

- (28) <...> il a été roué de coups, il fut accablé de coups весь бы(л) излома(н), избить, всего его было избито (л. 24).

Указанная безличная конструкция, характерная для югозападно-русских текстов [Георгиева 1978: 289–290; Трубинский 1984: 100], используется как в примерах, так и в авторских пояснениях:

- (29) <...> on l'a meurtri de coups даже до сме(р)ти его было прибито (л. 24);
- (30) <...> on lui a coupé les oreilles уши ему отрѣзано (л. 29 об.);
- (31) <...> дабы дважды сей союз si не говорено было, годѣ употреблять союза que вмѣсто повторения, с желательным наклоениемъ (л. 95 об.).

4.2. В русской части грамматики перевод французских слов и выражений часто дается через набор синонимов:

- (32) Avoir envie имѣть зависть, ре(в)ность, рвеніе, желаніе, хотѣніе (л. 7);
- (33) Cet homme à de quoi Сей человекъ заводень, богат, пожиточень, имѣеть довольно пожи(т)ка (л. 34);
- (34) Vous y penserez, pensez y bien О том вы подумаете, будете мыслить, думать. Смотри (ж), мысли (ж), думай же о то(м) хорошенко, добрѣ (л. 38 об.).

Толкование иноязычного слова с помощью ряда соответствий широко использовалось во многих иноязычно-русских лексиконах XVIII в. [Сороколетов 2001: 69].

При отсутствии славянского эквивалента в «Грамматике» приводятся заимствования⁹. Среди них — лексемы, имеющие более

⁹ В «Грамматике» встречаются редкие случаи обратного заимствования русских слов: *копейка* — «<...> je vous donnerai chacun dix Kopeikes всякому вамъ да(м) по десяти копѣекъ» (л. 40), *кружка* — «Cette bouteille tiene une crusque ou peu s'en faut Сія сулейка содержи(т) в себѣ крушку, или мало нѣчто» (л. 76 об.), *остров* — «à Cotlin ostroff На Котли(н) островъ» (л. 79).

позднюю фиксацию или другой фонетический вариант в «Словаре русского языка XVIII в.». Например:

- (35) *une tasse de thé, de caffè, de chocolat* чашка чаю, кафе, чекулаю (шокола) (л. 5);
- (36) *jouer <...> au billard* играть <...> въ биллярдь (л. 22 об.).

Слово *шоколад*, по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII века», в текстах первой трети XVIII в. встречается в двух типах вариантов: с инициальным *ч* (*чекулад*, *чекулат*, *чоколат*, восходящие к итальянскому *cioccolata*, испанскому *chocolate*, польскому *czekolada*) и с инициальным *ш* (*шоколад*, *шоколат*, *шокелат*, восходящие к немецкому *Schokolade*). В «Грамматике французской» представлены другие варианты, полностью (*шокола*) или частично (*чекула*) восходящие к французскому *chocolat*. Слово *биллярд* вошло в русский язык в Петровскую эпоху. Отметим, что автор грамматики дает фонетический вариант, представляющий собой транслитерацию французского слова и отсутствующий в «Словаре русского языка XVIII века» [СРЯ XVIII в.: 2, с. 23].

В «Грамматике французской» встречаются и другие лексемы, являющиеся примерами ранних фиксаций новых слов. Например: *гитара* (л. 22), *кокос* (*коко*) (л. 10), *диоцеза* (*диоцесиа*) (л. 14 об.)¹⁰. В «Грамматике» фиксируется одно из ранних употреблений слова *галлицизм*, сопровождающееся толкованием:

- (37) га(л)лиц(з)мы или обра(з) реченія в словѣ фра(н)цустѣ(м) (л. 6 об.)¹¹.

Приводится ряд примеров, среди которых следующие:

¹⁰ В «Словаре русского языка XVIII века» наиболее раннее употребление слова *гитара* относится к 1734 г.; вхождение лексемы *кокос* датируется 1755 г., а вариант *диокеза* — 1761 г. [СРЯ XVIII в.: 5, 117; 10, 86].

¹¹ В «Словаре русского языка XVIII в.» самое раннее употребление слова относится ко второй половине века (1759 г.) [СРЯ XVIII в.: 5, 85].

- (38) *une coquine de femme* бездѣльная жена; *un fripon de valet* воръ, некій слуга, вороватый; ⟨...⟩ *une soure aux choux, au pois, au lard* шти съ капустою, съ горохо(м), съ ветчиною (л. б об.).

К галлицизмам, таким образом, отнесены не слова и выражения, вошедшие в русский язык под влиянием французского, а примеры специфичных употреблений предлогов *de* и *à* и их переводы.

Займствованиа в русской части могут сопровождаться толкованием или добавлением родового слова, например:

- (39) *Atôme* Ато(м), частица недѣлимая (л. 13 об.);
(40) *l'Ebene* Гебе(н) древо (л. 14).

В единичных случаях в переводе отсутствует однословный эквивалент, например:

- (41) *la glose* исто(л)кованіе слова, проти(в) слова, рѣчь проти(в) рѣчи (л. 14).

4.3. В то же время в грамматике нередко используются русские эквиваленты — при том, что соответствующие займствования уже вошли в язык. Так, французское *bagage* переводится как *пожитки* (л. 12 об.), *gondolle* — *челн* (л. 13), *course* — *течение, бег* (л. 14 об.), *bouteille* — *сулейка* (л. 8), *bastion* — *крепость, башня, охранение* (л. 11 об.), *manieres* — *обычай* (л. 16 об.), при том, что слова *багаж, гондола, курс, бутылъ, бастион, манера* фиксируются в русском языке уже в конце XVII — начале XVIII в.¹²

Кроме того, автор грамматики, очевидно, ориентировался на церковнославянскую лексикографическую традицию. Это проявляется в широком употреблении книжно-славянской лексики — в частности, редких или не обнаруживаемых в известных словарях слов. К первым относятся следующие лексемы и словосочетания: *доброрѣчїе* («яко до(б)рорѣчїе хочеть» [о правильном построении фразы], л. 33)¹³;

¹² См. [СРЯ XVIII в.: 1, 124; 5, 162; 11, 87; 2, 174; 1, 149; 12, 59].

¹³ Ср. «eloquium, вимова, лѣпословіе, доброрѣчїе, рито(р)ство, вѣти(й)ство, добровѣщанїе» [Німчук 1973: 176], см. также [РО БАН, П I Б № 107: л. 233].

мощество (аналог фр. *pouvoir*, л. 63 об.)¹⁴; *образ писания* (аналог фр. *stile*, л. 13)¹⁵. Ко вторым — слова, образованные по модели церковнославянских композитов, а также особые словообразовательные варианты, например: *препонствовать* («⟨...⟩ j'empêche que personne ne vienne ici препонствую дабы сюда никто не приходи(л)», л. 58 об.)¹⁶; *складокончание*¹⁷ (аналог фр. *rime*, л. 13 об.); *грамматочинитель* («⟨...⟩ многиі Грамматочинители, и снискатели усмотреній полагають общее правило ⟨...⟩», л. 21 об.); *грамматотворец*¹⁸ (л. 16), *браннословие* (аналог фр. *sottise*¹⁹, л. 14), *осмелство*²⁰ (аналог фр. *resolution*, л. 18), *благоответствие*²¹ (аналог фр. *raison*, в качестве синонима указано *винословие*, л. 11).

Наконец, следует отметить, что в иллюстративном материале «Грамматики французской» встречается польская и югозападнорусская лексика, например: *жалоба*²² (аналог фр. *deuil*, л. 10 об.); *грозба*²³ (аналог фр. *tempete*, л. 12, также л. 14 об.); *рожжа* (аналог фр. *rose*, л. 14); *францишек* (аналог фр. *François*, л. 26 об.); *манка*²⁴ (аналог фр. *manche*, л. 15). Проникновение региональной лексики в текст

¹⁴ Ср.: «рѳѣстас ⟨...⟩ мощество» [РО БАН, П I Б № 107: л. 573 об.], см. также [Німчук 1973: 193].

¹⁵ Ср.: «stylus ⟨...⟩ образъ писаніи» [РО БАН, П I Б № 107: л. 711 об.].

¹⁶ Ср.: «imprѣdio препинаю, препятствую» [РО БАН, П I Б № 107: л. 332 об.].

¹⁷ Ср.: *складословець, складотворець* [СРЯ XI–XVII вв.: 24, 205]; *кончєніє* [ЛП: л. 150]; *konczєnie* [Knapski 1643: 297].

¹⁸ Ср.: *грамотолюбєць* [СРЯ XI–XVII вв.: 4, 121].

¹⁹ Ср.: *сквернословіє* [СРЯ XI–XVII вв.: 24, 189], *бранное слово* [СРЯ XI–XVII вв.: 1, 317].

²⁰ Ср.: *смєльство* [САР: 5, 621]; *смгльство* [СРЯ XI–XVII вв.: 25, 156; ЛП: л. 103].

²¹ Ср.: *благо(т)вѣтъство* [ЛП: л. 22 об.].

²² См.: «Жалоба ⟨...⟩ юго-зап. Траур» [СРЯ XVIII в.: 7, 92].

²³ См.: «Грозба ⟨...⟩ юго-зап. Действ. по гл. грозить, угроза» [СРЯ XVIII в.: 5, 239].

²⁴ См.: «Манка — шуйница, шуя, рукавъ» [Житецкий 1888: 42].

учебника, по-видимому, объясняется польским происхождением ее автора. Однако нельзя исключать и того, что она могла быть воспринята автором через лексиконы, созданные в XVII — первой четверти XVIII в., многие из которых имели в качестве источника «*Thesaurus polono-latino-graecus*» (1621–1632) Г. Кнапского [Николаев 1996].

4.3. Некоторые перечисленные выше лексемы, не зафиксированные в словарях XVII — первой трети XVIII в., — *осмелство*, *препонствовать*, *благодарствіе* — обнаруживаются в третьей части издания «Описание о Японе», переведенной Горлицким (1-е изд.: 1734)²⁵. Помимо указанных слов, в языке «Описания» широко используются характерные для языка «Грамматики французской» страдательно-причастные безличные предложения²⁶, что является аргументом в пользу атрибуции обоих памятников одному автору.

5. Заключение

«Грамматика французская» представляет собой синтез западно-европейской и русской грамматической и лексикографической традиций. Учебник содержит эксплицитные отсылки к словарям Ришле и Треву; кроме того, часть иллюстративного материала заимствована из грамматики Пеплие. Грамматическое описание дается с помощью терминов, многие из которых восходят к грамматике Мелетия

²⁵ Приведем примеры: «Однакожь, чтобъ не потерять милость Государя своего, всеконечно надобно отложиться, на таковое честное и тяжкое *осмѣльство*» [Карон 1768: 48]; «Почтеніе, кое имуть [дворяне] благородству женъ своихъ ⟨...⟩ *препонствуетъ* ихъ отсылать, хотя онѣ имъ и не по нраву» [Карон 1768: 135]; «⟨...⟩ *благодарствіе* [на полях: винословіе, благословіе. — Н. К., М. Ш.] на таковой промысль такое» [Карон 1768: 136].

²⁶ «Ни единого бо года нѣтъ, что бы не умерщвлено было Христіанъ многихъ» [Карон 1768: 118]; «⟨...⟩ обрито было имъ съ единого бока до половины головы» [Карон 1768: 123]; «⟨...⟩ прислано ко мнѣ было два, или три раза нѣкоего слѣпаго» [Карон 1768: 131–132] и т. д.

Смотрицкого. В русской части иллюстративного материала используются лексикографические приемы, характерные для переводных словарей и лексиконов XVII — начала XVIII в. При этом грамматика Горлицкого является не переводным, а оригинальным трудом — причем не только в плане грамматического описания, но и в языковом отношении. «Грамматика» содержит важный материал как для сопоставительного исследования грамматики французского и русского языков, так и для изучения грамматических категорий русского языка XVIII в. Ее иллюстрации дают ценные свидетельства о культурных традициях своего времени; широкий круг используемой лексики предоставляет богатый материал для лингвокультурологических и лексикологических исследований. Таким образом, представляя раннюю традицию грамматического описания в России, «Грамматика французская» важна не только как первый учебник по французскому языку, написанный по-русски, но и как литературный и культурный памятник Петровской эпохи.

Литература

- Анисимов 2017 — Е. В. Анисимов. Елизавета Петровна. Афродита у власти. М.: Академический проект, 2017.
- Васильева 1984 — Н. В. Васильева. Наречие // Русская речь. 1984. № 5. С. 118–121.
- Власов, Московкин 2017 — С. В. Власов, Л. В. Московкин. Из истории Императорской Академии наук: профессиональная деятельность переводчика И. С. Горлицкого // П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева, А. Ю. Тираспольская (отв. ред.). Литературная культура России XVIII в. Вып. 7. СПб.: Геликон-Плюс, 2017. С. 23–34.
- Георгиева 1978 — В. Л. Георгиева. Безличные предложения // В. И. Борковский (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. С. 230–295.
- Карон 1768 — Описание о Японе: Содержащее в себе три части... Часть 3: Последование странствования Генрика Гагенара в Восточную Индию, сочиненное чрез Франциска Карона. Переведено чрез Ивана Горлицкого. СПб.: при Императорской Академии наук, 1768.

- К. Н. В. 1884 — К. Н. В. Императрица Елизавета Петровна и король Людовик XV // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1884. Т. XVII. С. 346–365.
- Кузьминова 2012 — Е. А. Кузьминова. Грамматики церковно-славянского языка в культурно-языковом пространстве России XVI–XVIII веков. Дисс. ... доктора филол. наук. М.: Московский государственный университет, 2012.
- Лебедева 2003 — И. Н. Лебедева (автор-сост.). Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб.: БАН, 2003.
- Московкин 2019 — Л. В. Московкин. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.
- Николаев 1996 — С. И. Николаев. Словарь Г. Кнапского в России (Библиографические разыскания) // Н. Д. Кочеткова (ред.). XVIII век. Сб. 20. СПб.: Наука, 1996. С. 157–168.
- Николаев, Осипов 1988 — С. И. Николаев, В. И. Осипов. Горлицкий (Горлецкий) Иван Семенович // А. М. Панченко (ред.). Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л.: Наука, 1988. С. 220–221.
- Пекарский 1862 — П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. Том I. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862.
- Руднев 2003 — Д. В. Руднев. Горлицкий (Горлецкий) Иван Семенович // П. Е. Бухаркин (отв. ред.). Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб.; М.: СПбГУ; Академия, 2003. С. 259–260.
- Смирнова 2013 — А. С. Смирнова. Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий // П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев (ред.). Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 235–252.
- Сороколетов 2001 — Ф. П. Сороколетов (ред.). История русской лексикографии. СПб.: Наука, 2001.
- Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984.
- Успенский 1997 — Б. А. Успенский. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 437–572.
- Cleminson 1988 — R. Cleminson. A union catalogue of cyrillic manuscripts in British and Irish collections. London: School of Slavonic and East European Studies, 1988.
- Vlassov 2013 — S. Vlassov. Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur reception en Russie // Вивліюніка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013. Vol. 1. P. 75–98.

Источники

- БАН, П I Б № 106 — [И. С. Горлицкий]. Грамматика французского языка, в девяти частях. Беловая копия. 1724 г. Ркп. БАН, П I Б № 106. 102 л.
- БАН, П I Б № 107 — И. П. Максимович. Латинско-русский словарь. Беловая копия. 1724 г. Ркп. БАН, П I Б № 107. 839 л.
- Житецкий 1888 — П. Житецкий. Словарь книжной малорусской речи. Рукописи XVII века. Киев: Тип. Г. К. Корчак-Новицкого, 1888.
- Кузьминова, Ремнева 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смолитрицкого / Сост., подг. текста, комм. и указатели Е. А. Кузьминовой, предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- ЛП — Ф. П. Поликарпов-Орлов. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М.: Синодальная тип., декабрь 1704.
- Німчук 1973 — В. В. Німчук (ред.). Лексикон латинський Е. Славинецького. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ: Наукова думка, 1973.
- САР — Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
- СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб.: Наука, 1984–2019.
- DAF — Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roi. Paris: chez la veuve de Jean Baptiste Coignard, 1694. 2 vol.
- DFL — Dictionnaire universel françois et latin contenant la signification et la définition des mots d'une et de l'autre langue, avec leurs différents usages. Imprimé à Trévoux, 1721. 5 vol.
- Knapski 1643 — [G. Knapski]. Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latine et Graecae, in tres tomos divisum. (...) Opera Gregorii Cnapii (...) — Editio secunda, ab auctore recogniti (...) Tertia pars Adagia continebit (...) Cracovicae [Kraków]: Typis & sumpti Francisci Caesarii, 1643.
- Pepliers 1719 — [J.-R. Pepliers]. Nouvelle et Parfaite Grammaire royale française et allemande. Neue und vollkommene Königliche Frantzösische Grammatica. Berlin: Johann Christoph Pape, 1719.
- Richelet 1680 — P. Richelet. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses: plusieurs nouvelles remarques sur la langue française. Genève: chez J. H. Winderhold, 1680.

References

- Anisimov 2017 — E. V. Anisimov. *Elizaveta Petrovna. Afrodita u vlasti* [Elizabeth Petrovna. Aphrodite in power]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2017.
- Cleminson 1988 — R. Cleminson. *A union catalogue of cyrillic manuscripts in British and Irish collections*. London: School of Slavonic and East European Studies, 1988.
- Georgieva 1978 — V. L. Georgieva. Bezlichnye predlozheniya [Impersonal proposals]. V. Borkovskii (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie* [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentence]. Moscow: Nauka, 1978. P. 230–295.
- Karon 1768 — F. Karon. *Opisanie o Yapone: Soderzhashchee v sebe tri chasti* [Description about Japan: Containing three parts]. Pt. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1768.
- K. N. V. 1984 — K. N. V. Imperatritsa Elizaveta Petrovna i korol Lyudovik XV [Empress Elizabeth Petrovna and King Louis XV]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 1884. Vol. XVII. P. 346–365.
- Kuzminova 2012 — E. A. Kuzminova. *Grammatiki tserkovno-slavyanskogo yazyka v kulturno-yazykovom prostranstve Rossii XVI–XVIII vekov* [Church Slavonic grammars in the cultural and linguistic space of Russia in the XVI–XVIII centuries]. Dr. Phil. Sc. Thesis. Moscow: Moscow State University, 2012.
- Lebedeva 2003 — I. N. Lebedeva. *Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig* [Peter the Great's library. Description of handwritten books]. St. Petersburg: Academy of Sciences Library Press, 2003.
- Moskovkin 2019 — L. V. Moskovkin. *Yazykovoe obrazovanie v Akademicheskoi universitete i gimnazii v XVIII veke* [Language education at the Academic University and Gymnasium in the 18th century]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2019.
- Nikolaev 1996 — S. I. Nikolaev. *Slovar G. Knapskogo v Rossii (Bibliograficheskie razyskaniya)* [Dictionary by G. Knapsky in Russia (Bibliographic research)]. N. D. Kochetkova (ed.). *XVIII vek* [The 18th century]. *Iss. 20*. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 157–168.
- Nikolaev, Osipov 1988 — S. I. Nikolaev, V. I. Osipov. *Gorlitskii (Gorletskii) Ivan Semenovich* [Gorlitskii (Gorletskii) Ivan Semenovich]. A. M. Panchenko (ed.). *Slovar russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. *Iss. 1*. Leningrad: Nauka, 1988. P. 220–221.
- Pekarskiy 1862 — P. P. Pekarskiy. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Tom I. Vvedeniye v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya* [Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. I. Introduction to the history of education

- in Russia of the XVIII century]. St. Petersburg: Company “Obshchestvennaya polza”, 1862.
- Rudnev 2003 — D. V. Rudnev. Gorlitskii (Gorletskii) Ivan Semenovich [Gorlitskii (Gorletskii) Ivan Semenovich]. P. E. Bukharkin (ed.). *Tri veka Sankt-Peterburga* [Three centuries of St. Petersburg]. Vol. 1. Iss. 1. St. Petersburg; Moscow: St. Petersburg State University Press, Akademiya, 2003. P. 259–260.
- Smirnova 2013 — A. S. Smirnova. Akademicheskii perevodchik Ivan Semenovich Gorlitskii [Academic translator Ivan Semenovich Gorletsky]. P. E. Bukharkin, E. M. Marveev, S. S. Volkov (eds.). *Filologicheskoe nasledie M. V. Lomonosova* [Philological heritage by M. V. Lomonosov]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. P. 235–252.
- Sorokoletov 2001 — F. P. Sorokoletov. *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka, 2001.
- Trubinskii 1984 — V. I. Trubinskii. *Ocherki russkogo dialektogo sintaksisa* [Essays on Russian Dialect Syntax]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1984.
- Uspenskii 1997 — B. A. Uspenskii. Dolomonosovskie grammatiki russkogo yazyka (Itogi i perspektivy) [Pre-lomonosov grammars of the Russian language (Results and perspectives)]. B. A. Uspenskii. *Izbrannye trudy. Vol. III: Obshchee i slavyanskoe yazykoznanie* [Selected works. Vol. III: General and Slavic Linguistics]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997. P. 437–572.
- Vasil’eva 1984 — N. V. Vasil’eva. Narechie [Adverb]. *Russkaya rech.* 1984. No. 5. P. 118–121.
- Vlassov 2013 — S. Vlassov. Les manuels utilisés dans l’enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur reception en Russie. *Βυζιῶuka: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. Vol. 1. P. 75–98.
- Vlasov, Moskovkin 2017 — S. V. Vlasov, L. M. Moskovkin. Iz istorii Imperatorskoy Akademii nauk: professionalnaya deyatelnost perevodchika I. S. Gorlitskogo [From the history of Imperial Academy of Sciences: professional activity of the translator I. S. Gorlicki]. P. E. Bukharkin, E. M. Matveev, M. V. Ponomareva, A. Yu. Tiraspol’skaya (eds.). *Literaturnaya kultura Rossii XVIII v.* [Literary culture of Russia in the 18th century]. Iss. 7. St. Petersburg: Gelikon-plyus, 2017. P. 23–34.
- Zhitetskii 1888 — P. Zhitetskii. *Slovar knizhnoy malorusskoy rechi. Rukopisi XVII veka* [Dictionary of literary Malorus language. Manuscripts of the 17th century]. Kiev: G. K. Korchak-Novitskii typography, 1888.

К вопросу о палеографии текстов на испанском языке в еврейской графике: обозначение сибилантов

М. М. Мазняк

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург,
Россия); mmmazniak@mail.ru

О. В. Тихонова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства
обороны (Москва, Россия); pajaro@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — проанализировать особенности обозначения сибилантов в текстах на испанском языке в еврейской графике XVII–XIX вв. Материалом послужили рукописные и печатные издания на испанском языке в еврейской графике (на *ладино* и на *джудезмо*): Ms. Евр. I 308 (до 1732 г.) (РНБ, СПб., Фонд А. С. Фирковича), *Biblia de Viena* (1816 г.), *Biblia de Constanstinopla* (1873 г.). К основному выводу можно отнести следующий: сравнительная орфография сибилантов в еврейской графике подтверждает, что орфография испанского языка в еврейской графике иллюстрирует «южный» вариант развития испанских сибилантов.

Ключевые слова: сефардский, ладино, джудезмо, сибиланты в испанском, тексты на испанском языке в еврейской графике.

On the paleography of Spanish texts in the Hebrew script: Designation of sibilants

María M. Mazniak

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); mmmazniak@mail.ru

Oxana V. Tikhonova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
(Moscow, Russia); pajaro@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the specific features of sibilant designation in Spanish texts of the XVII–XVIII centuries rendered in the Jewish script. The material used includes: *Ms. Heb. I 308* (XVII — early XVIII centuries), a manuscript housed at RNB, St. Petersburg, A. S. Firkovich Foundation; *Biblia de Viena* (1816), and *Biblia de Constanstinopla* (1873) rendered in the Hebrew (*Ladino* or *Judesmo*) script. The system of sibilants shows difference in the representation in the printed books and in the manuscripts addressed. The manuscript *Ms. Heb. I 308* uses different Hebrew letters to represent the same Spanish sounds which otherwise are invariably denoted by only one Latin letter. The main conclusions of this paper are as follows: 1. Printed Spanish texts rendered in the Hebrew script demonstrate higher regularity in the selection of Hebrew letters to denote sibilants in the Spanish (Sephardic) language as a reflection of a general difference between printed and handwritten texts overall. 2. The Hebrew script orthography represents the “southern” variant of Spanish sibilants’ development from the XV century. In particular, this is evident in the designation of voiced and voiceless fricative phonemes by *samech* <s> and *zayin* <z>. This is a reflection of the process of fricativization of the affricates /tʃ/ (in the letter ç, c(e/i)) and /dʒ/ (in the letter z) with their subsequent merger with the fricatives /s/ (in the letter s, ss) and /z/ (in the letter -s- in intervocalic positions), characteristic of the “southern” variant. The article includes: a table with different variants of paleography in Sefardic manuscripts and the *solitreo* grafics.

Keywords: Sephardic, Ladino, Judesmo, Spanish sibilants, Spanish texts in the Hebrew script.

ביינאָז ינטוראדו אין צ ארון
קי נו אנדה אין קוסיזו די מאלוס

Bienaventurado el varón

que no anda en consejo de malos

(Salmo 1:1)¹

¡Tant’ amare, tant’ amare, habibi, tant’ amare!

*Enfermeron welyos gayados, ya duolen tan male.*²

¹ [Biblia de Viena 1816: 5].

² В переложении на совр. исп.:

Tanto amar, tanto amar, amigo mío, tanto amar.

Enfermaron los ojos llorosos, ya duelen mucho.

(исп., исп.-араб. *Так сильно любить, так сильно любить, о друг мой, так сильно любить...* // *Воспалились глаза заплаканные и очень болят*) [Martín Baños 2009: 30].

1. Введение. Тексты на испанском языке в еврейской графике

Статья посвящена графике и орфографии текстов на испанском (сефардском) языке в еврейской графике как источнику по исторической фонетике испанского языка. В статье анализируются варианты использования еврейских букв для передачи сибиллянтов в испанском языке в печатных изданиях и рукописях XVII–XIX вв.

До наших дней дошел внушительный корпус текстов на испанском языке в еврейской графике³. Эти тексты создавались еврейскими общинами как на территории Испании, так и за ее пределами после изгнания в 1492 г. Большая часть сефардов⁴, изгнанных из Испании, Португалии, Южной Италии и Сицилии, направилась в Османскую империю по приглашению султана Баязида II (годы жизни: ок. 1447–1512 гг.; годы правления: 1481–1512 гг.)⁵. После ее распада одни сефарды остались жить в Турции, Боснии, Болгарии и т. п., другие эмигрировали (по большей части в страны Южной Америки). Язык сефардов, проживавших в Османской империи, назывался *джудезмо*. Термином *джудезмо* принято называть повседневный язык сефардской общины в Османской империи. Его нужно отличать от термина *ладино*, которым принято называть язык

³ Общий корпус литературы на испанском в еврейской графике описан А. Кинтаной [Quintana 2015]: El Corpus MemTet содержит более 522 000 слов из текстов разного объема и содержания; CORNIIJ — более 200 000 слов из 55 текстов; Corpus diacrònic etiquetat del judeo-castellà из 74 документов, в которых содержится более 300 000 слов, 16 — записаны в еврейской графике. Корпус сефардской библейской литературы описан Ф. Х. Пуэйо Меной [Pueyo Mena 2014: 177].

⁴ Сефард (исп. sefardí. < евр. *šəfārad* — топоним, который традиция связывает с Иберийским полуостровом), так называли иудеев — уроженцев Испании [DLE: sefardí].

⁵ Считается, что сефарды являются основоположниками печатного дела в Османской империи, монополия на которое им принадлежала до 1727 г. [García Moreno 2010: 7].

подстрочных переводов Библии (и литургических книг) с еврейского (или арамейского) на испанский. Характерная черта этих переводов — наличие переводческих калек в области лексики и синтаксиса [RAE: *ladino*; Sephiha 1975: 117]. Считается, что ладино как калькированный язык переводов на испанский восходит к XIII в., а джудезмо ведет свое начало с 1492 г., т. е. с момента изгнания сефардов из Испании [Sephiha 1975: 122].

Разницу между ладино и джудезмо можно проиллюстрировать примерами из первого перевода на ладино (*Pentateuco de Constantinopla*, 1547) (цит. по [Sephiha 1975: 120]) и примером из первого перевода Библии на джудезмо (*Biblia de Constantinopla*, 1873) (см. *Таблицу 1*):

Таблица 1. Перевод на ладино и джудезмо (Исх. 12:2)

Table 1. Translation in Ladino and in Judesmo (Ex. 12:2)

Ладино	Джудезмо
<i>El mes este auos <u>prencipio</u> de meses primero el <u>auos</u> a meses del <u>anio</u>;</i>	<i>‘уҕту муз vwç <u>çyra</u> прыңçурууу dy hwç музуç; ‘у vwç <u>çyra</u> прымуrw ‘yn hwç музуç dyl annуw⁶.</i>

Язык сефардов, в 1492 г. направившихся в Северную Африку (Марокко), отличается от джудезмо и называется *хакетия* [Bunis 2015: 78]. Разницу между джудезмо и хакетией можно проиллюстрировать на примере пасхальной агады, приведенной П. Р. Ферре [Ferré: 10] (см. *Таблицу 2*).

Сефардские общины сформировались и в европейских странах. Р. Лапеса отмечал, что язык сефардских общин на севере Франции и в Амстердаме мало чем отличался от языка Испании [Lapesa 1983: 78].

⁶ (исп.) ‘Месяц сей да будет у вас началом месяцев, первым да будет он у вас между месяцами года’.

Таблица 2. Перевод на *джудезмо* и на *хакетии* (пасхальная агада)

Table 2. Translation in Judesmo and in Haketia (Haggadah)

Джудезмо	Хакетия
<p><i>Por tanto nos ovligados por loar, por alayar, por afermoziguar (glorificar), por enaltecer, y por enxalzar a El que hizo a nuestros padres y a nos todas las maraviyas las estas, nos sacó de servimiento a aloria (libertad), y de ansia a alegría, y de lemuño (luto) a día bueno, y de tiniebla a luz grande. Y diremo de delante de El, alavad a Adonay.</i></p>	<p><i>Por tanto nos obligados para aloar, para alabar, para elogiar, para afirmochiguar (glorificar), para enaltecer y para ensalsar, a quien hizo a nuestros padres y a nos, a todos los milagros los éstos, nos sacó de servicio a aloria (libertad), y de sujecio (sujeción) a regmición, y de ansia a alegría; y de luto a día bueno, y de tinieblas a luz grandem y diremos delante de El, alabad a HaShem⁷. [Hagada de Pesah, 2001: 69].</i></p>

Центральное место в еврейской литературе (в том числе на испанском языке) занимает Библия (*Танах*) и *Талмуд*⁸. Также издавались отдельные книги Библии, чаще всего — Песнь Песней, Книга Руфь и Есфирь [Pueyo Mena 2014: 177]. Первый сефардский печатный перевод Библии на испанский в еврейской графике — *Biblia de Constantinopla* (1547 г.). Первый перевод еврейской Библии на испанский в латинской графике — *Biblia de Ferrara* (1553 г.). Феррарская Библия послужила основой для протестантских переводов Библии на испанский язык, выполненных Касиодором де Рейна (*Biblia*

⁷ (исп.) ‘Поэтому мы обязаны восхвалять, воспевать, прославлять, превозносить и возвеличивать Того, Кто сотворил наших отцов, и нас, и все эти чудеса, (Кто) вывел нас из рабства на свободу, и из подчинения к новой жизни, и из тоски в радость, и из траура к доброму дню, и от тьмы к великому свету. И скажем пред Ним: хвалите Адоная / Ха-Шем’.

⁸ *Танах* — название еврейской Библии (в христианской традиции — Ветхого Завета). *Танах* — акроним названий трех разделов еврейского Священного Писания — *Тора* (Пятикнижие Моисеево), *Невиим* (Пророки), *Ктувим* (Писания) [ЭЕЭ: *Танах*]. *Талмуд* (евр. *учение*) — свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма в их единстве [ЭЕЭ: *Талмуд*].

de Oso, 1569) и Сиприано де Валера (Biblia de Cántaro или Biblia Reina-Valera, 1602) [Hassán 1994: 355]. Большинство сохранившихся средневековых переводов Библии на испанский сделаны не с Вульгаты, как в других католических странах, а непосредственно с древнееврейского и арамейского. Выполняли такие переводы сефарды. Христианские переводчики часто обращались к переводам сефардов [Pérez Alonso 2011: 392].

Помимо религиозной литературы, сохранился большой корпус научных трактатов, художественной литературы и др., среди которых особое место занимают романские *харджи* в еврейских *мувашшахах* (жанр средневековой еврейско-испанской поэзии, созданной по образцу арабо-испанской) [DLE: *moaxaja*], созданных под влиянием арабских на территории мусульманской Испании (аль-Андалуса). *Харджамии* называют последнее двустишие еврейских мувашшахов, записанное на романском языке в еврейской графике [DLE: *jarcha*]. Еврейские мувашшахи созданы по аналогии с арабскими мувашшахами, известно 26 харджей на романском из еврейских мувашшахов [Тихонова 2022а]. Дошедшие до нас еврейские рукописи более точно передают произношение испанских слов [Martín Vaños 2009: 9, 30] (см. *Таблицу 3*):

Таблица 3. Харджа в транскрипции С. М. Штерна

Table 3. Kharja in transcription of S. M. Stern

Транслитерация	Транскрипция	Современный испанский
<ky fr'yw 'w ky şyr'd dmyby hbyby nwn tytwlğş dmyby>	¿ <i>Qué faré yo o qué serád de mibi?</i> ¡ <i>Habibi!</i> ¡ <i>No te tolgas de mibi!</i>	¿ <i>Qué haré o qué será de mí?</i> ¡ <i>Amigo mío!</i> ¡ <i>No te apartes de mí</i> ⁹

Язык и алфавит сефардов. Как отмечает К. Льеаль, к XIII–XIV вв. испанские евреи перешли на испанский язык и лишь наиболее образованные круги знали арамейский [Lleal 1992: 99]. Несмотря

⁹ (исп.) ‘Что делать мне? И что со мной будет? О, друг мой! Не отдаляйся от меня!’

на то, что Феррарская Библия была издана в латинской графике, евреи чаще всего пользовались еврейским алфавитом для записи разговорного языка страны, в которой они проживали. Так, сефарды, проживавшие на территории Османской империи, пользовались еврейским алфавитом до 1928 г., когда Кемалем Ататюрком была проведена реформа письменности [Czöndör 2008: 81], после которой турки перешли с арабского на латинский алфавит.

Кроме того, известны случаи использования кириллицы в болгарской общине: *Пор есто сомос овлигадос ди алавар, ренграсяр, глорификар, афурмузиуар и селебрар а акел, ке изо пор моестрос падрес и а мозотрос грандес маравияс: мос кито дел есклаваже а либертад, и сумисион а рихмисион, ди анся а алегрия, ди лимунйо а контентес, ди ескуридад а нуа гранде и диремос делантре де ел: алавад а Адонай* (исп. 'Поэтому мы обязаны восхвалять, благодарить, прославлять, превозносить и возвеличивать Того, Кто сотворил наших отцов, и нас, и все эти чудеса, (Кто) вывел нас из рабства на свободу, и из подчинения к новой жизни, и из тоски в радость, и из траура к доброму дню, и от тьмы к великому свету. И скажем пред Ним: хвалите Адоная') (Отрывок из пасхальной агады из книги *Традукцион либера де ла Агада ен лингуа испанйола интендивла* де Равин Даниел Цион (София, 5706 по евр. летоисчислению, т. е. ок. 1946 г.; с. 8). Отрывок цит. по фотографии, опубликованной П. Р. Ферре в научно-популярном обзоре литературы сефардов) [Ferré: 7].

После поражения Османской империи в Первой мировой войне, монархия была упразднена (правление династии длилось с 1299 г. по 1922 г.). В 1923 г. была провозглашена Турецкая республика. Вслед за тем положение евреев ухудшилось. Погромы и преследования евреев вызвали волну эмиграции. Многие евреи направились в Южную Америку. По свидетельству пожилой эмигрантки из турецких сефардов, когда в возрасте шести лет она прибыла с семьей в Аргентину, то была поражена, что вокруг все говорили по-испански, как и сефарды в Турции. Вернувшись домой, она радостно закричала: «Мама, мама, тут все евреи!» (Устное сообщение, записанное автором статьи).

Далее в Разделе 2 статьи представлены некоторые общие сведения по палеографии иудео-испанских и иудео-португальских

текстов, в частности, приводятся не только варианты начертания букв, встречающиеся в печатных текстах (шрифт *раши*) и в рукописях *сефардским полукурсивом*, но и варианты начертания в сефардском курсивном письме, особенно сложном для прочтения. В *Разделе 3* анализируются особенности применения еврейских букв для передачи испанских сибилантов.

В выводах подтверждается положение о том, что в еврейской графике отражен «южный» вариант развития сибилантов в испанском языке сефардов.

2. Палеография текстов на испанском языке в еврейской графике

Начертание. Рукописные тексты на ладино обычно записаны *сефардским полукурсивом*¹⁰, который в печати обычно передается шрифтом *раши* (также *сефардский «раввинский» шрифт*). Название этого шрифта происходит от акронима *Раши* (*Rashi: Rabbi Shlomo Yitzhaki* ‘учитель Шломо, сын Ицхака’) [ЭЕЭ: *Раши*]. Шломо бен Ицхак (1040–1105) — известный толкователь Библии, проживавший во Франции. С изобретением книгопечатания комментарии к Библии набирались шрифтом раши, в то время как текст самого Священного Писания набирался квадратным шрифтом [Czöndör 2008: 85–87]. В шрифте раши гласные обозначаются с помощью букв алфавита, без помощи огласовки. Однако встречаются и тексты, написанные квадратным шрифтом и огласованные¹¹ [Czöndör 2008: 85–87]. Для обозначения звуков испанского, отсутствующих в еврейском, используются диакритические значки: в раши — *рафе*, в квадратном письме — точки¹².

¹⁰ С вариантами начертания букв, записанных сефардским полукурсивом, можно ознакомиться в книге С. Якерсона [Якерсон 2015: 110–112].

¹¹ Подробно об орфографии таких текстов см. [Pascual Recuero 1988: 16].

¹² В сефардском вместо рафе может использоваться *варика*, *гереш*, *дагеш* и др. диакрит. знаки [Pascual Recuero 1988: 16].

В *Таблице 4* представлены примеры из рукописей Ms. Laud Or. 282 (Bodleian Library, Oxford), Ms. Евр. II А 161-6а (РНБ, СПб.), а также сложный для прочтения сефардский курсив (исп. *solitreo, soletreo*) из еврейско-португальских и еврейско-испанских рукописей¹³ (см. *Таблицу 4*) (Ms. Евр. I 308, РНБ, СПб.).

Таблица 4. Транслитерация текстов на испанском и португальском в еврейской графике

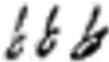
Table 4. Transliteration of texts in Spanish and Portuguese in Hebrew script

Еврейская буква				Транскрипция			Образцы букв в манускриптах	
Кв.	Раши	Назв.	Транслит.	Мос.	Исп.	Порт.	Сефард. Полукурсив	Сефард. курсив.
א	א	<i>алеф</i>	<ʾ>	ʾ	a, —	a, —		
ב	ב	<i>бет</i>		b	b	b		
בֿ	בֿ	<i>бет +рафе</i>	 ¹	—	v	v		
ג	ג	<i>гимель</i>	<g>	g	g	g		
גֿ	גֿ	<i>гимель +рафе</i>	<g> ¹	—	ch	ch, j, g(i/e)		
ד	ד	<i>далет</i>	<d>	d	d	d		
דֿ	דֿ	<i>далет +рафе</i>	<d>	—	—	d		—
ה	ה	<i>хе</i>	<h>	h	a	a		

¹³ К этому начертанию прибегали в нацистских концлагерях, используя его как способ шифрования [Czöndör 2008: 86].

Еврейская буква				Транскрипция			Образцы букв в манускриптах	
Кв.	Раши	Назв.	Транслит.	Мос.	Исп.	Порт.	Сефард. Полукурсив	Сефард. курсив.
ו	ו	вав	<w>	w	u, o, v	u, o, v		
ז	ז	заин	<z>	z	z	z		
י	י	заин +рафе	<ž>	—	j	—	—	
ח	ח	хет	<h>	— ²	h	—	—	—
ט	ט	тет	<ṭ>	t	t	t		
י	י	йод	<y>	y	i, e	i, e, y		
כ	כ	каф ³	<k>	— ²	—	—	—	—
ך	ך							
ל	ל	ламед	<ḷ>	l	l	l		
ל	ל	ламед +йод +йод	<lyy> ¹	—	ll	lh		—
מ	מ	мем ²	<m>	m	m	m		
ם	ם						—	—
נ	נ	нун ²	<n>	n	n	n		
ן	ן							

Еврейская буква				Транскрипция			Образцы букв в манускриптах	
Кв.	Раши	Назв.	Транслит.	Мос.	Исп.	Порт.	Сефард. Полукурсив	Сефард. курсив.
יײ	יײ	<i>нун +йод +йод</i>	<ny> ¹	—	ñ	nh		—
ס	ס	<i>самех</i>	<s>	—	s, ç	ç		
ע	ע	<i>аин</i>	<‘>	— ²	—	a		—
פ	פ	<i>pe²</i>	<p>	p	p	p		
ף	ף							
פ	פ	<i>pe +рафе</i>	<ḥ> ¹	—	f	f		
ף	ף							
צ	צ	<i>цади³</i>	<ṣ>	— ²	—	—		—
ק	ק	<i>коф</i>	<q>	q	k	k		
ר	ר	<i>реш</i>	<ṛ>	r	r	r		
שׁ שׂ	שׁ	<i>син</i>	<š>	š, ç	—	x, s		—
שׁ שׂ	שׁ	<i>шин (+рафе)</i>	<š> ¹	—	x	—	—	
ת	ת	<i>тав</i>	<ṭ>	— ²	—	—	—	—

Еврейская буква				Транскрипция			Образцы букв в манускриптах	
Кв.	Раши	Назв.	Транслит.	Мос.	Исп.	Порт.	Сефард. Полукурсив	Сефард. курсив.
Лигатуры								
—		<i>алеф +ламед</i>	<'l>	—	al	al		
		<i>алеф +ламед +хе</i>	<'lh>	—	ala	—	—	
		<i>коф +хе</i>	<kh>	—	ke	—	—	
		<i>ламед +хе</i>	<lh>	—	la	—	—	
		<i>реш +хе</i>	<rh>	—	ra	—	—	
		<i>алеф +реш +хе</i>	<'rh>	—	ara	—	—	
		<i>самех +хе</i>	<sh>	—	sa	—	—	
		<i>заин +хе</i>	<zh>	—	za	—	—	
		<i>заин +рафе +хе</i>	<zh>	—	ja	—	—	
<p>¹ Обозначения для звуков испанского и португальского языков, специально разработанные в ладино: <i>ll, ñ, f, v, ð, j, ch</i>.</p> <p>² Для этих букв в еврейском алфавите существовали конечные начертания.</p>								

Данные записей на испанском языке в еврейской графике представляют ценный материал с точки зрения исторической фонетики

испанского языка, особенно в области истории развития испанских сибилантов.

3. Орфография текстов на испанском языке в еврейской графике

Система согласных средневекового испанского насчитывала семь сибилантов¹⁴, шесть из которых составляли пары:

- 1–2) альвеолярные аффрикаты: глухая /ts/ и звонкая /dz/;
- 3–4) апико-альвеолярные фрикативные фонемы: глухая /s/ и звонкая /z/;
- 5–6) препалатальные фрикативные: глухая /ʃ/ и звонкая /ʒ/;
- 7) постальвеолярная аффриката /tʃ/, которая дошла без изменений до наших дней.

Существует два пути развития этой системы: «северный» и «южный».

1. На севере на первом этапе произошла фрикативизация пары аффрикат, на втором — оглушение звонких сибилантов в парах и их совпадение с глухими, на третьем — расподобление оставшихся трех фонем (Таблица 2) [Alarcos 1965: 268–272; Alonso 1955: 336–337; Коряков 2008: 8–10] (см. Таблицу 5).

Фонема /s/. Глухая апико-альвеолярная фрикативная фонема /s/ обозначалась буквами *-ss-* в интервокальной позиции (*passar*, *esse*, *amasse*), *s-* в начальной позиции (*señor*), в стечении с согласными в постпозиции (*pensar*), а также в стечении с согласным в препозиции к глухому звуку (*aspa*) /*aspa*/. Использование *ss* на письме упразднено орфографической реформой 1763 г. [Lapesa 1981: 204–207, 423].

Фонема /z/. Звонкая апико-альвеолярная фрикативная фонема /z/ на письме обозначалась буквой *-s-* в интервокальной позиции (*rosa*,

¹⁴ Встречаются следующие фонетические обозначения этих звуков: /ts/=/ʃ/=/tʃ/, /dz/=/ʒ/=/dʒ/, /s/=/ʃ/=/s/, /z/=/ʒ/=/z/, /ʃ/=/ʃ/=/ʃ/, /ʒ/=/z/=/ʒ/, /tʃ/=/tʃ/ и др. В данной работе используются обозначения в соответствии с системой МФА.

Таблица 5. «Северный» вариант развития системы сибилантов

Table 5. “Northern” variant of the development of the system of sibilants

Звук	Буква	Примеры	Звук			Буква	Примеры
			XV в. фрик- тивиза- ция	XVI в. оглушение	XVII в. расподобление		
/s/	s-, -ss-	<i>passar;</i> <i>señor;</i> <i>pensar</i>	= /s/		> /s/	1763 г.	
						s	<i>pasar;</i> <i>señor;</i> <i>pensar;</i> <i>rosa</i>
/z/ ¹	-s-	<i>Rosa</i>	= /z/				
/ts/	ç, c(e/i)	<i>cerca,</i> <i>çerca,</i> <i>braço</i>	> /s̄/	= /s̄/	> /θ/	1726 г.	
						c(e/i), z	<i>cerca,</i> <i>hacer;</i> <i>racimo;</i> <i>brazo</i>
/dz/	z	<i>fazer;</i> <i>razimo</i>	> /z̄/				
/ʃ/	x	<i>dixo,</i> <i>Quixote</i>	> /ʃ/	> /ʃ/	> /χ/	1815 г.	
						j, g(e/i), i	<i>dije,</i> <i>Quijote,</i> <i>consejo,</i> <i>mujer;</i> <i>jamás;</i> <i>gentil</i>
/z/	j, g(e/i), i	<i>jamás,</i> <i>consejo,</i> <i>conseio,</i> <i>gentil,</i> <i>mugier</i>	/z/				
/tʃ/	ch	<i>Cachorro</i>		= /tʃ/		ch	<i>cachorro</i>

¹ Звук /z/ сохранился в современном испанском языке как аллофон фонемы /s/ в препозиции к звонкому согласному: *asno /azno/*. Ср.: *aspa /aspa/*.

prisión) и в стечении с согласным в препозиции к звонкому звуку (*asno*) /*azno*/. Звуки /*z*/ и /*s*/ сохранились в современном испанском языке в качестве аллофонов фонемы /*s*/ [Menéndez Pidal 1902: 26; Lapesa 1981: 204–207, 423].

Фонема /*ts*/. Зубная глухая аффриката /*ts*/ передавалась на письме буквой *ç* (*çerca*, *braço*) или буквой *c* перед *i/e* (*cerca*). Позднее фонема /*ts*/ перешла в фонему /*θ*/, на письме обозначаемую *c* перед *i/e* (*ceder*, *cielo*, *lucir*) или *z* (*corazón*, *luz*) после орфографической реформы 1726 г. [Lapesa 1981: 204–206, 422]¹⁵.

Фонема /*dz*/. Звонкая зубная аффриката /*dz*/ на письме обозначалась буквой *z* (*fazer*, *razimo*) и обозначает зубную звонкую аффрикату /*dz*/ в испанском языке. Позднее фонема /*dz*/ перешла в фонему /*θ*/ (как и фонема /*ts*/), на письме обозначаемую *c* перед *i/e* (*ceder*, *cielo*, *lucir*) или *z* (*corazón*, *luz*) после орфографической реформы 1726 г. [Lapesa 1981: 204–206]¹⁶.

Фонема /*j*/. Глухая препалатальная фрикативная фонема /*j*/ на письме обозначалась буквой *x* (*ximio*, *dixo*, *exido*, *axuar*). Со временем фонема /*j*/ перешла в /*χ*/ (как и фонема /*z*/). Этот процесс завершился в период с 1450 по 1620 гг., но на письме звук /*χ*/ обозначался буквой *x* до реформы 1815 г. После реформы звук /*χ*/ стал обозначаться буквой *j* перед любым гласным (*lejos*, *caja*, *queja*, *dejar*) или, если этого требовала этимология слова, буквой *g* перед гласными *i/e* (*gente*, *género*, *tragedia*). А буква *x* стала использоваться для обозначения звуков /*ks*/ и /*gs*/ (*examen*, *exención*) в поздних

¹⁵ Исторически эта фонема развивалась в латыни так: (lat. cl.) *Martius* / *mārtium* /*ma:rtium*/ > (lat. vg. 1) /*martio*/ > (lat. vg. 2) /*martio*/ > (lat. vg. 3) /*martso*/ > (esp. med.) /*martso*/ > (XVI₁) /*março*/ > (XVI₂) /*março*/ > (XVII-act.) /*marθo* /*marzo*; (lat. cl.) *circus* / *cīrca* /*kirka*/ > (lat. vg. 1) /*k'irka*/ > (lat. vg. 2) /*tserka*/ > (lat. vg. 3) /*tserka*/ > (esp. med.) /*tserka*/ > (XVI₁) /*şerka*/ > (XVI₂) /*şerka*/ > (XVII-act.) /*θerka* /*cerca* (частичная реставрация автора по [Penny 2006: 84]).

¹⁶ Исторически эта фонема развивалась в латыни: (lat. cl.) *ericius* / *ericiūm* /*eri:k-ium*/ > (lat. vg. 1) /*erikio*/ > (lat. vg. 2) /*erikio*/ > (lat. vg. 3) /*eritso*/ > (esp. med.) /*eridzo*/ > (XVI₁) /*erizo*/ > (XVI₂) /*erizo*/ > (XVII-act.) /*eriθo* /*erizo* (частичная реставрация автора по [Penny 2006: 84]).

займствований из латыни [Menéndez Pidal 1902: 26; Lapesa 1981: 204–207, 421–424, 637–638].

Фонема /z/. Звонкая препалатальная фрикативная фонема /z/ перешла в препалатальный фрикативный звонкий /ž/. На письме этот звук обозначался буквой *j* (*jamás, consejo*), а также буквой *g*(*eli*) (*gentil, mugier*) и буквой *i* (*conseio*) в интервокальной позиции. Со временем фонема /ž/ перешла в /χ/ (как и фонема /f/). Этот процесс завершился в период с 1450 по 1620 гг., но на письме звук /χ/ обозначался буквой *x* до реформы 1815 г. После реформы велярный фрикативный глухой звук /χ/ стал обозначаться буквами *j* перед любым гласным (*lejos, caja, queja, dejar*) и *g* перед гласными *eli*, когда этого требовала этимология слова (*gente, género, tragedia*) [Menéndez Pidal 1902: 25; Lapesa 1981: 204–206, 421–424, 637–638].

Фонема /tʃ/. Палатальная глухая аффриката /tʃ/ сохранилась до наших дней. На письме обозначалась сочетанием *ch*, заимствованным из французского в XI в. [Lapesa 1981: 610].

2. На юге на первом этапе произошла фрикативизация альвеолярных аффрикат, а на втором — слияние получившихся зубных фрикативных фонем с апиико-альвеолярными. Такая система сохранилась в португальском и в сефардском¹⁷ [Lapesa 1983: 527–528]. В Андалусии на третьем этапе произошло упрощение системы сибилантов за счет совпадения глухих и звонких согласных с последующим переходом /f/ > /χ/ под влиянием кастильского, после чего возникли варианты произношения *seseo* и *ceceo*¹⁸. В *seseo* произошла десибилантизация зубного /s̺/, перешедшего в /θ/ (см. *Таблицу 6*) [Коряков 2008: 9–10].

Если обобщить эти этапы развития двух вариантов в одной таблице, получится схема (см. *Таблицу 7*).

¹⁷ О дальнейшем развитии сибилантов в сефардском см. [Lleal 1992: 34].

¹⁸ *Seseo* (исп. от глаг. *sesear*) — произношение звука [θ] (на письме *z* и *c* (*eli*)) как варианта фонемы [s] (на письме *s*) [DLE: *seseo, sesear*]. *Ceceo* (исп. от глаг. *cecear*) — произношение звука [s] (на письме *s*) как варианта фонемы [θ] (на письме *z* и *c* (*eli*)) [DLE: *ceceo, cecear*].

Таблица 6. «Южный» вариант развития системы сибилантов

Table 6. “Southern” version of the development of the sibilant system

Звук	Буква	Пример	Звук			Пример
			XV в.			н. в.
XIV в. Исп.			Анд. (фрикативизация), слияние	Порт.	Сефардский	Исп.
/s/	s-, -ss-	<i>passar;</i> <i>señor;</i> <i>pensar</i>	> /s̄/		/s/	<i>pasar; señor;</i> <i>pensar;</i> <i>cerca, brazo</i>
/ts̄/	ç, c(e/i)	<i>cerca,</i> <i>çerca,</i> <i>braço</i>				
/z/	-s-	<i>rosa</i>	> /z̄/		/z/	<i>rosa;</i> <i>hacer;</i> <i>racimo</i>
/d̄z/	z	<i>fazer;</i> <i>razimo</i>				
/ʃ/	x	<i>dixo,</i> <i>Quixote</i>	/ʃ/			<i>dijo, Quijote</i>
/z/	j, g(e/i), i	<i>jamás,</i> <i>consejo,</i> <i>conseio,</i> <i>gentil,</i> <i>mugier</i>	/z/		/z/, /d̄z/	<i>jamás,</i> <i>consejo,</i> <i>gentil, mujer</i>

Как отмечает Д. Б. Бунис, до и после 1492 г. в испанском языке в еврейской графике сибиланты обозначались по-разному. Орфография до 1492 г. дается по [Bunis 2015: 87], после 1492 г. — по [Biblia de Constantinopla 1873], которая считается первой Библией не на ладино, а на джудезмо, т. е. на разговорном языке сефардов Османской империи [Sephîha 1975: 121]. Португальская орфография представлена по [Ms. Laud Or. 282] (Bodleian Library, Oxford) (см. Таблицу 8).

Таблица 7. Сводная таблица развития системы сибилантов

Table 7. Summary table of the development of the sibilant system

Север			Юг			
Исп.			Иберо-ром. XIV	Анд.	Порт.	Сеф.
XVII (расподобление)	XVI (оглуш.)	XV (фрик.)		XV — н.в. (фрик. > слияние)		
/s/ <	/s/ <	/s/ =	/s/	>/s̄/	>/s/	
		/z/ =	/z/	>/z̄/	>/z/	
/θ/ <	/s̄/ <	/s̄/ =	/ts̄/	>/s̄/	>/s/	
		/z̄/ =	/dz̄/	>/z̄/	>/z/	
/x/ <	/ʃ/ <		/ʃ/	>/ʃ/		
			/z/	>/z/	>/z/, /dʒ/	
		/tʃ/ =	/tʃ/	= /tʃ/		
			ch			

Таблица 8. Обозначение сибилантов в испанском и португальском языках в еврейской графике

Table 8. The designation of sibilants in Spanish and Portuguese in the Jewish script

Звук	Лат. буква	Евр. граф. (до 1492 г.)	Звук	Евр. граф. (после 1492 г.)	
				Исп.	Порт.
XV в.			с XVI в.		
/s/	s-, -ss-	син (ס) <ś>	>/ts̄/	самех (ס) <s>	син (ס) <ś>
/ts̄/	ç, c(e/i)	самех (ס) <s>			самех (ס) <s>
/z/	-s-	шин (ש) <š>	>/s/	заин (ז) <z>	син (ס) <ś>
/dz̄/	z	заин (ז) <z>			заин (ז) <z>

Звук	Лат. буква	Евр. граф. (до 1492 г.)	Звук	Евр. граф. (после 1492 г.)	
				Исп.	Порг.
XV в.			с XVI в.		
/ʃ/	x	шин (שׁ) <š>	/ʃ/	шин (שׁ) <š>	син (שׁ) <ś>
/z/	j, g(e/i), i	гимель + рафе (ג) <g>	/z/	заин + рафе (ז) <z>	гимель + рафе (ג) <g>
ch	/tʃ/		= /tʃ/	гимель + рафе (ג) <g>	

В поздних печатных и рукописных текстах еврейские буквы использовались следующим образом¹⁹ (см. *Таблицу 9*).

Таблица 9. Обозначение сибилантов в еврейской графике в поздних печатных текстах сефардов

Table 9. The designation of sibilants in the Jewish script in late printed Sephardic texts

Лат. графика	В евр. графике	Транслит.	Транскрип.	Совр. исп.	Источник
s, -ss- /s/	<i>самех</i> (ס) <s>				
	סיילוס	<syylws>	sielos	cielos	(B 1:1)
	לישוס	<lyšws>	lexos	lejos	(F 83 ^a :17)
ç, c(e/i) /tʃ/	<i>самех</i> (ס) <s>				
	סיילוס	<syylws>	sielos	cielos	(B 1:1)
	אנסיאנו	<'nsy'nw>	ansiano	anciano	(F 83 ^a :7)
	פרסיו	<p'rysyw>	paresió	pareció	(F 83 ^a :19)
	אלבירסיас	<'lbyrsy's>	albirsius	albricias	(F 83 ^a :21)
	<i>заин</i> (ז) <z>				
	דונזילה	<dwnzylyh>	donzella	doncella	(F 83 ^a :6)

¹⁹ В источниках литерой *B* обозначаются примеры из [Biblia de Constantinopla 1873] г. Литерой *F* обозначатся примеры из рукописи Ms. Евр. I 308 (до 1732 г.) (РНБ, СПб., Фонд А. С. Фирковича).

Лат. графика	В евр. графике	Транслит.	Транскрип.	Совр. исп.	Источник
-s- /z/	<i>זאין</i> (f) <z>				
	חִרְמוּזָה	<'yrmwzh>	ermoza	hermosa	(B 24:16)
	פֹּמוּזוֹ	<ṗwmwzw>	fomozo (sic)	famoso	(F 83 ^a :1)
	אֲפּוּזִינְטוֹ	<'pwzyntw>	apozento	aposento	(F 83 ^a :3)
	מִיזָה	<myzh>	meza	mesa	(F 83 ^a :10)
	<i>סאמex</i> (ḏ) <s>				
	פִּישָׁה	<pysh>	piesa	pieza	(F 83 ^a :4)
z /ḏz/	<i>זאין</i> (f) <z>				
	חִיזוֹ	<'yzw>	izo	hizo	(B 1:7)
	לוֹז	<lwz>	luz	luz	(B 1:3)
	חֲבִיזָה	<b'zy'h>	vazía	vacía	(B 1:2)
	חִיזִי	<'zy>	aze	hace	(B 1:12)
	פּחֲזִיזוֹס	<pl'zws>	plazos	plazos	(B 1:15)
	חִיזוֹ	<'yzw>	izo	hizo	(F 83 ^a :8)
	<i>זאין +ραφε</i> (f) <ž>				
	קִיזוֹ	<qyžw>	quijo	quiso	(F 83 ^a :3)
x /ʃ/	<i>זאין</i> (š) <š>				
	דִּבְחָשׁוֹ	<dyb'šw>	debaxo	debajo	(B 1:9)
	דִּישׁוֹ	<dyšw>	dixo	dijo	(B 1:4)
	בִּנְדִישׁוֹ	<bndyšw>	bendixo	bendijo	(B 1:22)
	אֲבַחְשָׁרוֹן	<'b'š'rwn>	abaxaron	abajaron	(F 83 ^a :11)
	לֵישׁוֹס	<lyšws>	lexos	lejos	(F 83 ^a :17)
	דִּבְחָשׁוֹ	<dyb'šw>	debaxo	debajo	(F 83 ^a :17)
	דִּישׁוֹ	<dyšw>	dixo	dijo	(F 83 ^a :19)

Лат. графика	В евр. графике	Транслит.	Транскрип.	Совр. исп.	Источник
	<i>зани +рафе (י) <ḥ></i>				
j, g(e/i) /z/	סימ'אנסה	<symyḥ'nsh>	semejansa	semejansa	(B 1:26)
	גז'ונטוס	<gz'wnṭws>	juntos	juntos	(F 83 ^a :10)
	ח'יה	<'yḥh>	ija	hija	(F 83 ^a :14)
	<i>зимель +рафе (נ) <g></i>				
ch /tʃ/	נו'י	<nwḡy>	noche	noche	(B 1:5)
	מו'נגו	<mwngw>	muncho	mucho	(F 83 ^a :20)

Как видно из примеров, орфография и печатных и рукописных текстов в еврейской графике периода XVIII–XIX вв. показывает стабильное обозначение сибилантов в сефардском в указанный период после изгнания. Незначительные расхождения в рукописном тексте можно отнести на счет особенности произношения в местной общине или автора данной рукописи.

Фонемы, обозначающие сибиланты, по-разному отражались в еврейской и арабской графике (см. *Таблицу 10*).

В арабской графике звуки, передаваемые латинской *ç* (*ce/i*), обозначались арабской *cīn* (س) <s>, а звуки, передаваемые латинскими *s*, *x*, а также *-ss-*, — арабской *shīn* (ش) <š>²⁰. Это явление Р. Менендес Пидаль объясняет феноменом *seseo*, распространенным среди испанских мусульман [Menéndez Pidal 1902: 26–29]. Орфографию таких слов можно сравнить в следующих примерах²¹ (см. *Таблицу 11*).

²⁰ Подробнее об особенностях представления «четырёх средневековых фонем испанского языка» (Р. Лапеса) в арабской графике см. [Тихонова 2022b].

²¹ Примеры, не отмеченные особо, взяты у [Bunis 2015: 87]. Литерой *B* отмечены примеры из *Biblia de Constantinopla* (1873 г.), а *Y* — примеры из «Поэмы о Йусуфе» [Menéndez Pidal 1902].

Таблица 10. Обозначение сибилантов в испанском языке в арабской и еврейской графике

Table 10. The designation of sibilants in Spanish in Arabic and Hebrew scripts

Север				Иберо-ром.	Юг	
XV–XVI	XVII	XVI	XV	XIV	XV	
Исп.				Звук/ лат. Буква	Анд. XV	Сеф. XV — н. в.
Араб. граф.	Расподоб-ление	(фрик.<) оглуш.<	(>фрик.>) слияние		Евр. граф.	
шїн (ش) <š>	/s̄/<	/s/<	/s/ s, -ss-	>/ts̄/ >/s/	>/s/ >/z/	самех (ס) <s>
			/z/ -s-			заин (ז) <z>
сїн (ס) <s>	/θ/<	/s̄/</ts̄/<	/ts̄/ ç, c(e/i)	>/s/	>/z/	самех (ס) <s>
зай (ז) <z>			/d̄z/ z			заин (ז) <z>
шїн (ش) <š>	/χ/<	/ʃ/<	/ʃ/ x	>/ʃ/		шин (ש) <š>
джїм (ج) <ġ>			/ʒ/ j, g(e/i)	>/ʒ/	>/ʒ/, /dʒ/	заин + рафе (ר) <z>
джїм +таидид (ج) <ġġ>	/tʃ/=		/tʃ/ ch	= /tʃ/		гимель + рафе (ך) <ġ>

Таблица 11. Обозначение сибилантов в испанском языке в арабской и еврейской графиках

Table 11. The designation of sibilants in Spanish in Arabic and Hebrew scripts

Араб./евр. буква	В араб./ евр. граф.	Транслит.	Транскрип.	Совр. исп.	Источник
s, -ss- /s/					
шйн (ش) <š>	لُشْ	<l ^u š ^o >	lox	Los	(Bunis)
самех (ס) <s>	לוס	<lus>	lox	Los	(Bunis)
ç, c(e/i) /ts/					
сйн (س) <s>	كُنْسُكْ	<k ^u n ^u s ^o ku>	konosko	conozco	(Bunis)
самех (ס) <s>	קונוסקאן	<qwnwsq'n>	konoskan	conozcan	(Bunis)
z /dz/					
зай (ز) <z>	هَزَانْ	<h ^a z ^a n ^o >	hazen	hacen	(Bunis)
заин (ז) <z>	פֶּזֵר	<p ^o z ^o r>	fazer	hacer	(Bunis)
x /j/					
шйн (ش) <š> ²²	دَاشْمُشْ	<d ^a š ^a m ^u š ^o >	dexemox	dejemos	(Bunis)
шин (שׁ) <š>	דֵּיֶשֶׁר	<dyš'r>	dexar	Dejar	(Bunis)
j, g(e/i) /ʒ/					
джйм (ج) <ğ>	مَاجْرِي	<m ^a ğ ^u r ^y ^a >	mejoria	mejoría	(Y 5:3)
заин +рафе (י) <ž>	סִימֵיזְנֶשׂ	<symyž'nsh>	semejansa	semejanza	(B 1:26)

²² Редко испанский звук [š] (буква x) в арабской графике встречается шйн +ташдио (ش) <šš> <da'šša'muš^o> *dexxemox* (исп. *dejemos*).

Араб. / евр. буква	В араб. / евр. граф.	Транслит.	Транскрип.	Совр. исп.	Источник
ch /tʃ/					
джѣм +ташдиѡ (ç) <ğğ>	چ	<f ^h ğğ ^h >	fecho	hecho	(Y 9:1)
гимель +рафе (ā) <g>	ג	<nwḡy>	noche	noche	(B 1:5)

Однако в рукописях встречаются и другие варианты²³ (Таб. 9).

4. Выводы

1. В печатных текстах на испанском языке в еврейской графике наблюдается большая стабильность в выборе букв еврейского алфавита для передачи сибилантов испанского (сефардского) языка, чем в рукописях, что является общим различием между печатными и рукописными текстами.

2. Орфография в еврейской графике показывает «южный» вариант развития испанских сибилантов с XV в. В частности, это отражается в обозначении звонких и глухих фрикативных фонем с помощью *самех* (ס) <s> и *заин* (ז) <z>, что свидетельствует о процессе фрикативизации аффрикат /ts/ (на письме ç, c(e/i)) и /dʒ/ (на письме z) и их последующем слиянии с фрикативными /s/ (на письме s, ss) и /z/ (на письме -s- в интервокальной позиции), что характерно для «южного» варианта.

²³ Примеры взяты из рукописи Ms. Евр. I 308 (1-я пол. XVII в.) (РНБ, СПб.).

Список условных сокращений

араб. — арабский; араб.-исп. — арабо-испанский; в. — век; вв. — века; исп. — испанский; lat. cl. — классическая латынь; lat. vg. 1 — вульгарная латынь (1 период); lat. vg. 2 — вульгарная латынь (2 период); lat. vg. 3 — вульгарная латынь (3 период); esp. med. — средневековый испанский (X–XV вв.).

Литература

- Тихонова 2022a — О. В. Тихонова. Романизмы в структуре мувашшаха и заджаля // *Stephanos*. 2022. № 3 (53). С. 38–49.
- Тихонова 2022b — О. В. Тихонова. «Четыре средневековые фонемы» испанского языка в арабской графике // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 1. С. 186–195.
- Якерсон 2015 — С. М. Якерсон. Оцар Сефарад — Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции. СПб.: СПбГУ, 2015.
- Alarcos Llorach 1965 — E. Alarcos Llorach. *Fonología española*. 4ª ed. Madrid: Gredos, 1965.
- Alonso 1955 — A. Alonso. *De la pronunciación medieval a la moderna en español*. Vol. 1. 2 ed. Madrid: Gredos, 1955.
- Bunis 2015 — D. M. Bunis. *Jewish and Arab Medieval Ibero-Romance: Towards a Comparative Study* // J. A. R. Silva Tavim (ed.). *Jewish in the Iberian Peninsula and Beyond: Language and Aljamia*. Cambridge: Cambridge Scholar Pub., 2015. P. 64–148.
- Bunis 2016 — D. M. Bunis. *Judezmo (Ladino)* // L. Kahn, A. D. Rubin (eds.). *Handbook of Jewish Languages*. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 366–451.
- Czöndör 2008 — K. Czöndör. *La escritura de la lengua judeo-española* // *Verbum Analecta Neolatina*. 2008. Vol. X. No. 1. P. 79–97.
- DLE — *Diccionario de la Lengua Española*. Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 4.12.2021).
- Ferré — P. R. Ferré. *De aljamías y otras flores del bustán ('jardín') sefardí* [Электронный ресурс]. URL: <https://tirocinio.com/de-aljamias-y-otras-flores-del-bustan-jardin-sefardi/> (дата обращения: 4.12.2021).
- Hassán 2008 — I. M. Hassán. *Sistemas gráficos del español sefardí* // I. M. Hassán, R. I. Benito (eds.). *Sefardíes: Literatura y lengua de una nación dispersa, XV Curso de Cultura Hispanojudía y Sefardí de la Universidad de Castilla-La Mancha*. Cuenca: la Universidad de Castilla-La Mancha, 2008. P. 119–136.

- Hassán 1994 — I. M. Hassán. Introducción a la Biblia de Ferrara. Madrid: CSIC, 1994.
- Lleal 1992 — C. Lleal. El judezmo: el dialecto sefardí y su historia. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1992.
- Markova 2009 — A. Markova. Un fragmento manuscrito de una novela de caballerías en judeoespañol // *Sefarad* (Sef). 2009. Vol. 69. № 1, enero-junio. P. 159–172.
- Martín Baños 2006 — P. Martín Baños. El enigma de las jarchas // *Per Abbat*: boletín filológico de actualización académica y didáctica. 2006. № 1. P. 9–34.
- Pascual Recuero 1988 — P. Pascual Recuero. Ortografía del Ladino. Granada: Universidad de Granada, 1988.
- Penny 2006 — R. Penny. Gramática histórica del español. 2ªed. act. Barcelona: Ariel, 2006.
- Pueyo Mena 2014 — F. J. Pueyo Mena. El corpus bíblico del español sefardí: De la planificación a la edición crítica // *eHumanista: Journal of Iberian Studies*. 2014. № 28. P. 172–204.
- Quintana 2015 — A. Quintana. Judeoespañol // M. Iliescu, E. Roegiest (eds.). *Manuel des anthologies, corpus et textes romans*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. P. 205–219.
- Recuero 1988 — P. Recuero. Ortografía del Ladino. Granada: Universidad de Granada, 1988.
- Sephiha 1975 — H. V. Sephiha. Ladino (judéo-espagnol calque) et commentateurs // *Revue de l'histoire des religions*. 1975. Vol. 188. № 2. P. 117–128.

Источники

- Biblia de Constantinopla (1873). *Sefer Torah Nebi'im u ketubim*: El libro [de la ley], [los] profetas y [los] escritos tresladados en la lingua... (1873): Constantinopla: S.n., 1873. Available at: https://bvpb.mcu.es/es/consulta/resultados_ocr.do?id=32887&tipoResultados=BIB&posicion=2&forma=ficha; https://bvpb.mcu.es/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=174943 (дата обращения: 4.12.2021) (in Spanish Hebrew script, in Hebrew).
- Biblia de Ferrara (1553). Ladino translation of the Hebrew Bible by Duarte Pinhel (Abraham ben Salomon Usque) and Alvaro de Vargas (Yom-Tob ben Levi Athias), under the patronage of Ercole II d'Este, Duke of Ferrara. Ferrara, 1553.
- Biblia de Viena (1816). *Sefer 'arba'ah we-'Esrin Heleq rebi'i : Ketubim / Yisrael Becor Hayyim*. Fabricación: Georg Holzinger. Wien, 1816. Available at: <https://bvpb.mcu.es/es/consulta/registro.do?control=BVPB20110262839#infoejemplares> (дата обращения: 4.12.2021) (in Spanish Hebrew script).

- Hagada de Pesah (2001). “Or Zarúah”. Antigua Hagada de Pesaj con traducción al Ladino. Incluye costumbres y leyes según la tradición de los Judeo-Español. Jerusalén: Casa de Melilla, 2001.
- Ms. Laud Or. 282 (Bodleian Library, Oxford). <Электронный ресурс>. URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/b5f91d37-f634-4a4d-ab70-a460e9153e8d/surfaces/f7abdfbd-b5fd-443c-96f4-8198791b6ecc/> (дата обращения: 4.12.2021).
- Ms. Евр. II А 161-6а. Из стихотворения на испанском языке в честь Иосифа (РНБ, СПб., Собрание А. С. Фирковича).
- Ms. Евр. I 308. Историческое соч. на яз. ладино (XVII в.) (РНБ, СПб., Собрание А. С. Фирковича).

References

- Alarcos Llorach 1965 — E. Alarcos Llorach. *Fonología española*. 4^a ed. Madrid: Gredos, 1965.
- Alonso 1955 — A. Alonso. *De la pronunciación medieval a la moderna en español*. Vol. 1. 2 ed. Madrid: Gredos, 1955.
- Bunis 2015 — D. M. Bunis. Jewish and Arab Medieval Ibero-Romance: Towards a Comparative Study. J. A. R. Silva Tavim (ed.). *Jewish in the Iberian Peninsula and Beyond: Language and Aljama*. Cambridge: Cambridge Scholar Pub., 2015. P. 64–148.
- Czöndör 2008 — K. Czöndör. La escritura de la lengua judeo-española. *Verbum Analecta Neolatina*. 2008. Vol. X. No. 1. P. 79–97.
- DLE — *Diccionario de la Lengua Española*. Available at: <https://dle.rae.es/> (accessed on 4.12.2021)
- Ferré — P. R. Ferré. *De aljámias y otras flores del bustán ('jardín') sefardí*. Available at: <https://tirocinio.com/de-aljamas-y-otras-flores-del-bustan-jardin-sefardi/> (accessed on 4.12.2021).
- Hassán 1994 — I. M. Hassán. *Introducción a la Biblia de Ferrara*. Madrid: CSIC, 1994.
- Hassán 2008 — I. M. Hassán. Sistemas gráficos del español sefardí. I. M. Hassán, R. I. Benito (eds.). *Sefardíes: Literatura y lengua de una nación dispersa, XV Curso de Cultura Hispanojudía y Sefardí de la Universidad de Castilla-La Mancha*. Cuenca: la Universidad de Castilla-La Mancha, 2008. P. 119–136.
- Iakerson 2015 — S. Iakerson. *Ozar Sepharad: Sefardskaya sokrovishhnietsa. Sefardskaya kniga X–XV vv. Ot rukopisnoy k pechatnoy traditsii* [Ozar Sepharad: Sephardic treasury. Sephardic Books from the Tenth to the Fifteenth Century. From Manuscripts to Printed Books]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2015.

- Lleal 1992 — C. Lleal. *El judezmo: el dialecto sefardí y su historia*. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1992.
- Markova 2009 — A. Markova. Un fragmento manuscrito de una novela de caballerías en judeoespañol. *Sefarad (Sef)*. 2009. Vol. 69. № 1, enero-junio. P. 159–172.
- Martín Baños 2006 — P. Martín Baños. El enigma de las jarchas. *Per Abbat: boletín filológico de actualización académica y didáctica*. 2006. № 1. P. 9–34.
- Pascual Recuero 1988 — P. Pascual Recuero. *Ortografía del Ladino*. Granada: Universidad de Granada, 1988.
- Pueyo Mena 2014 — F. J. Pueyo Mena. El corpus bíblico del español sefardí: De la planificación a la edición crítica. *eHumanista: Journal of Iberian Studies*. 2014. № 28. P. 172–204.
- Quintana 2015 — A. Quintana. Judeoespañol. M. Iliescu, E. Roegiest (eds.). *Manuel des anthologies, corpus et textes romans*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. P. 205–219.
- Penny 2006 — R. Penny. *Gramática histórica del español*. 2ª ed. act. Barcelona: Ariel, 2006.
- Recuero 1988 — P. Recuero. *Ortografía del Ladino*. Granada: Universidad de Granada, 1988.
- Sephiha 1975 — H. V. Sephiha. Ladino (judéo-espagnol calque) et commentateurs. *Revue de l'histoire des religions*. 1975. Vol. 188. № 2. P. 117–128.
- Tikhonova 2022a — O. Tikhonova. Romanceisms in the structure of Muwashshah and Zajal [Romanceisms in the structure of Muwashshah and Zajal]. *Stephanos*. 2022. № 3 (53). P. 38–49.
- Tikhonova 2022b — O. Tikhonova. “Chetyre srednevekoveye fonemy” ispanского yazyka v arabskoy grafike [“Four medieval phonemes” of Spanish in the Arabic script]. *Prepodavatel XXI vek*. 2022. № 1. P. 186–195.

Социолингвистическая ситуация в селе Урмия

И. В. Саркисов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург);
vanya.sarkisov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию социолингвистической ситуации в селе Урмия — единственном населенном пункте России, где большинство жителей составляют ассирийцы. Приводимые данные были собраны во время двух экспедиций в Урмию в 2019 и 2021 годах. В ходе исследования было установлено, что в Урмии проживает несколько диалектных групп ассирийцев (урмийцы, так называемые шапытная, нудызная и лёвыная), большинство из которых составляют урмийцы, подразделяющиеся на потомков первопоселенцев и переселенцев из Армении и Грузии 90-х годов XX века, при этом все новоарамейские диалекты в Урмии функционируют как бесписьменные.

Ключевые слова: ассирийцы, новоарамейские языки, Урмия, социолингвистика.

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

The sociolinguistic landscape in the village of Urmia

Ivan V. Sarkisov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); vanya.sarkisov@gmail.com

Abstract. The article describes the sociolinguistic landscape in the village of Urmia (Krasnodar Krai, Russia). Urmia is the only settlement in Russia with the majority of the population represented by ethnic Assyrians (Christian speakers of Neo-Aramaic dialects). The sociolinguistic diversity among the Assyrians displays a wealth of various dialects, multilingualism and diglossia (the use of the so-called Classical Syriac as a language of religion, literature and culture) and makes the village a fascinating venue for linguistic studies. Unfortunately, until recently, researchers have failed to address the sociolinguistic problems of Neo-Aramaic languages in Russia. The present study is based on materials collected during two field trips to Urmia in 2019 and 2021. Our findings show Urmia to be a home for four ethno-dialect groups of Assyrians: Urmi (67%), the so-called Shapətnaya (20.7%), Nudəznaya (8.5%) and Lewənyaya (1.2%). The group of Urmi-speaking Assyrians can be further subdivided into i) descendants of the Assyrians who arrived to Urmia around the time of its foundation in 1924, and ii) migrants from Armenia and Georgia who moved to the village in the 1990s. Among the Shapətnaya and Nudəznaya (ethno-dialect groups originating from the Hakkari mountain region in modern Turkey who moved to Russia following the genocide against Assyrians in the Ottoman Empire), there is a group originating from the town of Khanlar in the Azerbaijan SSR whose ancestors used to share residence with the local German diaspora to be later forcedly relocated to Siberia by the Soviet government. The majority of the Neo-Aramaic speakers are older than 30. We could find only six speakers born after 2000 who, however, do not even distinguish between the different Neo-Aramaic dialects and only refer to their idiom as *lišana sureta* ('Assyrian languages'). None of the interviewed speakers understands the Classical Syriac language and only very few of them know the Syriac alphabet which is never practically used in Urmia. At the same time, Urmia residents sometimes resort to the Russian script for writing in Neo-Aramaic dialects.

Keywords: Assyrians, Neo-Aramaic languages, Urmia, sociolinguistics.

Acknowledgments. This study has been done as a part of the project supported by Russian foundation for basic research "Documentation of Northeastern Neo-Aramaic dialects of Russia" (grant № 20-012-00312).

1. Введение

Настоящая работа посвящена описанию социолингвистической ситуации в селе Урмия Курганинского района Краснодарского

края, а также распределению и особенностям бытования в нем новоарамейских идиомов. Село Урмия примечательно как единственный населенный пункт на территории Российской Федерации, где большинство населения составляют этнические ассирийцы, то есть народ, говорящий на северо-восточных новоарамейских языках.

Социолингвистические аспекты бытования северо-восточных новоарамейских языков представляют огромный интерес для науки, поскольку всегда отличались сложностью и разнообразием и были тесно переплетены с особенностями истории, культуры и религиозной жизни ассирийцев и Ближнего Востока в целом. Это определяется прежде всего тем, что исторически многие ассирийцы владели несколькими новоарамейскими диалектами, географическое распределение которых иногда менялось неожиданным образом в результате миграций, а также рядом языков соседних народов.

Между тем данные вопросы изучены явно недостаточно, а какие-либо работы, специально посвященные социолингвистической ситуации среди ассирийцев России, нам неизвестны. В этих условиях настоящее исследование ставит перед собой задачу сделать первый шаг в изучении этой проблемы применительно к селу Урмия — единственному населенному пункту в России, где ассирийцы составляют большинство населения, что делает его наиболее важным местом для арамеистических исследований на территории страны.

2. Новоарамейские языки и ассирийцы

Ассирийцами принято называть тех из носителей северо-восточных новоарамейских языков, которые исторически принадлежат к обособившейся в 431 году в результате Третьего Вселенского собора Ассирийской церкви Востока [Talay 2008: 5] и ее ответвлениям (например, Халдейской католической церкви) [Baum, Winkler 2003: 21–25]. Иногда термин ассирийцы может применяться шире

и распространяться на всех арамеоязычных христиан, включая и народ туройо, принадлежащий к Сиро-яковитской церкви¹.

Новоарамейскими языками называют арамейские языки, возникшие после арабского завоевания, произошедшего в VII веке, в исторической перспективе они противопоставляются старо- и среднеарамейским [Лёзов 2009а: 453]. Они представляют собой особую общность в центральносемитском кластере западной ветви семитских языков, которые, в свою очередь, относятся к афразийской языковой семье. Арамейские языки (как старо- и средне-, так и новоарамейские) делятся на западные и восточные. В восточноарамейской ветви из живых языков выделяются четко обособленные туройо, млахсо (близок к туройо и объединяется с ним в центральную ветвь) и новомандейский, а также северо-восточные новоарамейские языки, представляющие собой обширный кластер разнообразных идиомов со сложной внутренней классификацией, степень расхождения между которыми варьируется от разницы лишь в названии до невозможности взаимопонимания между носителями [Лявданский 2009: 663]. На северо-восточных новоарамейских языках исторически говорили христиане Ассирийской церкви Востока и ее ответвлений, которых, как уже было сказано, называют ассирийцами, а также евреи. Названия данных идиомов обычно происходят от региона или населенного пункта, где они употреблялись, причем христиане-ассирийцы и евреи, проживавшие в одной местности, обычно говорили на разных наречиях. По этой причине ряд северо-восточных новоарамейских языков и диалектов имеет двойное название, отражающее религию и историческое место проживания их носителей (например, христианский урмийский или еврейский урмийский). К числу христианских (а в настоящей работе речь пойдет только о них) северо-восточных

¹ Догматические расхождения между диафизитскими церквями (католической и православными), миафизитскими (в том числе Сиро-Яковитской) и Ассирийской церковью Востока, которая часто именуется несторианской, хотя сама не признаёт корректности этого термина, заключаются в различии взглядов на сочетание во Христе божественной и человеческой природы, что имеет для христианского богословия принципиально важное значение.

новоарамейских идиомов относятся, в частности, христианский урмийский (урмиджная²) и сложившаяся на его основе литературная норма, часто называемая современным ассирийским или просто ассирийским языком (не следует путать с ныне мертвым языком древних ассирийцев, относившимся к восточноеврейским языкам), барвар, тхума, мар-бишу (шапытная), джилу (джильве), тал, тель-кепе, ботан (ботэ), ванский и близкий или идентичный ему нудызная, а также многие другие [Лявданский 2009: 668].

Исторической родиной ассирийцев является обширная территория на Ближнем Востоке, в настоящее время входящая в состав Турции, Ирака (в первую очередь Иракского Курдистана), Ирана и Сирии, где они жили смешанно с курдами, армянами и предками современных азербайджанцев. В результате миграций, имевших место в XIX веке (в том числе вследствие Русско-персидских войн), образовались ассирийские диаспоры в Закавказье, на территории нынешних Армении и Грузии. Они стали отправной точкой дальнейших миграций ассирийцев по Российской империи — на юг России (в том числе на Кубань, где в 1924 году и было основано село Урмия) и территорию современного Азербайджана. В результате же геноцида ассирийцев, организованного в 1915 году властями Османской империи наряду с геноцидом армян и греков, большая часть народа была вынуждена покинуть свои земли и расселиться в странах Европы (в том числе в России), Америки и Австралии [Лявданский 2009: 664]. В настоящее время количество говорящих на новоарамейских языках, из которых большинство составляют ассирийцы, по разным оценкам насчитывает от 600 тысяч до полутора миллионов (или более) человек. Ассирийцы проживают в странах Ближнего Востока — Сирии, Ираке, Иране, Турции, а также в США, Швеции, Германии,

² Используемые здесь ассирийские названия идиомов с окончанием на *-ная* в новоарамейских языках представляют собой формы прилагательных единственного числа мужского рода. Чаще всего они применяются для обозначения представителя соответствующей этно-диалектной группы мужского пола, но могут использоваться и для названия самого диалекта, так как новоарамейское слово *lifana* — ‘язык’ относится к мужскому роду.

Нидерландах, Канаде, Австралии и странах постсоветского пространства — Армении, Грузии, Украине и России [Лявданский 2009: 663]. В России единственным населенным пунктом, в котором ассирийцы составляют большинство населения, является село Урмия в Курганинском районе Краснодарского края. Также значительное число ассирийцев проживает в самом Краснодаре и других городах и станицах региона — например, в Крымске и соседней с Урмией Новоалексеевской. Помимо этого, ассирийские диаспоры есть в Ставропольском крае (например, в селе Шишкино), Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Ростове-на-Дону и многих других городах. В Москве и Краснодаре имеются храмы Ассирийской церкви Востока.

Социолингвистическая ситуация среди ассирийцев всегда была непростой и многогранной, что изначально было обусловлено пестротой этнографической картины на их исконной родине и культурными особенностями, а позднее сложностью путей миграции. Во-первых, очень часто ассирийцы владели несколькими новоярамейскими идиомами по причине тесного общения между разными диалектными группами и обилия смешанных браков между ними. Помимо этого, языком богослужения Ассирийской церкви Востока, а до конца XIX века и основным письменным языком, а порой и лингва-франка для взаимонепонимаемых идиомов в среде ассирийцев был так называемый классический сирийский язык (один из среднеарамейских языков, также относящийся к восточной ветви арамейской общности), что создавало среди них состояние диглоссии [Лёзов 2009b: 562–565] и в то же время делало грамотность довольно элитарным знанием, доступным в первую очередь представителям духовенства. Во-вторых, ассирийцы, на протяжении практически всей своей истории проживавшие в окружении других народов, практически всегда были многоязычны и хорошо владели языками соседних этносов. На исконной территории это были курдский, армянский, иногда турецкий, в Иране — азербайджанский и персидский языки, а на территории нынешнего Ирака — часто арабский. Оказавшись в эмиграции, ассирийцы выучивали языки своих новых соседей, причем как государствообразующих (применительно к постсоветскому пространству, например, русских или

армян), так порой и малых народов (например, ассирийцы, проживавшие в районе города Ханлар Азербайджанской ССР, владели немецким языком, так как тесно контактировали с диаспорой местных немцев-колонистов). Сложные, нелинейные пути миграции, различные исторические и социальные факторы (например, практически полная потеря связей между ассирийцами Советского Союза и ассирийскими диаспорами других стран и постепенное их восстановление после распада СССР) обусловили интересные, порой неожиданные и сильно различающиеся между собой социолингвистические картины среди групп ассирийского народа, оказавшихся в различных странах и регионах.

Следует отметить, что социолингвистическая ситуация среди ассирийцев и социолингвистические вопросы, связанные с бытованием новоарамейских языков, изучены мало. Большая часть информации на этот счет содержится в соответствующих разделах грамматик различных новоарамейских идиомов, а специализированные исследования единичны. Социолингвистическая картина в ассирийских диаспорах на постсоветском пространстве изучена плохо, а ситуация в российской диаспоре никогда ранее не становилась предметом научных изысканий. В этих условиях ее изучение представляется весьма актуальной и важной задачей, особенно с учетом плохой сохранности новоарамейских идиомов на территории нашей страны. Село же Урмия, как уже отмечалось, является единственным в России населенным пунктом с преобладанием ассирийского населения и своеобразной «ассирийской столицей» России. Поэтому, разумеется, описание социолингвистической ситуации среди российских ассирийцев логичнее и информативнее начинать именно с Урмии.

3. Село Урмия и его ассирийское население

Село Урмия входит в Новоалексеевское сельское поселение Курганинского района Краснодарского края и располагается в 5 км от центра этого поселения — станицы Новоалексеевской — и примерно

в 30 км от районного центра города Курганинска. Урмия расположена посреди степи на небольшой речке Синюхе.

По доступным нам сведениям, Урмия была основана в 1924 году ассирийцами, переселившимися на Кубань из Эриванской губернии (территория нынешней Армении), в первую очередь беженцами из разоренного и уничтоженного курдами села Карханов (или Араздаян), которое также иногда именовалось Урмией. Туда ассирийцы в свою очередь попали из Ирана, из региона Урмия (так называются озеро, город и вся сопредельная территория) в Иранском Азербайджане, в честь которого Карханов и кубанская Урмия и получили свои названия. Вероятнее всего, данное переселение имело место после Русско-персидской войны 1826–1828 годов, однако Е. И. Гиваргизов утверждает, что Карханов был основан ассирийскими переселенцами после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов [Гиваргизов 2022]. Ассирийцы, основавшие кубанскую Урмию, являлись носителями христианского урмийского диалекта, исторически распространенного в Урмии в Иране и называющегося по этому региону [Khan 2016: 1–2].

К ассирийцам-урмийцам (урмиджная) из Эриванской губернии присоединились ассирийцы, бежавшие от геноцида из Османской империи, говорившие на других диалектах. Точные сведения о том, из какого населенного пункта (или, вернее, населенных пунктов) они происходили, отсутствуют. Однако очевидно, что их историческая родина находилась в горной области Хаккяри в современной Турции и что они принадлежат к горским ассирийцам. В настоящее время в Урмии их потомков и диалект таковых принято называть шапытная (о специфическом использовании в Урмии этого названия см. ниже). Урмийцы и выходцы из Хаккяри, получившие здесь название шапытная, составили основу изначального населения Урмии.

В советское время в Урмии обосновалось несколько семей ассирийцев (нудызная и шапытная), ранее живших в городе Ханлар Азербайджанской ССР, также имел место некоторый приток переселенцев из двух других республик Закавказья. А в последнее десятилетие XX века, после распада Советского Союза, в Урмию переселилось большое количество ассирийцев из Армении (преимущественно из сел Арзни и Верин Двин) и Грузии (преимущественно из городов

Тбилиси и Гардабани), подавляющее большинство которых являлось урмийцами и которые вместе со своими детьми и внуками составили около половины современного населения села. В результате этих миграций сложилась нынешняя демографическая и социолингвистическая картина, которая и стала предметом нашего исследования.

4. Методы исследования

Исследование проводилось на базе материалов, собранных в ходе двух экспедиций в Урмию в июле 2019 и в августе 2021 года. Данные собирались путем социолингвистического анкетирования с применением анкеты, уже использованной нами во время экспедиции к ассирийцам Грузии в феврале 2017 года [Саркисов 2018]. В анкете содержались вопросы о возрасте, месте рождения и местах длительного проживания информанта, его родном языке и диалекте, всех языках, которыми он владеет, и владении сирийским письмом. Также информантов просили ответить на аналогичные вопросы об их родителях и обоих дедушках и бабушках, если такое оказывалось возможным (к сожалению, ответить на последнюю часть анкеты полностью получалось редко). В ходе анкетирования мы старались охватить как можно больше людей обоих полов, различных возрастов и социальных категорий. Однако субъективные факторы (степень готовности информантов работать и ограниченность времени) наложили определенный отпечаток на процесс работы, и считать получившуюся выборку равномерно распределенной, к сожалению, не представляется возможным. Также нам удалось охватить менее одной шестой населения Урмии (95 человек из примерно 600), хотя в идеале нашей задачей было опросить если не всех, то по крайней мере большую часть ее жителей. Тем не менее, надеясь достичь этой цели в будущем, мы полагаем, что собранных анкет достаточно для того, чтобы сделать определенные выводы, верно характеризующие социолингвистическую ситуацию в селе.

За два года работы в Урмии было собрано в общей сложности 95 анкет. Среди проанкетированных лиц более или менее

постоянными жителями Урмии являются 86 человек, из них 4 — армяне, а оставшиеся 82 — ассирийцы. Степень владения языком не всегда представляется возможным определить объективно, так как тексты были записаны далеко не ото всех информантов, а ответы на вопросы не всегда дают возможность надежно судить о ней. Так, например, одна информантка назвала родным языком русский, но сказала, что в семье и с друзьями ассирийцами говорит на ассирийском и даже немного понимает классический сирийский, а другая назвала родным ассирийский, хотя элицитация по грамматическим анкетам показала, что она почти совершенно им не владеет. Однако, поскольку в данном случае основным предметом изучения была не степень сохранности языка, а количество людей, принадлежащих к той или иной диалектной группе, в качестве говорящих на диалекте мы учитывали всех, кто сам идентифицировал себя с ним, вне зависимости от того, насколько человек способен свободно изъясняться на своем языке.

Под «диалектом» понималось то, что сам информант указывал в качестве такового. С рядом информантов также проводились записи и разбор текстов и грамматическое анкетирование, позволяющие составить точное представление об их идиолекте и сравнить его с идиолектами других носителей. Однако в остальных случаях не представлялось возможным проверить степень соответствия самоидентификации информанта и реальных особенностей его идиолекта. Тем не менее у нас нет оснований подозревать здесь какие-либо разительные расхождения, за исключением того, что этноним шапытная используется в Урмии не в его традиционном значении.

5. Результаты исследования

5.1. Диалектное распределение

Диалектное распределение среди проанкетированных нами информантов представлено в *Таблице 1*.

В таблице фигурируют 4 диалекта: урмийский, шапытная, нудызная и лёвыная. Родиной урмийского диалекта, как уже отмечалось, является регион Урмия в Иране. Остальные три диалекта исторически были распространены на территории Османской империи: лёвыная в деревне Левун, или Левын [Ovsjannikova et al. 2022a: 5], нудызная, по свидетельству одного из носителей ванского диалекта, очень близкий или даже практически идентичный последнему — в местности Нудыз в Ванском вилайете к юго-востоку от озера Ван [Михайлов 2021: 329]. Что касается шапытная, то это название жителями Урмии применяется не к традиционно именуемому так диалекту мар-бишу (называется так по деревне Шапат в горной области Хакьяри в Турции, где он был исторически распространён [Ovsjannikova et al. 2022a: 1]), а к некоему другому наречию, близкому к нудызная. Объясняется это, вероятно, тем, что в Урмии этноним шапытная в какой-то момент стал применяться ко всем горным (то есть, как и мар-бишу, происходящим из горной области Хакьяри) ассирийцам [Ovsjannikova et al.: 3]. Информанты заявляют о сильной близости между шапытная и нудызная, которая, по их мнению, превосходит близость между другими распространёнными в Урмии диалектами [Ovsjannikova et al.: 3], а собранные к настоящему моменту данные об их грамматике показывают, что по большинству черт эти говоры совпадают, хотя некоторые различия все же имеются [Ovsjannikova et al. 2022a: 6; Ovsjannikova et al. 2022b: 6]. На данный момент идиом нудызная изучен мало (некоторые его черты описываются в сопоставлении с шапытная в тех же работах [Ovsjannikova et al. 2022a] и [Ovsjannikova et al. 2022b]), также имела место попытка краткого описания фонетики и некоторых аспектов морфологии ванского диалекта [Саркисов 2017]), а лёвыная не описан вовсе. По этой причине мы не можем с полной уверенностью говорить о степени расхождения между идиомами шапытная, нудызная и лёвыная и о том, следует ли их рассматривать как разные диалекты или как подварианты одного диалекта, и оставляем этот вопрос за рамками настоящей работы, приводя в таблицах названия диалектов, указанные самими информантами.

Таблица 1. Диалектное распределение среди проанкетированных ассирийцев Урмии без учета происхождения говорящих

Table 1. Distribution of the dialects among questioned Assyrians of Urmia without taking into account place of their birth

Диалект	Число говорящих	Процент
Урмийский	57	69,5 %
Шапытная	17	20,7 %
Нудызная	7	8,5 %
Лёвыная	1	1,2 %

Диалектное распределение среди проанкетированных ассирийцев Урмии вне зависимости от места происхождения говорящих представлено в *Таблице 1*. Многие опрошенные утверждали, что в той или иной степени владеют несколькими диалектами или по крайней мере понимают их (чаще это заявляли шапытная относительно урмийского), однако в качестве родного обычно называли только один. На основе данных, представленных в *Таблице 1*, мы можем заключить, что урмийцы составляют около 70 % ассирийцев Урмии, то есть явное большинство, более чем в три раза превосходя занимающих второе место шапытная.

Однако, как уже отмечалось, ассирийцы Урмии даже внутри одной диалектной группы могут быть неоднородны по своему происхождению. Около половины ассирийского населения села составляют переселенцы 90-х годов XX века из Армении и Грузии и их потомки, среди которых, в свою очередь, подавляющее большинство составляют урмийцы. Соответственно, среди ассирийцев-урмийцев Урмии можно относительно четко выделить две категории: «старожилов», наряду с шапытная появившихся в селе в момент его основания, и переселенцев конца XX века. Последние в свою очередь распадаются на переселенцев из Армении и переселенцев из Грузии. Длительное проживание в различных регионах и использование в качестве основного второго или даже первого разных языков (у старожилов Урмии — русского, у переселенцев из Армении и Грузии — соответственно армянского и грузинского) вполне могло наложить на идиолекты

носителей значимый отпечаток или даже привести к распаду диалектов на новые идиомы. По данной причине с социолингвистической точки зрения эти группы важно разделять. Помимо этого, не следует забывать и о детях переселенцев из Армении и Грузии, родившихся уже в Урмии, которых также целесообразно выделить в отдельную категорию («новый урмийский»), поскольку их невозможно, не нарушая логики, отнести ни к одной из трех перечисленных групп.

Диалектное распределение среди ассирийцев Урмии с учетом разделения урмийцев на описанные выше четыре категории представлено в *Таблице 2*.

Таблица 2. Диалектное распределение среди опрошенных ассирийцев Урмии с учетом разделения урмийцев на подгруппы

Table 2. Distribution of the dialects among questioned Assyrians of Urmia in accordance with place of their birth

Диалект	Число «говорящих»	Процент
«Старый» урмийский	19	23,2 %
«Грузинский» урмийский	15	18,3 %
«Армянский» урмийский	14	17,1 %
«Новый» урмийский	9	11 %
Шапытная	17	20,7 %
Нудызная	7	8,5 %
Лёвыная	1	1,2 %

Таким образом, с учетом потенциального поддиалектного членения, обусловленного происхождением и местом рождения, крупнейшей группой среди ассирийцев Урмии являются «старые урмийцы» (23 %), за ними идут шапытная (21 %) и грузинские и армянские урмийцы (18 % и 17 % соответственно).

Что касается статистического распределения по месту происхождения говорящих внутри каждой из диалектных групп, то сколько-нибудь репрезентативная выборка у нас имеется только для урмийского диалекта, данные по которому представлены в *Таблице 3*.

Таблица 3. Распределение по происхождению среди урмийцев

Table 3. Distribution by the place of birth between speakers of Urmi dialect

Поддиалект	Число	Процент от общего числа
«Старый» урмийский	19	33,3 %
Грузинский урмийский	15	26,3 %
Армянский урмийский	14	24,7 %
«Новый» урмийский	9	15,8 %

Из этих данных мы можем заключить, что среди говорящих на нем жителей Урмии преобладают старожилы, за ними идут грузинские, потом армянские урмийцы, а на последнем месте оказываются дети переселенцев из Армении и Грузии, родившиеся в Урмии. Однако различие между долей первых, вторых и третьих незначительное.

Носители диалектов шапытная и нудызная также неоднородны по своему происхождению, как это показано соответственно в *Таблице 4* и *Таблице 5*. Среди них встречаются люди, родившиеся как в Урмии, так и за ее пределами: в первую очередь в Азербайджанской ССР — в городе Ханлар (ныне Гёйгёль, центр Гёйгёльского района Азербайджана) и поселке Ленинкенд (ныне Чинарлы в Шамкирском районе), а также в Грузинской ССР (Гардабани), Краснодаре и Майкопе. Из *Таблицы 4* мы можем сделать вывод, что среди шапытная Урмии, так же, как и среди носителей урмийского диалекта, преобладают потомки старожиллов, обосновавшихся здесь с момента основания села. Среди нудызная, согласно *Таблице 5*, ситуация обратная и на первом месте находятся выходцы из Азербайджанской ССР, однако слишком маленькое общее количество представителей этой группы лишает нас возможности считать такую статистику достаточно объективной.

Единственная жительница Урмии, относящая себя к группе лёвыная, родилась в Урмии, равно как и ее мать, бывшая носительницей этого диалекта, в отличие от отца, говорившего на шапытная. Следовательно, ее также необходимо отнести к старожилам Урмии.

На основе этого мы можем заключить, что суммарное количество опрошенных нами потомков давних (с момента основания и близкого к нему времени) жителей Урмии, говорящих на всех зафиксированных диалектах — урмийском, шапытная, нудызная и лёвыная, среди опрошенных ассирийцев составляет 32 человека (39 % от всех опрошенных). Суммарное же количество потомков первопоселенцев и детей переселенцев из Грузии и Армении, родившихся после переселения, — то есть всех лиц, для которых Урмия является местом их рождения, составляет 41 (ровно 50 %). Соответственно, общее число опрошенных ассирийцев, родившихся за пределами Урмии, также составляет ровно половину (41 человек).

Таблица 4. Распределение по происхождению среди шапытная

Table 4. Distribution by the place of birth between speakers of Shapətnaya dialect

Регион происхождения	Число	Процент от общего числа
Урмия	10	58,8 %
Ханлар	4	23,5 %
Гардабани	2	11,8 %
Майкоп / Казахстан	1	5,9 %

Таблица 5. Распределение по происхождению среди нудызная

Table 5. Distribution by the place of birth between speakers of Nudəznaya dialect

Регион происхождения	Число	Процент от общего числа
Ханлар и Ленинкенд	4	57,1 %
Урмия	2	28,6 %
Краснодар	1	14,3 %

Говоря о группах переселенцев, помимо уже упомянутых носителей урмийского диалекта, переселившихся из Армении и Грузии, следует особо отметить выходцев из Азербайджанской ССР. Там, в районе города Еленендорф, переименованного в 1936 году в Ханлар (ныне Гёйгёль), в период между бегством ассирийцев

от геноцида в Турции и окончанием Второй мировой войны существовала крупная община выходцев из областей Ван, Нудыз и Ботан [Teule, Kessel 2012: 46], представители которой «работали в хозяйствах закавказских немцев, составлявших значительную часть местного населения» [Саркисов 2017: 3]. Очевидно, вместе с ними там проживало и некоторое количество представителей группы, в Урмии получившей название шапытная. В 1949 году ханларские ассирийцы были депортированы в Томскую область [Вартанов 2001: 83], что нанесло сильный удар по сохранности национального языка и культуры, а когда в 1956 году им было позволено покинуть место вынужденного проживания [Вартанов 2001: 83], далеко не все предпочли вернуться в Ханлар, и некоторые разъехались по разным частям Советского Союза, в том числе и в Урмию. Сведения об отличительных особенностях идиолектов носителей идиомов шапытная и нудызная, переселившихся из Ханлара, к настоящему моменту не собраны.

Интересно отметить, что, согласно заявлениям информантов, исторически урмийцы и выходцы из Турции селились преимущественно в разных концах Урмии. Нами был подмечен факт, который можно интерпретировать как следствие данной тенденции. В Урмии, состоящей из трех основных улиц — Магистральной, Почтовой и Заречной, — на расположенной в середине Почтовой улице 11 из 15 домов, где проживают семьи, говорящие на шапытная или нудызная, расположены по одну (юго-восточную) сторону от ее пересечения с переулком, разделяющим село примерно пополам. Следовательно, на Почтовой улице шапытная и нудызная сосредоточены в одном конце села, что, вероятнее всего, не является случайностью. Одновременно с этим мы подметили, что 8 из 13 известных нам домов (то есть больше половины), в которых проживают ассирийцы, переехавшие из Грузии, находятся на Магистральной улице (не обнаруживая зависимости от расположения относительно упомянутого переулка), что может свидетельствовать об их тенденции селиться именно там. Если данная гипотеза верна, то в Урмии обнаруживаются сразу два топографических распределения социодialeктных групп, не связанных между собой: одно из них противопоставляет

друг другу две половины села (расселение потомков выходцев из Османской империи), а другое — одну из трех основных улиц (Магистральную) двум другим (расселение выходцев из Грузии). Это вполне может объясняться тем фактом, что заселение Урмии происходило несколькими волнами и каждая волна переселенцев могла иметь свои собственные тенденции в вопросе расселения. Носители урмийского диалекта, являющиеся потомками «первопоселенцев», в отличие от упомянутых групп, встречаются во всех частях села, что согласуется с тем фактом, что они являются крупнейшей подгруппой его обитателей.

Обобщая все приведенные выше сведения, мы можем заключить, что социологические данные подтверждают согласующуюся с историческими фактами информацию о том, что ассирийское население Урмии является весьма неоднородным. Это дает основания предполагать, что, во-первых, в селе, помимо уже зафиксированных диалектов, разошедшихся еще во время проживания ассирийцев на исторической родине (урмийского, шапытная, нудызная и лёвыная) могут присутствовать их различные варианты, обособившиеся позднее, в результате длительного проживания групп носителей одного диалекта отдельно друга от друга (как, например, урмийцев Урмии, Грузии и Армении). Во-вторых, есть основания предполагать, что среди ассирийцев Урмии исторически разные диалекты вследствие длительного взаимодействия могли начать приобретать какие-либо общие черты, что создает предпосылки для формирования особого местного идиома.

К сожалению, на данный момент эти соображения остаются всего лишь гипотезами. Однако в ходе других исследований мы наблюдали некоторые различия в идиолектах носителей урмийского диалекта, происходящих из разных мест (например, в столь специфическом аспекте грамматики, как дифференцированное маркирование объекта, нами было четко зафиксировано отличие в идиолектах информантов из Армении и Грузии [Саркисов 2016: 43–52]). Это свидетельствует в пользу перспективности выдвинутых гипотез и подчеркивает необходимость их проверки в ходе дальнейших исследований.

5.2. Особенности бытования языка

Согласно опросам информантов и нашим наблюдениям, новоарамейские диалекты используются в Урмии носителями старшего поколения для устного общения в семье и со знакомыми-ассирийцами. Определить степень владения национальным языком представлялось возможным далеко не всегда, так как, во-первых, со многими информантами, от которых были собраны социолингвистические анкеты, не проводилось грамматических исследований, а во-вторых, четкие критерии ее оценки еще не разработаны. Однако из 28 человек, для которых степень владения языком была охарактеризована, у 8 (28,6 %) она была описана как отличная, у 7 (25 %) — как хорошая, у 10 (35,7 %) — как удовлетворительная, а у 3 (10,7 %) — как плохая. Таким образом, доля тех, кого можно считать полноценными носителями, среди этих людей составила 53,6 %, то есть лишь около половины. При этом абсолютно все ассирийцы Урмии также хорошо владеют русским языком, выходцы из Армении — армянским, а большинство выходцев из Грузии — в той или иной степени грузинским.

Что касается передачи языка младшему поколению и деятельности по его сохранению, то в урмийской школе существует кружок по изучению стандартного литературного ассирийского языка (который, как отмечалось выше, основан на урмийском диалекте). Ранее ассирийский язык входил в число школьных предметов и изучался в начальной школе до четвертого класса. В кружке дети изучают как грамматику языка, так и сирийское письмо. В ходе нашего анкетирования было опрошено 9 жителей Урмии, родившихся в 2000 году или позднее. Среди них 6 владеют языком на достаточно хорошем уровне, для одного знание языка можно предполагать, но трудно точно проверить в силу возраста, у одного знание языка, скорее всего, оставляет желать лучшего, и еще один языком практически не владеет. По свидетельствам опрошенных, других представителей младшего поколения, владеющих языком, в Урмии нет. Следовательно, можно утверждать, что передача языка младшему поколению, несмотря на наличие школьного кружка, — явление исключительное

и новоарамейские диалекты в Урмии находятся в крайне угрожаемом состоянии.

Очень примечательно, что как минимум в трех случаях представители молодого поколения не только не могли идентифицировать свой диалект, а даже вовсе не знали названий различных диалектов и называли язык просто *lifana sureta* или *lifana sure* (дословно — ‘ассирийский язык’). Это свидетельствует о том, что по крайней мере на уровне самосознания понятие этно-диалектной группы у них полностью отсутствует, что нетипично для ассирийцев в целом и свидетельствует о потере важного элемента самоидентификации в условиях постепенного угасания традиционной культуры и выдвигания на первый план противопоставления ассирийского народа как единого целого всем остальным народам. Вопрос об особенностях идиолектов носителей младшего поколения, безусловно, представляет большой интерес, однако на данный момент нами не изучался.

Несмотря на угрожаемое положение новоарамейских диалектов в Урмии и явную тенденцию к вытеснению их русским, нами были зафиксированы случаи, когда представители иной национальности (а именно армяне) выучивали новоарамейские идиомы и употребляли их в качестве второго языка. В ходе анкетирования нами было выявлено двое армян, хорошо знающих урмийский диалект и активно использующих его (преимущественно в семье). В первом случае это обусловлено рождением в населенном ассирийцами Верин Двине (в Армении) и браком с ассирийцем, а во втором — только браком. Однако в целом текущие наблюдения не дают оснований считать, что реальное знание новоарамейских диалектов не-ассирийцами когда-либо было широко распространено в Урмии, и исключениями могут являться только люди в смешанных семьях.

Все новоарамейские диалекты в Урмии (как урмийский, на который опирается стандартная литературная норма, так и шапытная и нудызная, об использовании которых в качестве письменных идиомов свидетельств не имеется) используются исключительно для устного общения. Лишь несколько жителей Урмии заявили, что владеют сирийским письмом, при этом ни один из проанкетированных

информантов не ответил положительно на вопрос, читает ли он какие-либо тексты на ассирийском языке.

Одновременно с этим ряд информантов рассказали, что спорадически используют для записи коротких бытовых текстов (например, СМС-сообщений или записок) на родном языке кириллицу. Использование для записи новоарамейских диалектов нетрадиционных для них систем письма — кириллической, армянской и грузинской — довольно распространенное среди ассирийцев бывшего СССР явление. У ассирийцев Урмии — как старожилов, так и выходцев из Армении и Грузии — была зафиксирована только кириллица, что свидетельствует о доминировании среди них русского языка как основного второго или даже первого языка. При этом весьма примечателен факт, что разработанный в СССР в 30-е годы специально для ассирийского языка особый алфавит на латинской основе, который до обезглавливания ассирийской интеллигенции волной репрессий активно использовался наряду с сирийским письмом, забыт совершенно. Никаких попыток его возрождения как в Урмии, так и за ее пределами нами зафиксировано не было.

Также важно отметить, что ни один из ассирийцев Урмии не владеет классическим сирийским языком, который, как отмечалось, является языком богослужения Ассирийской церкви Востока (часть службы иногда проводится на нем в храме Урмии, относящемся к Русской православной церкви), а ранее также был языком культуры и литературы. Лишь некоторые информанты отмечали, что понимают его, однако это обусловлено не специальным обучением языку, а его достаточной близостью к новоарамейским. Этот факт наряду с полным отсутствием в Урмии практики употребления сирийского письма (за исключением школьного кружка, который, как показали опросы, к сожалению, мало способствует передаче языка младшему поколению) красноречиво свидетельствует о таком социально-историческом феномене, как отрыв местных ассирийцев (равно как и большей части российских ассирийцев вообще) от своей традиционной книжной и письменной культуры со всеми проистекающими отсюда следствиями (невозможность широкого использования языка в печати и отсутствие достаточных перспектив для создания

художественных произведений на языке и т. п.). Этот печальный факт был обусловлен двумя причинами. Во-первых, письменная культура у ассирийцев даже на исторической родине была достаточно элитарной: грамотными обязательно были священники, а среди мирян это скорее было исключением (по опросам информантов, среди их предков, родившихся в Иране и Турции, подавляющее большинство также не владело ни сирийским письмом, ни сирийским языком). Во-вторых, исчезновение и без того немногочисленного церковного сословия среди советских ассирийцев, сильный удар, нанесенный репрессиями по интеллигенции, и отсутствие до недавнего времени каких-либо контактов с зарубежными диаспорами осложнили задачу сохранения книжной культуры до чрезвычайно высокой степени. В этих условиях язык — продолжатель богатейшей письменной традиции — практически полностью утерял с ней связь и в реалиях Урмии фактически функционирует как бесписьменный.

6. Заключение

Обобщая сведения, собранные нами относительно социолингвистической ситуации в Урмии, мы можем сделать следующие выводы.

1. Ассирийцы Урмии весьма неоднородны по своей диалектной принадлежности и происхождению. В селе проживают носители следующих диалектов: урмийского (более половины), диалекта, называемого здесь шапытная (не следует путать с называемым также мар-бишу), нудызная и лёвыная. Среди носителей урмийского диалекта четко выделяются «первопоселенцы» (самая крупная группа), переселенцы из Армении и Грузии и дети последних, родившиеся в Урмии.

2. Язык плохо передается младшему поколению и находится в угрожаемом состоянии. Однако носители младшего поколения также встречаются, при этом у них отсутствует самоидентификация по диалекту. Одновременно с этим зафиксировано несколько случаев владения армянами языком ассирийцев в качестве второго.

3. Подавляющее большинство ассирийцев Урмии не владеет сирийским письмом. Таким образом, язык полностью оторван от письменной традиции и фактически функционирует как бесписьменный.

Литература

- Варганов 2001 — И. Л. Варганов. Ассирийцы в Сибири. М.: Дружба народов, 2001.
- Гиваргизов — Е. И. Гиваргизов. История села Урмия. URL: <https://web.archive.org/web/20100214104944/http://www.atanews.com/Urmia/history.htm> (дата обращения 6.12.2022).
- Лёзов 2009а — С. В. Лёзов. Арамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414–496.
- Лёзов 2009б — С. В. Лёзов. Классический сирийский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 496–531.
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Семитские языки. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Михайлов 2021 — С. С. Михайлов. К изучению нижегородского ассирийского некрополя // В. И. Грубов, А. А. Исаков (ред.). Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников II региональной научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 324–332.
- Саркисов 2016 — И. В. Саркисов. Выражение падежных значений в урмийском новоарамейском. Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2016.
- Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Особенности ванского новоарамейского диалекта: фонетика и морфология. Курсовая работа. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2017.
- Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. Социолингвистическое положение северо-восточных-новоарамейских языков на территории Грузии // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика. Конференция молодых ученых. Сборник тезисов. СПб.: Б. и., 2018. С. 79–82.

- Саркисов 2020 — И. В. Саркисов. О конфессиональной принадлежности жителей села Урмия // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика. Конференция молодых ученых. Сборник тезисов. СПб.: Б. и., 2020. С. 77–80.
- Baum, Winkler 2003 — W. Baum, D. W. Winkler. *The church of the East. A concise history*. London: Routledge, 2003.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmia*. Vol. 1: Grammar — Phonology and Morphology. Leiden: Brill, 2016.
- Ovsjannikova et al. 2022a — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non Urmia Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmia, Russia. Pt. 1: Sociolinguistic overview and phonetic features. В печати.
- Ovsjannikova et al. 2022b — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non Urmia Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmia, Russia. Pt. 2: Sociolinguistic overview and phonetic features. В печати.
- Talay 2008 — Sh. Talay. *Die Neuaramäischen Dialekte der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien: Einführung, Phonologie und Morphologie*. (Semitica Viva, 40). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2008.
- Teule, Kessel 2012 — H. Teule, G. Kessel. The Mikhail Sado Collection of Syriac Manuscripts in St. Petersburg // *Eastern Christians studies*. 2012. Vol. 14. P. 43–76.

References

- Baum, Winkler 2003 — W. Baum, D. W. Winkler. *The church of the East. A concise history*. London: Routledge, 2003.
- Givargizov — V. I. Givargizov. *Istoriya sela Urmia* [The history of the village of Urmia]. Available at: <https://web.archive.org/web/20100214104944/http://www.atranews.com/Urmia/history.html> (accessed on 6.12.2022).
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmia*. Vol. 1: Grammar — Phonology and Morphology. Leiden: Brill, 2016.
- Lezov 2009a — S. V. Lezov. Arameyskie yazyki [Aramaic languages]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 414–496.
- Lezov 2009b — S. V. Lezov. *Classicheskiy siriiskiy yazyk* [Classical Syriac]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 496–531.

- Lyavdanskii 2009 — A. K. Lyavdanskii. Novoaramaiskie yazyki [Neo-Aramaic languages]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 660–693.
- Mikhailov 2021 — S. S. Mikhailov. K izucheniyu nizhegorodskogo assiriyskogo nekropolya [Towards studying of Assyrian cemetery in Nizhny Novgorod]. V. I. Grubov, A. A. Isakov (eds.). *Voprosy istoricheskogo i ekologicheskogo regionovedeniya*. Sbornik uchastnikov II regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Questions of the historical and ecological regional studies. Abstracts of the II regional scientific and practical conference]. Arzamas: Arzamas Branch of State University of Nizhny Novgorod, 2021. P. 324–332.
- Ovsjannikova et al. 2022a — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. *Non Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. Pt. 1: Sociolinguistic overview and phonetic features*. In print.
- Ovsjannikova et al. 2022b — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. *Non Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. Pt. 2: Sociolinguistic overview and phonetic features*. In print.
- Sarkisov 2016 — I. V. Sarkisov. *Vyrazhenie padezhnykh znacheniy v urmiyskom novoaramaiskom* [Case marking in Urmi Neo-Aramaic]. Term paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2016.
- Sarkisov 2017 — I. V. Sarkisov. *Osobennosti vanskogo novoaramaiskogo dialekta: fonetika i morfonologiya* [Features of Vane Neoaramaic dialect: Phonetics and morphonology]. Diploma work. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017.
- Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. Sociolingvisticheskoe polozhenie severo-vostochnykh novoaramaiskiykh yazykov na territorii Gruzii [Sociolinguistic situation of Northeastern Neo-Aramaic languages in Georgia]. *Antropologia. Sociolingvistika. Folkloristika. Konferenciya molodykh uchenykh. Sbornik tezisev* [Anthropology. Sociolinguistics. Folkloristics. Conference of young scientists. Collection of the abstracts]. St. Petersburg: S. n., 2018. P. 79–82.
- Sarkisov 2020 — I. V. Sarkisov. O konfessiionalnoy prinadlezhnosti zhitel'ey Urmii [Towards confessional characteristics of population of Urmiya]. *Antropologiya. Sociolingvistika. Folkloristika. Konferenciya molodykh uchenykh. Sbornik tezisev* [Anthropology. Sociolinguistics. Folkloristics. Conference of young scientists. Collection of the abstracts]. St. Petersburg: S. n., 2020. P. 77–80.
- Talay 2008 — Sh. Talay. *Die Neuaramaischen Dialekte der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien: Einführung, Phonologie und Morphologie*. (Semitica Viva, 40). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2008.

-
- Teule, Kessel 2012 — H. Teule, G. Kessel. The Mikhail Sado Collection of Syriac Manuscripts in St. Petersburg. *Eastern Christians studies*. 2012. Vol. 14. P. 43–76.
- Vartanov 2001 — I. L. Vartanov. *Assyriycy v Sibiri* [Assyrians in Siberia]. Moscow: Druzhba narodov, 2001.

Латинские рефлексy праиндоевропейских долгих слоговых плавных вида *CoRC / CuRC*

А. А. Трофимов

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия);
artemii.trofimov@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются латинские сокращенные рефлексy праиндоевропейских долгих слоговых плавных, которые могут быть представлены схематически как *CoRC / CuRC*. Рассматриваются случаи, в которых и.-е. **rH* и **lH* демонстрируют в латыни и других италийских языках рефлексy *or, ur, ol* и *ul*. Причиной возникновения латинских рефлексов вида *CoRC / CuRC* могли служить начальные согласные с лабиальным элементом и заднеязычные в первом слоге ($C_1 = c, g, u, f, m$ и p). Возможно, переход блокировался перед *i* последующего слога, как в *pars, partis* ‘часть’ и *calx, calcis* ‘пятка’.

Ключевые слова: латинский язык, долгие слоговые сонанты, сокращенные рефлексy, эффект де Соссюра, веляризованный *l*, ларингалы.

Latin reflexes of PIE long syllabic liquid sonants of type *CoRC / CuRC*

Artem A. Trofimov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia); artemii.trofimov@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the Latin shortened reflexes of the Proto-Indo-European long syllabic liquids schematically represented as *CoRC / CuRC*. Shortened reflexes having the form **CaRC* found in Italic and Celtic languages have long been known; they were explained by V. Dybo as regular outcomes of sequences of the type **CRHC* in unstressed position. I consider forms containing *or, ur, ol* and

ul < PIE $*_lH$ and $*_iH$ in Latin and in other Italic languages. I believe the most reliable cases to be the forms of five Latin verbs:

1. *pulsum* / *pulsus*, supine and PPP. to *pellō*, *-ere* ‘to exert force against, push, strike’; Venetic *poltos* < $*polto-$ < $*p_lHtu-$ / $*p_lHto-$.

2. *cultum* / *cultus*, supine and PPP. to *colō*, *-ere* ‘to live, inhabit; to till, cultivate, farm (land)’ < $*k_wlh_1tu-$ / $*k_wlh_1to-$.

3. *uolsum(us)* / *uulsum(us)*, supine and PPP. to *uellō*, *-ere* ‘to pull or pluck out (hair, plumage) etc.’ < $*u_lHtu-$ / $*u_lHto-$.

4. *perculsum* / *perculsus*, supine and PPP. to *percellō*, *-ere* ‘to strike or knock down; to strike down’ < $*-k_lh_2tu-$ / $*-k_lh_2to-$ (or rebuilt $*-k_lh_2dto-$ with dental extension).

5. *consultum* / *consultus*, supine and PPP. to *consulō*, *-ere* ‘to apply to a person for advice or information, consult; to consult the Senate etc.’ < $*-s_lh_1tu-$ / $*-s_lh_1to-$.

The zero-grade is morphologically motivated. In addition, there are several nouns.

17 less reliable cases can be added to this list. The alternative explanation of these forms as $*o$ -grades is not preferable: the de Saussure effect does not represent a rule operative in PIE and Latin in all positions; the syncope in all the mentioned forms is not regular either.

The shortened reflexes under consideration do not demonstrate unambiguous correlation between Latin vowel reflexes and $*h_1$, $*h_2$, $*h_3$ in the protoform. It is not excluded that before tectal *l* three types of reflexes coincide in *ul*, namely $*al$, $*ol$ and $*el$. It seems to be reasonable to take that *CoRC* / *CuLC* appear in unstressed position after consonants with a labial element or after velars ($C_1 = c, g, u, f, m$ and p). Supposedly, this sound change was blocked before *i* of the next syllable, therefore *pars*, *partis* ‘part’ and *calx*, *calcis* ‘heel’. A full explanation of the facts presented needs further research.

Keywords: Latin language, long syllabic sonants, shortened reflexes, de Saussure effect, tectal *l*, laryngeals.

1. Вступление

Современные представления о рефлексах долгих слоговых сонантов в латыни обычно сводятся к мнению, что $*\bar{l}$, $*\bar{j}$, $*\bar{u}$, $*\bar{m}$ (сочетания слоговых носовых и плавных сонорных с ларингалом перед согласным вида $*CRHC$) дают латинские рефлексы вида $R\bar{a}$, то есть

rā, lā, nā, mā [Schrijver 1991: 172–184; Meiser 2018: 746]. Данная точка зрения поддерживается такими широко известными этимологиями, как лат. *grānum* ‘зерно’ < и.-е. **ǵrH-no-*; лат. *lāna* ‘шерсть’ < и.-е. **ulH-neh₂* и т. д.

Однако еще в работах по латинской исторической грамматике младограмматического периода отмечалось, что в ряде случаев имеется не ожидаемое отражение вида *Rā*, а рефлекс вида *ǎR*, то есть *ǎr, ǎl, ǎn, ǎm* [Stolz 1894: 113]. Также встречаются указания на наличие варианта сокращенных рефлексов вида *Rǎ*, то есть *rǎ, lǎ, nǎ, mǎ* [Schmidt 1881: 49].

Серьезное подтверждение такого альтернативного взгляда было представлено в важной статье В. А. Дыбо «Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» [Дыбо 1961]. На широком материале исследователь убедительно показал, что в безударном положении долгие гласные в латыни сокращаются. Это касается целого ряда типов рефлексов, а именно **uH; *iH; *eH* или **ē; *oH* или **ō*, а также собственно **ī̄, *ī̄̄, *ū̄, *ū̄̄* [Дыбо 1961].

Конкретно долгих слоговых сонантов в италийских и кельтских языках В. А. Дыбо в дальнейшем касается отдельно в своей работе «Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена)» [Дыбо 2006]. Он перечисляет сначала 11 надежных италийских и кельтских рефлексов под ударением, таких, как *grānum* ‘зерно’ < **ǵrH-no-* с «долготным» рефлексом [Дыбо 2006: 13–17], которые не вызывают вопросов и принимаются всеми исследователями.

Затем В. А. Дыбо приводит список из 15 италийских и кельтских примеров с «сокращенным» рефлексом вида *ǎR*, из которых мы приведем 11 с неполным перечислением языкового материала.

1. Лат. *pars, partis* ф. ‘часть; участие, доля’ < **p̄rti-* < **p̄rh₃-ti-*¹, ср. др.-инд. *pūrti-* ф. ‘вознаграждение, оплата’.

¹ В статье В. А. Дыбо использует символ *ṛ* или просто оставляет в реконструкции **ī̄, *ī̄̄, *ū̄, *ū̄̄*, но я использую ларингальную нотацию.

2. Лат. *arduus* ‘крутой, высокий, отвесный’, др.-ирл. *ard* ‘высокий, великий’ < * $\check{r}d^h\check{u}o-$ < * $\check{r}Hd^h\check{u}o-$, ср. др.-инд. *ūrdhvā-* ‘высокий’, греч. ὀρθός ‘правильный, прямой’².

3. Лат. *carpusculus* ~ *carpusculus* м. ‘род обуви’ < * $k\check{r}Hpi-$, др.-ирл. *cairem* ‘сапожник’ < **karpimon-* < * $k\check{r}Hpi-$, ср. лит. *kùrpė* (1) ‘башмак’; лтш. *kuřpe* ‘туфля; башмак’; схрв. *křplje* ф. рл. ‘плетеные лыжи’.

4. Валл. *sarn* ‘настил, носилки’, *ystarn* ‘вьючное седло’ < **starnó-* < **stǫnó-* < **stǫh₃nó-*, ср. др.-инд. прич. *sīrná-* ‘распростертый, рассыпанный’.

5. Валл., корн., брет. *darn* ‘кусок’ (< **darnó-* < **dǫnó-* < **dǫHnó-*), ср. др.-инд. *dīrnāh-* ‘ободранный’, лит. диал. *dėrti* ‘драть, обдирать, обирать’.

6. Кельт. **karvo-* ‘олень’: валл. *carw*, корн. *carow*, брет. *karo* ‘олень’ < * $k\check{r}Hwó-$ ‘рогатый’, ср. греч. κερῶς ‘рогатый’ < **кeрafo-* < **кeрh₂wo-*; для нулевой ступени ср. др.-прусск. *sirwis* м. ‘косуля’; лит. *kárvė* (1) ‘корова’; праслав. **kǫrva* ‘корова’ < **korəw-*.

7. Лат. *calx*, GEN. SG. *calcis* ф. (иногда м.) ‘пята, пятка; нижняя часть, основание’ < * $k\check{u}lHk\check{i}-$, ср. лит. *kulnìs* (4) ‘каблук, пятка’, также с переносом удараения лит. *kùlšis* (1. а.п.) ф. ‘бедро’ (< **kulk-s-is* < * $k\check{u}lk-s-i-$ < * $k\check{u}lHk-s-i-$); праслав. **kǫlkъ*, **kǫlkā* (болг. диал. Кичевско *кълк* ‘бедро’, Странджа *кълчек* ‘лодыжка’, схрв. *kùk* ‘бедро; бедренная кость’, словен. *kòlk*, GEN. SG. *kólka* м. ‘бедро; бедренная кость’; болг. *кълка* ‘бедро’).

8. Лат. *antae* рл. ‘анты (род пилястров по обе стороны дверей)’ ~ прагерм. **andō* ф. < и.-е. * $\check{n}tā-$, ср. др.-исл. *ond* ф. ‘вход в дом, сени’; др.-инд. *ātā-* ф. ‘дверная рама’, обычно рл. *ātāh*, с оттянутым ударением.

9. Др.-ирл. *ainm* н., рл. *anmann*, др.-валл. *ani*, рл. *enuiein*, валл. *enw*, корн. *hanow*, ср.-брет. *hanff*, *hanu*, брет. *ano* ‘имя’ < **anmen-* < * $\check{n}mén-$ < и.-е. * $\check{n}Hmen-$ ‘имя’³.

² Греческое слово реконструировалось как * $\check{u}ord^h\check{u}o-$, ср. др.-инд. *várdhate* ‘подниматься, расти’, однако отсутствие ясных рефлексов ф в микенском греческом заставляет Р. Бекеса реконструировать * $h_3rd^h\check{u}o-$ [Beekes 2010: 1101].

³ Обычно реконструируется с начальным * h_1- , но В. А. Дыбо не следует этой реконструкции.

10. Валл. *tant* ‘струна’ < **t̃ntá-* (**t̃ntHtá-*; но др.-ирл. *tét* ‘струна’), ср. лит. *tinti*, праес. 1. SG. *tinstu* и *t̃stu*, прает. 1. SG. *tinai̯* ‘пухнуть, опухать, вспухать, распухать’.

11. Лат. *carō*, GEN. SG. *carnis* F. ‘мясо’ < ‘отрезок, кусок (мяса)’ < **k̃r̃-n-á-*, умбр. *karu* ‘pars’, оскск. *carneis* ‘partis’ ~ лит. *skirti*, праес. 1. SG. *skiriù*, прает. 1. SG. *skýriau* ‘отделять; разлучать, разъединять’; др.-инд. *kīrná-* ‘раненый, убитый’ < **k̃r̃-nó-* < **k̃r̃H-nó-* и т. д. (Дыбо 2006: 17–21).

М. Лойманн также признает, что наряду с рефлексам *Rā*, то есть *rā*, *lā*, *nā*, *mā*, наблюдаются и рефлекс *ā*, *ā*, *ān*, *ām*, но он считает их восходящими к более ранним вариантам **ā*, **ālā*, **ānā*, **āmā* с дальнейшей синкопой в многосложных словоформах [Leumann et al. 1977: 59–60]. Вообще такая трактовка возможна, но сомнительна ввиду нерегулярности подобной синкопы.

Как известно, рефлексом краткого слогового плавного сонанта в латыни служит последовательность *oR*:

— лат. *mors*, *mortis* F. ‘смерть’ < и.-е. **m̃r̃-ti-*;

— лат. *cor*, *cordis* N. ‘сердце’ < и.-е. **k̃rd-*;

— лат. *mollis* ‘мягкий’ < **m̃l̃d̃ui-* и т. д. [Leumann et al. 1977: 57–58].

Праит. **ol* преимущественно переходит в классической латыни в *ul* [Leumann et al. 1977: 47].

В статье будет показано, что в латыни и итальянских языках обнаруживается целый ряд случаев, в которых можно предполагать рефлекс *oR/uR*, то есть *or*, *ol*, *ur*, *ul*, на месте долгих слоговых плавных сонантов праязыка **̃r̃*, **̃l̃* < **r̃H*, **l̃H*.

На ряд примеров, где на месте **l̃H* наблюдается праиталийский рефлекс **ol*, обращает внимание Б. М. Проспер [Prósper 2017: 79–98]. Они будут рассмотрены и нами, а в последней главе мы проанализируем попытки исследовательницы объяснить эти случаи.

2. Более надежные случаи рефлексов вида *CoRC/CuRC*

2.1. Глаголы

1. Лат. *pellō, pepulī, pulsum, pellere* ‘гнать, разбивать, толкать’; умбр. 3 SG. IMP. *ampentu, apentu, ampetu* ‘он должен убить’; венетск. NOM. SG. M. *poltos*; греч. πέλας ‘близко’, πύλαμα и πελάζω ‘приближаться’, AOR. πλῆτο, AOR. ἐπέλασσα ‘приблизился’, ион. ἄ-πλητος, дор. ἄ-πλάτος ‘неприступный’; арм. *elanem*, AOR. *eli* ‘выходить’; авест. 1 SG. IND. MED. *pərəne* ‘подхожу (напротив)’; др.-ирл. *ad-ella* ‘посещает, приближается’, др.-ирл. *eblaid fut.* ‘будет гнать’, супплетивная форма к *ag-* ‘гнать, побуждать’ [WH II: 276–277; Vaan 2008: 455–456; LIV²: 470–471; IEW: 801–802; Beekes 2010: 1165–1166; Strunk 1986: 445–454].

Данные соответствия восходят к праиндоевропейскому корню **pelh₂-* ‘приближаться’.

Стоит отметить, что в словаре Ю. Покорного для сравнения из перечисленных привлекаются только греческие и кельтские формы. Такие германские формы, как др.-в.-нем. *falzan* ‘подпирать; сгибать; бить’, процитированные в [IEW: 801], лучше не привлекать для сравнения ввиду **-d-* в праформе.

Данный корень реконструируется с конечным ларингалом, **pelh₂-*, особенно ясно на него указывают греческие данные (ион. ἄ-πλητος, дор. ἄ-πλάτος ‘неприступный’ < и.-е. **pl̥h₂-to-*). Авест. *pərəne* наряду с греч. πύλαμα и собственно лат. *pellō* дают материал для реконструкции праязыковой глагольной основы **pl̥-ne/n-h₂-* (в армянском, италийских и кельтской формах *e-* ступень вместо нулевой; по мнению авторов LIV², в этих группах вокализм презенса заимствован из аориста).

Исследователи осознавали, что, согласно стандартным представлениям о рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонорных, закономерным рефлексом праязыкового перфектного причастия **pl̥h₂-to-* должна была служить форма *#plātus* [Steinbauer 1989: 149, 249; Vaan 2008: 455–456]. Соответственно, им приходилось предполагать,

что закономерное продолжение **plh₂-to-*, а именно *#plātus*, в латыни не сохранилось и было заменено на **pultus* < **polatos* с выпадением **a*, затем на *pulsus*, а в венецком выступает собственно в виде *poltos* < **polatos*⁴; в самом латинском языке продолжением формы с суффиксом **-to-* считается глагол *pultāre* ‘стучать, ударять’ [Meiser 2006: 226].

Существует и реконструкция **pld-to-* [Weiss 2009: 38, 437], предполагающая наличие в латыни параллельного расширения **peld-*, однако такая реконструкция представляется менее вероятной, потому что в таком случае разные формы латинского глагола образуются от двух различных основ с разными расширителями корня.

Но если предположить, что *ol / ul* может быть прямым сокращенным рефлексом **lH-*, при этом рассматриваемая форма является перестроенной с *-s-* вместо *-t-* в суффиксе, она получает более простое и непротиворечивое объяснение.

Важный аспект, касающийся разбираемой формы, — наличие внутрииталийского когната, венецк. *poltos*, который показывает, что описываемый процесс мог быть общеиталийским: и в латыни, и в других италийских диалектах краткий слоговой плавный дает *oR (uR)*. Соответственно, рефлекс *oR (uR)* < **(C)RH*, отличный от более очевидного и исследованного в деталях В. А. Дыбо рефлекса *āR* < **(C)RH*, мог быть именно праиталийским, а не только собственно латинским⁵.

Б. М. Проспер рассматривает этот глагол в своей работе также одним из первых [Prósper 2017: 80–81].

2. Лат. *colō, coluī, cultum, colere* ‘ухаживать; возделывать, обрабатывать, заниматься земледелием; обитать, жить’ родственно др.-инд. *cāрати* ‘двигаться; идти, шагать’, INF. *cāritum*, PPP. *carīta-*, *cīrṇa-*; авест. *čaraiti* ‘versatur’, перс. *čarīdan* ‘пасться’; греч. πέλομαι (реже

⁴ Данная форма трактуется исследователями как основа с **o-* ступенью; ларингал в соответствии с таким мнением проявлялся, а затем выпадал.

⁵ Относительно принадлежности венецкого именно к италийской группе индоевропейских языков не существует консенсуса, но наиболее вероятно именно италийская гипотеза; библиография по вопросу содержится в актуальном обзоре венецкого языка [Wallace 2018: 1837–1838].

πέλω), AOR. ἔλλετο, критск. теломαι ‘вращаться, становиться; бывать, быть’; арм. *e-lew* ‘был, стал’; др.-ирл. *imm-cella* ‘окружать’, *do-air-chella* ‘обходить, объезжать’, валл. *pall-* ‘подходить к концу, останавливаться’; алб. *sjell* ‘привозить; приносить; причинять, влечь за собой’; тох. АВ *käl-* ‘вести; приносить’, тох. А *kälk-*, В *kalāk-* (прадох. **kälk-* ~ **kelāk-*) ‘следовать’; А, В *käl-* ‘вести; приводить’; А *lutk-*, В *klutk-* (прадох. **kl-utk-*) ‘поворачивать’ и т. д. [WH II: 246–247; Vaan 2008: 125; LIV²: 386–388; IEW: 639–640; Adams 2013: 147, 169, 225–226; Beekes 2010: 1168–1169].

Сравнимые формы восходят к и.-е. **k^welh₁-* ‘двигаться’.

Из наиболее важных именных соответствий между латынью и другими языками следует отметить *anculus*, *-ī* м. ‘слуга’⁶, *ancilla*, *-ae* ф. ‘служанка’ ~ греч. αμφί-πολος ‘служанка; слуга’, др.-инд. *pari-cara-* ‘спутник; помощник, слуга’. Возможно, именно от этого корня произведено важное праиндоевропейское имя **k^we-k^wl(h₁)-os* ‘колесо’. Необходимо отметить, что редупликация в названии ‘колеса’ и ‘колесной повозки’ встречается в различных передневожосточных языках: «ср. картв. груз. *borbal-*, ‘круг’, ‘колесо’ (из **b₁rbar-*, ср. *br-un-av-s* ‘вращается’), др.-евр. *gilgāl*, *galgal* ‘колесо’, араб. *galgal* ‘колесо’ (ср. груз. *gorgal-* ‘колесо’, ‘круг’), шум. *gigir* ‘боевая колесница’. При этом обращает на себя внимание также и внешнее фонетическое сходство семитских форм с индоевропейской. Фонетически недалеко отстоит от этих форм и шум. *gigir*, в чем можно усмотреть определенные доисторические лексические связи» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 718].

Перечисленные когнаты непротиворечиво показывают, что латинский глагол восходит к праиндоевропейскому корню с ларингалом, **k^welh₁-* ‘двигаться’: на это указывают наличие др.-инд. *i* < **ə* < **h₁* и греч. τῆλε ‘вдалеке’ < **k^wēlh₁-*, характер ларингала устанавливается благодаря греческим формам, подробнее [LIV²: 387]⁷. Также

⁶ Лат. *anculus* является гапаксом с предположительным значением: PAVL. FEST 19 sive ideo sic appellantur (*ancillae*) quod antiqui ancularare dicebant pro ministrare, ex quo di quoque et deae feruntur coli, quibus nomina sunt Anculi et Anculae.

⁷ Безусловно, трактовку греческой формы нельзя назвать однозначной и именно характер ларингального в данном случае представляется спорным, но для рассматриваемой проблемы это не имеет особого значения.

на рефлекс ларингального указывают балтийские данные, например, лит. *kėlta* ‘стадо скота’ < **k^welh₁-teh₂* с закономерной акутовой интонацией [SEJL 2021: 658–659]⁸.

Отсюда может следовать, что супин *cultum* и пассивное перфектное причастие *cultus* должны восходить к **k^w]h₁-tu-* / **k^w]h₁-to-*, и это еще один случай, представляющий собой параллель образованному от *pellō* супину *pulsum* и пассивному перфектному причастию (ветск. *poltos*). Сомнение в таком решении порождает древнеиндийские формы: причастие *carita-* очевидным образом указывает на праформу **k^welh₁-to-*, а нулевая ступень засвидетельствована только в параллельной форме др.-инд. *cīrṇa-*. Прямым результатом праформы **k^welh₁-tu-* в латыни была бы форма **colitum* или **colutum*; естественно, супин *cultum* мог быть получен только путем синкопы. Тем не менее, как показывают пары вроде лат. *gignō, genuī, genitum, -ere* ‘рождать’ ~ др.-инд. *jānati, jajanti, aor. ajjjanat, pf. jajāna, jajñūh, pass. jāyate, ppp. jātá-* ‘рождать; рождаться’, может наблюдаться обратное соотношение *genitus* < **ġenh₁to-* ~ *jātá-* < **ġñh₁to-* с полной ступенью в латыни и нулевой — в древнеиндийском⁹.

Необходимо отметить валлийский глагол *pall-* ‘кончать, прекращать, жалеть; отвергать’, в котором мог наблюдаться рефлекс *al* < **]H*. Данный случай в отношении рефлексии долгого слогового плавного может быть уподоблен примеру 13. др.-ирл. *at-baill* ‘умирает’ ~ лат. *vallessit* ‘perierit’¹⁰, рассмотренному в работе [Дыбо 2006: 22].

Сходные выводы делаются в статье [Prósper 2017: 80].

3. Лат. *uellō, uellī* или *uulsī / uolsī, uulsum / uolsum, uellere* ‘рвать, щипать, драть, дергать; вырывать, выдергивать’ родственно хетт.

⁸ Согласно традиционной этимологии, лит. *kėlias* (4) ‘дорога’ и лит. *kėlta, kėluva, keltuvà, keltava* ‘стадо скота’ относятся не к рассматриваемому корню **k^welh₁-*, как предлагает считать В. Смочинский, а к глаголу *kėlti* ‘поднимать, возвышать’, рассматриваемому ниже [LEW: 237–238].

⁹ Подобные случаи редки.

¹⁰ В действительности гапакс *uallessit* ‘perierit’, форма поправлена на *uallessit* К. Лахманном [Lachmann 1882: 191].

walahzi, *walhanzi* ‘бить’; тох. А *wäl-* ‘умирать’, *wällästär* ‘умирает’; греч. ἀλίσκομαι, гом. АОР. INF. ἀλῶναι ‘быть пойманным, плененным; перен. быть убитым’ [WH II: 744–745; Vaan 2008: 659; LIV²: 679; IEW: 1144–1145; Kloekhorst 2008: 945–946; Malzahn 2010: 892–893; Beekes 2010: 69–70].

Рассматриваемые формы восходят к и.-е. корню **uelH-* ‘бить(?)’.

На основании греческих форм ларингал в этом корне часто реконструируется как **h₃*, но хеттская форма скорее указывает на **h₂*. А. Клухорст отмечает эту проблему и предлагает следующее решение: *h* был закономерным рефлексом **h₃* в форме множественного числа *walhanzi* < **ulh₃-enti*¹¹, а затем он был восстановлен аналогически в единственном числе [Kloekhorst 2008: 946]. Для объяснения хетт. *walh-* предлагалась реконструкция корня в виде **h₂uelh₂-* на основании сближения с хетт. *hulle-* / *hull-* ‘поражать, одолевать’ [Oettinger 1979: 264]. Как бы то ни было, ларингальный однозначно присутствует в корне, от которого произведен глагол *uellō*, поэтому супин *uulsum* / *uolsum* и причастие *uulsus* / *uolsus* допустимо объяснять как рефлекс праформы **u_lH-tu-* / **u_lH-to-* с меной суффикса [Prósper 2017: 80].

Для латинского глагола также предлагалась реконструкция **uel-s-* и связь с греческой глоссой Гезихия γέλλαι τῖλαι ‘пушинки, пылинки’ D 304 [Latte 2018: 494; Fick 1911: 338; WH II: 744], но это достаточно сомнительный сравнительный материал. Вариант реконструкции **uel-d-*, также упоминающийся в этимологическом словаре А. Вальде, не находит какого-либо подтверждения в других группах языков.

4. Лат. *per-cellō*, *perculī*, *perculsum*, *percellere* ‘опрокинуть, повергнуть наземь; поражать, разбивать; потрясать’: греч. κόλος ‘увечный; безрогий, комолый’, греч. κλάω ‘ломать’, прич. ἀπο-κλάς (Анаг.), греч. κολάζω ‘наказывать, карать, исправлять’, греч. колоύω ‘изувечивать; обрезать, обрубить’; лит. *kálti*, *kaliù* ‘ударять (молотом, топором), ковать’, лтш. *kālt*, *-lu* ‘бить, ковать’, с другой ступенью вокализма: лит. *kùlti*, лтш. *kuilt* ‘молотить’; праслав. **kōlti*, **kōljǫ* ‘колоть, закалывать’: ст.-слав. *кольж*, *клати* ‘закалывать, убивать’, схрв. *klàti*,

¹¹ Реконструкция А. Клухорста.

кòльѣм ‘колоть, резать; жалить, кусать’ [WH II: 225–226; Vaan 2008: 105; LIV²: 350; IEW: 545–546].

Сопоставляемые глаголы продолжают и.-е. **kelh₂-* ‘бить’.

Наиболее важное соответствие, которое предлагалось для глагола *percellō* внутри собственно латинского языка — *clādēs, -is* f. ‘бедствие, ущерб; увечье’. Традиционно последнее слово объясняется как **d*-расширение рассматриваемого корня [WH II: 225–226; IEW: 545–546], но может быть предложена этимология вида **k̥lh₂ + d^heh₁* по типу таких образований, как др.-инд. *śradhdhá-* ‘вера’ < и.-е. **k̥red-d^heh₁-* и др.-инд. *medhá* ‘мудрость’ < и.-е. **m̥s-d^heh₁-* [Schrijver 1991: 175; Vaan 2008: 117].

Отнесение к этому ряду соответствий также греч. κλάω ‘ломать’ сомнительно; предложенный в LIV сценарий, согласно которому «ἀποκλάς могло быть образовано от генерализованного корня **klā-* и могло заменить более древнее атематическое **kalant-* < **k̥lh₂-ent-* (ср. *ταλανт-*)» [Beekes 2010: 710–711; LIV: 350], не имеет достаточных доказательств за пределами греческого языка. Неясны и отношения с этим корнем форм, которые выглядят как **d*-расширение: др.-ирл. *coll* ‘разрушение, порча; потеря’, ср.-ирл. *claidim* ‘копать’; др.-ирл. *clad*, валл. *claddu*, корн. *claud* ‘ров’; праслав. **koldivo*: только рус. ц.-слав. *кладиво*, схрв. стар. *кладиво* ‘молот’; рус. *кладу́, класть* ‘кастрировать, оскоплять’, *кля́деный* ‘кастрированный’, рус. *кладенец* пск. твер. ‘большой нож, которым режут скотину’, ‘булат, сталь, уклад’, фолькл. ‘меч-кладенец’ и т. д. [IEW 546–547; ЭСРЯ I: 565; ЭССЯ 9: 177–178, 187–189; Derksen 2008: 222–223; СЖВЯ 2: 286].

Ларингал в данном корне в любом случае надежно реконструируется на основании балтославянских данных (во всех глаголах акутовая интонация корня, акцентная парадигма *b/a*) [Дыбо 1981: 249–250].

Соответственно, можно говорить о том, что *perculsum / perculus* < **k̥lh₂-tu-* / **k̥lh₂-to-* — еще один хороший пример, наиболее напоминающий *pulsum / pulsus*; оба супина претерпевают то ли фонетическую, то ли морфологическую трансформацию, в ходе которой начинают заканчиваться на *-sum*. Можно было бы думать о праформе **-k̥l(h₂)d-to-* с дентальным расширением, но в таком случае, как и в случае с *pulsum / pulsus*, необходимо предполагать образование разных форм одного глагола от двух основ с различными корневыми расширениями.

Данная реконструкция несколько ослабляется возможностью происхождения лат. *-u-* < **e* или **o* перед твердым *l* в латыни в приставочном глаголе [Sommer 1914: 57], но никаких указаний на обязательность реконструкции с **e*-ступенью или **o*-ступенью нет. Если же *percussus* < **perkalsos*, это еще один пример на сокращенный рефлекс *al*.

5. Лат. *consulō, consului, consultum, consulere* ‘совещаться, обсуждать, рассуждать; принимать меры, действовать’ родственно греч. ἐλεῖν, аор. εἶλον ‘брать; выбирать’, супплетив к αἰρέω ‘брать, хватать’; гот. *saljan* ‘приносить в жертву’, др.-исл. *selja* ‘передавать, продавать’; др.-ирл. *selb* и валл. *selw* ‘владение’, др.-ирл. *do-sli* ‘зарабатывать’ и т. д. [WH I: 264–265; Vaan 2008: 131; LIV²: 529; IEW: 899; Beekes 2010: 405; Kroonen 2013: 424–425].

Сравниваемые формы дают основание для реконструкции и.-е. **selh₁-* ‘брать, приобретать’.

Ларингал реконструируется на основании латинских и греческих данных.

Изначальная семантика латинского глагола, что достаточно логично, должна быть ‘собираться вместе’ [Vaan 2008: 131]. Супин *con-sultum* и причастие *consultus* могут напрямую восходить к **-s₁h₁-tu-* / **-s₁h₁-to-*, если справедливо выдвигаемое нами предположение о сокращенных рефлексах вида *oR* / *uR*. Также можно предположить развитие **konsaltos* > *consultus*.

Помимо собственно латинских форм стоит отметить формы итальянских языков:

- умбр. *KUMATES* / *comatir* AVL. PL. ‘размолотый’ < **m₁h_{2/3}-to-*, *KUMATU* / *comoltu* IMP. ‘пусть размелет’ < **kom-m₁h_{2/3}-e-tōd* [Prósper 2017: 80];
- многочисленные продолжения напрямую не засвидетельствованного причастия **u₁h₂-to* от глагола со значением ‘быть могущественным, владеть’: гентицилий (родовое имя) *uolta* в Лигурии; фалисск. мужское имя *uoltius, uolta*; венецк. *uoltignos* и т. д. [Prósper 2017: 82–89].

В качестве исключения из ряда форм пяти глаголов с надежной индоевропейской этимологией важно указать на латинский

глагол *-cellō, -ere*, засвидетельствованный только с приставками: *ex-cello, -ere* ‘выдаваться, отличаться’; *prae-cello, -ere* ‘выдаваться, отличаться, превосходить’ (формы перфекта отсутствуют).

Он однозначно восходит к корню с ларингалом, **kelH-* ‘возвышаться, подниматься’, на что указывают родственные балтийские формы с акутовой интонацией, ср. лит. *kėlti* ‘поднимать, возвышать’, *kilti* ‘подниматься, вставать; возвышаться’ [LIV²: 349; IEW: 544]. В латыни засвидетельствованы образованные от него прилагательные *celsus* ‘высокий, высоко поднимающийся; знатный; возвышенный, благородный; гордый, надменный’, *excelsus* ‘высокий; отличный, благородный’, *praecelsus* ‘превосходный’, по форме изначально пассивные перфектные причастия. Вокализм *-e-* в данном случае не имеет однозначного объяснения: теоретически это может быть и аналогия с презенсом, и *e-*степень в праформе **kelato-* с утратой гласного путем нерегулярной синкопы, и даже *el < *ǵH*, если справедливо предположение С. Г. Болотова о том, что сокращенными рефлексам слоговых долгих в латыни могут быть также *iR* и *eR* [Болотов 2014: 40, 45–46].

Наиболее проблематичный аспект, который невозможно не прокомментировать — наличие различных суффиксов у латинских супинов от разных глаголов, а именно *-tum* (*cultum* и *consultum*) и *-sum* (*pulsum, uulsum / uolsum* и *perculsum*). Один из путей — рассматривать вторые формы как аналогические, например, так делается в [Prósper 2017: 80] в отношении *uulsum*. Однако если для *uulsum* можно объяснять появление незакономерного *-s-* влиянием сигматического перфекта, такая стратегия не подойдет для других случаев. Другой подход — реконструкция с **d* основ настоящего времени и супина, как для глагола *pellō* предполагается в [Weiss 2009: 437]. И опять же, невзирая на тот факт, что переход **ID > лат. ll* не вызывает вопросов, соответственно, реконструкция вроде **pel-d-* или **pel-d^h-* теоретически не выглядит невероятной, облик перфектов таких глаголов, а именно *pepulī, perculī*, указывает на отсутствие денального. Наличие **d* в таких формах не подтверждается или не очень хорошо подтверждается для большинства подобных глаголов. Можно сделать вывод, что распределение форм супина с *-tum* и *-sum* удовлетворительно не объяснено.

Как представляется, *s* после *l* может быть получено из **tt* с дальнейшим переходом в *ss > s*, но при этом сама последовательность не обязательно является рефлексом более раннего кластера **dt*. Удвоение **t* в рассматриваемом суффиксе требует дальнейшего объяснения. Не исключено, что на имеющееся распределение воздействуют специфические акцентологические или морфологические параметры.

Формы рассмотренных пяти глаголов представляют собой лучшие примеры, но есть также ряд имен, для которых предпочтительной выглядит реконструкция с ларингалом в корне.

2.2. Имена

6. Лат. *bu-bulcus*, *-ī* м. ‘волопас, пастух коров; погонщик волов’, *su-bulcus*, *-ī* м. ‘свинопас’, итал. *bifolco* ‘мужлан, деревенщина’ < самн. **bu-fulcus* традиционно сравнивается с греч. φύλαξ ‘сторож’, φύλασσω ‘сторожить, охранять’ [WH I: 119; Vaan 2008: 77; Beekes 2010: 1595]. Эта этимология отвергается как М. де Ваном, так и Р. Бекесом, но при принятии определенных фонетических условий сопоставление возможно.

Во-первых, семантически оно возможно потому, что для греческого глагола φύλασσω ‘сторожить, охранять’ в «Словаре древнегреческого эпоса» приведены контексты, в которых этот глагол употребляется именно в отношении охраны скота, ср. μ136 μῆλα φύλασσέμεναι πατρώϊα καὶ ἔλικας βοῦς и т. д. [LfgGE: 1055]. Я. Фриск считает при этом, что данное значение φύλασσω можно назвать скорее исключением при образовании слов для обозначения ‘пастуха’ от других корней [GEW II: 1049], но речь может идти о семантическом сдвиге ‘пасты’ > ‘сторожить’ с сохранением архаической семантики только в редких случаях¹².

¹² Тот факт, что в приведенном контексте речь идет о нимфах, дочерях Солнца, стерегущих отцовские стада, на наш взгляд, не обязательно означает, что глагол не мог употребляться в обыденной жизни: ср. ξ107, где глагол φύλασσω употребляет Эмвей по отношению к самому себе, пасущему свиней.

Кроме того, очевидно, что лат. *bu-bulcus* и *su-bulcus* — весьма архаичные образования, происхождение которых может относиться к праязыковой эпохе. Это доказывается многочисленными формально-семантическими параллелями из различных индоевропейских традиций: др.-инд. *go-pá-* ‘пастух; страж, охранитель’; греч. βουκόλος ‘волопас, пастух коров’ и т. д. В первом случае для создания композита привлекается архаичный корень **peh₂-* ‘охранять; пасти’, во втором — **k^welh₁-* ‘двигать(ся)’. Поэтому употребление в латыни корня, соответствующего греч. φυλάσσω, выглядит правдоподобным.

Остаются проблемы фонетического характера. Прямая реконструкция **b^hul-* выглядит сомнительной ввиду того, что в греческом в таком случае присутствует необъяснимый суффикс -ак-; прибавление **h₂* решает проблему греческой формы, но не подходит для латинской. И в принципе корневой вокализм **u* маргинален: это должен был быть презенс в нулевой ступени от корня вида **b^huel(H)-*. Но есть возможность трактовать греч. φυλάσσω как *φολάσσω. В древнегреческом в таком случае может идти речь о действии закона Каугилла; соответственно, фонетический переход **o > u* мог происходить между губным (в данном случае φ) и плавным λ; похожий случай — греч. φύλλον ‘лист’ ~ лат. *folium*, -ī н. ‘лист, листва’ [Sihler 1995: 42]. Соответственно, *φолак- может восходить к **b^hlHk-*. В греческом, как представляется, рефлексами **R₀H* иногда является oRa, ср. κολάζω от **kelh₂-* ‘бить’¹³.

Если эти рассуждения справедливы, сохраняется примечательная греко-латинская этимология, один из терминов праязыка, связанный с кочевым скотоводством.

7. Лат. *cornū*, -ūs н. ‘рог’: галатск. асс. *kárvon* ‘трубка, рог’ (Hes.); валл. *carn*, корн. бретонск. *karn* ‘копыто’; ср.-ирл. *crū* ‘копыто’; прагерм. **xur-n-a-* ‘рог’: гот. *haurn*, др.-англ. *horn* ‘рог’; греч. κέρας, -ατος, эпич. -αος ‘рог’ [WH I: 276; Vaan 2008: 136–137].

¹³ Отрицание этой этимологии Р. Бекесом [Beekes 2010: 739] не выглядит убедительным: слово κόλος ‘безрогий, с изуродованными рогами (про коров и коз)’ и рассматриваемые глаголы имеют скорее индоевропейский облик. Также κολάζω может быть **o-*ступенью.

На ларингал в обозначении ‘рога’ указывает греч. κέρας ‘рог’ [Beekes 2010: 676–677; Nussbaum 1986: 19–47]. Также его наличие подтверждается производными **k̑rh₂-wó-* ‘рогатый’ [Дыбо 2006: 18] и **k̑rh₂-s-ro-* ‘шершень’ > лат. **crābro, -ōnis* ‘шершень’ [Nussbaum 1986: 248–260]. Шершень был назван так, очевидно, за длинные усики-антенны.

В связи с этим для лат. *cornū, -ūs*, как и для кельтских форм, кажется возможным реконструировать **k̑rh₂-(s)nu-* / **k̑rh₂-(s)no-*. Не исключено, что и лат. *ceruus, -ī* м. ‘олень’ отражает **k̑rh₂-wó-*, хотя возможен и сценарий **k̑erh₂-wó-* > **kerawo* > **keruwo* > *ceruus*.

Традиционно обсуждаемые латинские, кельтские и германские формы реконструируются без ларингала на основании сравнения с др.-инд. *śṅga-* ‘рог’ < **k̑n-g^uo-*, а также авест. *srū-, sruuā-* ‘рог(а)’ [Nussbaum 1986: 1–18]. Тем не менее следует учитывать тот факт, что латинские формы обычно ближе к кельтским и германским, а индоиранские формы могли быть, напротив, инновацией. В последовательности **k̑rh₂n-g^uo-* ларингал мог быть потерян в трехконсонантной последовательности или в (квази)компоните. Авест. *srū-* выглядит продолжением **k̑rh₂uH-* с закономерной потерей ларингала.

8. Лат. *culmus, -ī* м. ‘солома’ родственно тох. В *kulmänts* ‘тростник’; греч. κάλαμος ‘тростник’, καλάμη ‘соломина, стебель; стебель, остающийся на поле после жатвы’; праслав. *sólma*: рус. *солóма*, др.-рус. *солома*, цслав. *слама*, болг. *слáма*, схрв. *слàма*, словен. *sláma*, чеш. *sláma* ‘солома’ и т. д.; лтш. *salms* ‘соломинка’; др.-прусс. *salme* ‘солома’; прагерм. **halma-* ‘стебель, травинка; солома’: др.-исл. *halmr* ‘солома’, др.-англ. *healm* ‘травинка; солома’, совр. нем. *Halm* ‘стебель, соломина’ [WH I: 303–304; Vaan 2008: 150; IEW: 612; Kroonen 2013: 204–205].

Праформа **k̑lH-mo-* может быть реконструирована для греческого и для тохарского В, т. е. *kulmänts* < **k̑lH-m-(nt)-* [Adams 1988: 17]. В тохарском, согласно имеющимся данным, рефлексy слоговых и слоговых долгих совпадают [Adams 1988: 31]. Также наличие ларингала в корне доказывается балто-славянской акутовой интонацией.

Остальные европейские языки уверенно показывают *o*-степень: праслав. *sólma* ‘солома’; лтш. *salms* ‘соломинка’, др.-прусс. *salme* ‘солома’; прагерм. **halma-* ‘стебель; травинка; солома’.

В латыни, как и в случае с *culter*, *-trī* м. ‘нож; бритва’, может быть как *o*-ступень, так и нулевая ступень. Однако реконструкция *o*-ступени в латыни опять же сопряжена с необходимостью видеть либо выпадение ларингала в праформе **kolamos* [Schrijver 1991: 327], либо действие эффекта де Соссюра [Nussbaum 1997: 196–197; Pronk 2011: 189]. Выпадение **a* в контексте **l_m* невозможно, вопреки А. Нуссбауму, признать закономерным: на контекст **l_m* исследователь приводит только два примера:

1) *armus*, *-ī* м. ‘предплечье с лопаткой; передняя лопатка, плечо (у животных)’ < **aramo-* < **h₂arH-mo-*.

2) *palma*, *-ae* ф. ‘ладонь’ < **palamo-* < **p_hl_hmo-* [Nussbaum 1997: 197].

Как показано в работе С. Г. Болотова, оба этих слова восходят напрямую к праформам с долгим слоговым сонантом [Болотов 2014: 42–43], хотя второе и не совпадает по месту ударения с пракельтским **lāma-* (ранее **flāmā*) [Дыбо 2006: 15; Matasović 2009: 132].

В то же время Р. Сен на основании *columen* ‘вершина’ справедливо утверждает, что последовательность согласных *«lm/»* была маргинальным окружением для синкопы, что привело к реализации в виде сохранившихся вариативных форм» [Sen 2012: 214; Sen 2015: 22]. Если бы рассматриваемое слово вело себя как *columen*, у которого есть дублет *culmen*, стоило бы ожидать сохранения более архаичного варианта без синкопы. Переход **lm > ll* в латыни, в отличие от **ln > ll*, не является закономерным.

Соответственно, синкопа в праформе **kolamos* < **k^holH-mo-* сомнительна, а действие эффекта де Соссюра, в свою очередь, не подтверждается балто-славянским материалом, что отмечает и А. Нуссбаум [Nussbaum 1997: 196].

Признание возможности фонетического перехода **jH > *ol > ul* устраняет описанные проблемы для рассматриваемого слова, поэтому *culmus*, *-ī* ‘солома’ является, на наш взгляд, еще одним надежным случаем.

9. Лат. *culter*, *-trī* м. ‘нож; бритва’: очевидно, данное слово может быть производным от различных праязыковых корней вида **Kel(H)-* или **Ker(H)-*, но наиболее часто встречается возведение к корню

**(s)kelH-* ‘разрезать; раскалывать’: хетт. *iškallāri* ‘отрезать; рубать’, лит. *skėlti, skeliù* ‘колоть, раскалывать’, *skilti, skýla* ‘раскалываться, трескаться’; прагерм. **skeljan* ‘разделять; отличать’: др.-исл. *skilja* ‘разделять; различать; понимать’ и т. д. [WH I: 304; Vaan 2008: 151; LIV²: 553; IEW: 923–926; Kroonen 2013: 443].

Если говорить о корне **(s)kelH-*, ларингал надежно реконструируется на основании литовского акута и хеттской геминаты. В LIV² предложена также параллельная реконструкция праформы **(s)kel-* без ларингала для объяснения греч. σκάλλω ‘копать, рыть, разгребать (кучу, огонь)’ [LIV²: 552]. Однако Р. Бекес справедливо указывает, что такое решение не является обязательным: «гемината -λλ- в σκάλλω кажется восходящей к *σκάλ-ιω (с йот-презенсом, как в лит. *skiliù* ‘высекать огонь’) или *σκάλ-νω (с назальным презенсом, как *skilù* ‘раскалывать, отделять’). В первом случае мы могли бы предположить выпадение **H* перед **j* (закон Пино), соответственно, **sklh*_{2/3}-*je/o-* > **skl_l-je/o-* > *σκάλ-ιω. Во втором случае можно предполагать, что праформа **skl_l-ne-h*_{2/3}- сначала дала *σκαλνά-/ *σκαλνω-, а далее произошла тематизация в *σκάλν-ε/ο-» [Beekes 2010: 1340–1341].

Также многие исследователи относили лат. *culter* к корню **sker(H)-* ‘стричь, царапать; рубать’, ср. греч. κείρω ‘стричь’ [Skutsch 1900: 126–127; Sommer 1914: 60; Leumann et al. 1977: 313]. В праформе этого корня ларингал взят в скобки по той причине, что в «Словаре индоевропейских глаголов» реконструируются два корня с формальным и семантическим их разнесением:

- **(s)ker-* ‘стричь, царапать, отрезать’: хетт. *iškāri* ‘колет; жалит’; греч. κείρω ‘стричь; в перен. срубать, вырубать’; арм. *k’erem* ‘соскабливать’; др.-исл. *skera* ‘резать, отрезать; отделять’, др.-в.-нем. *sceran* ‘отрезать’; алб. *shqerr* ‘разрывать, раздирать, расцарапывать’ [LIV²: 556–557];
- **(s)kerH-* ‘разделять, рубать’: умбр. *kartu* ‘distribuito’, лит. *skiriù, skirti* ‘отделять; разлучать, разъединять; различать, отличать’ [LIV²: 558].

Итак, альтернативная этимология предполагает возведение к корню вида **Ker(H)-* со значением ‘резать, стричь’ и т. п. с ассимиляцией

**kVr-tro-* > *culter*. Однако М. де Ван справедливо замечает, что подобная этимология, во-первых, требует дополнительного предположения, а во-вторых, результатом диссимиляции могло также стать *#certulum*, поэтому возведение к **(s)kelH-* предпочтительнее [Vaas 2008: 151].

В пользу точки зрения М. де Вана можно также привести такие именные производные от корня **(s)kelH-* ‘разрезать; раскалывать’, как лтш. *škilis* ‘ein Messer zum Pergelspalten’, ‘нож для разрезания луба’ [ME 4: 39].

На наш взгляд, есть еще один, также достаточно удачный, кандидат для корня, от которого могло быть произведено слово *culter*, *-trī* ‘нож; бритва’: это уже разбиравшийся выше в статье корень **kelh₂-*, переводимый в общем как ‘бить’ и дающий в латыни также важный для исследования глагол *per-cellō, perculi, perculsum, percellere* ‘опрокинуть, повергнуть наземь; поражать, разбивать; потрясать’. Дело в том, что многие глагольные производные корня **kelh₂-* в различных группах скорее указывают на более специфическое значение ‘бить, поражать при помощи тяжелого инструмента’: греч. *κολοῦω* ‘изувечивать; обрезать, обрубить’; лит. *kālti, kalū* ‘ударять (молотом, топором), ковать’, лтш. *kālt, -ļu* ‘бить, ковать’; праслав. **kōlti, *kōljъ* ‘колоть, закалывать’: ст.-слав. *колъж, кламу* ‘закалывать, убивать’.

Более того, если обсуждавшийся корень **kel(H)d-* действительно является расширением, производным от **kelh₂-*, можно привести следующие именные параллели: праслав. **koldivo* ‘молот’; рус. *кладенец* пск. твер. ‘большой нож, которым режут скотину’, ‘булат, сталь, уклад’, фолькл. ‘меч-кладенец’; валл. *cleddyf* ‘меч’, брет. *klézé* ‘меч, клинок’ [IEW: 546; СЖВЯ 2: 286].

Наконец, само латинское слово *culter*, *-trī*, по данным тезауруса, наиболее часто употребляется в контекстах, где идет речь об умерщвлении животных, в том числе жертвенных: «specialiter: ad hostias necandas» [TLL IV: 1316], ‘нож, которым режут скот, в том числе закаляют жертву’ [OLD: 466]. Также от данной основы образовано существительное *culterārius, cultrārius* *-(i)ī* ‘помощник жреца, перерезавший горло жертвенных животных’. Латинская лексема представляет, таким образом, замечательную параллель славянским данным.

Соответственно, корень, от которого произведено лат. *culter*, *-trī* ‘нож; бритва’, содержит ларингал.

В данной именной основе наиболее вероятно наличие либо *o*-ступени, либо нулевой ступени, соответственно, теоретически возможны реконструкции **kolH-tro-* и **k_lH-tro-*. Нулевая ступень в индоевропейских именах с суффиксом **tro-* встречается наряду с полной и **o*-ступенью [Olsen 1988: 7–43], из латыни на *-trum* как параллель можно привести форму *rūttrum*, *-ī* н. ‘заступ, лопата’ < **ruHtrom* с закономерным кельто-италийским сокращением в кратком варианте [Дыбо 2016: 39–40]. Примечательно, что есть и форма *rāster*, *-stri* ‘заступ, мотыга’ с долготным рефлексом на месте нулевой ступени. Соответственно, теоретически обе реконструкции одинаково вероятны, но в случае с *o*-ступенью необходимо прибегать к предположению, что действовал эффект де Соссюра с потерей ларингального в последовательности **oRH-* (для синкопы условий в трехсложной италийской праформе **kolatro-* нет). Поскольку эффект де Соссюра в латыни не является однозначно работающим правилом [Pronk 2011: 186–191], кажется более убедительным трактовать *culter* именно как **k_lH-tro-*, что дает еще один пример фонетического перехода и.-е. **RH* > лат. *oR* / *uR*.

10. Лат. *curtus* ‘укороченный, короткий; неполный, скудный’: наиболее вероятно, что данное слово родственно собственно лат. *carō*, *carnis* ф. ‘мясо’; умбр. *kartu* ‘distribuito’, *karu* ‘часть’; лит. *skirti* ‘отделять; разлучать, разъединять; различать, отличать’; прагерм. **skeran*, ср. др.-исл. *skera* ‘резать, отрезать; отделять’, др.-в.-нем. *sceran* ‘отрезать’ < **skerH-* [WH I: 316–317; Vaan 2008: 158; LIV²: 558; IEW: 938–940; Kroonen 2013: 443–444].

Такие производные глагольного корня **(s)kerH-*, как лтш. *kuīrns* ‘глухой’; праслав. **kǫrнь*, ф. **kǫrna* ‘отрезанный, укороченный’, ср. рус. диал. *кóрный* ‘короткий’ [Дубо 2002: 308], дают хорошее семантическое обоснование для возведения *curtus* именно к корню **(s)kerH-*.

С семантической точки зрения сразу напрашивается сравнение с праслав. **kortькъ* ‘короткий’, но последнее в первую очередь должно сравниваться с лит. *kartūs* ‘горький’ [LEW: 225; SEJL 2021: 630], и первоначальная семантика однозначно не устанавливается.

Возведение к и.-е. **k^wer-* ‘резать, отрезать’ [Meiser 2006: 63; Zair 2017: 258] представляется менее удачным по той причине, что данное значение праязыкового корня надежно прослеживается только в анатолийских языках, а в остальных имеет производное значение ‘делать, творить и т. п.’¹⁴, при этом в латыни глагольные производные вообще не представлены [LIV²: 391–392].

11. Лат. *gurgēs, -itis* м. ‘водоворот’ и *gurguliō, -ōnis* м. ‘горло (дыхательное)’ производны от и.-е. **g^werh₃-* ‘глотать’, *gurg-* должно реконструироваться как **g^wrh₃-g^w[rh₃]-* [WH I: 627–628; Vaan 2008: 275–276] с неполной редупликацией или с корневым расширением. Предположение о выпадении ларингала в композите не представляется однозначным объяснением вокализма латинского слова. Трактовка *ur* < **or* < **rh₃* устраняет сложности.

Н. Заир высказывает сомнение в семантической обоснованности данной этимологии [Zair 2017: 260], но нам она представляется приемлемой.

12. Лат. *mortārium, -ī* н. ‘ступа’: данное слово должно восходить к **morto-* < **m^wrh₂-to-*, форме незасвидетельствованного глагола, производного от корня **merh₂-* ‘толочь, дробить’, ср. хетт. *marrija-* (I) ‘размельчать’; др.-инд. *mṛṇāti* ‘размалывает’; греч. *μαραίνω* ‘гасить; истреблять, уничтожать’ [WH II: 112; Vaan 2008: 390; LIV²: 440].

13 Лат. *multus* ‘многий, многочисленный’: лат. *melior*, греч. *μάλα* ‘весьма, очень, совершенно’, *μᾶλλον* ‘больше’; лтш. *milns* ‘очень много’ [WH II: 124–125; Vaan 2008: 394; Beekes 2010: 895–896; IEW: 720].

При допущении реконструкции корня с ларингалом греч. *μάλα* может отражать напрямую **m^wlh*, а удвоение -λλ- в форме *μᾶλλον* напоминает такое же удвоение в *πολλός, πολλή, πολλόν* ‘многий’ < **polh₁mo-*? (атг. *πολύς, πολλή, πολύ*), до сих пор не объясненное [Beekes 2010: 1221].

Данным словам могут быть родственны следующие балтийские формы: лит. *milžinas* ‘великан, исполин’, *milžinkapis* ‘курган’;

¹⁴ Ср. др.-инд. *kṛṇóti* ‘делает’; валл. *paraf* ‘достигать; добыть, приобрести’; лит. *kuriù, kùrti* ‘разводить (костер), разжигать; создавать, творить; основывать, учредить’.

лтш. *miļzis* ‘великан’, *miļza* ‘груда’. Корень является акутовым в прабалтийском, а лит. *miļžinas* — результат метатонии в именах с суффиксом *-inas* [Derksen 1996: 151].

Б. М. Проспер предлагает следующую любопытную этимологию: исследовательница возводит *multus* к **m̥h₃-to-* < и.-е. **melh₃-* ‘идти вперед, выступать’, ср. греч. βλώσκει, аор. ἔμολον ‘пойти’ [P Prósper 2017: 81]. Для принятия сравнения необходимо реконструировать для корня именно семантику ‘подниматься, возвышаться’, откуда **m̥h₃-to-* ‘поднятый, высокий’, но привлечение алб. *mal* ‘гора’ представляется крайне сомнительным.

3. Некоторые менее надежные случаи

В нескольких случаях невозможно надежно установить, что в корне, от которого произведено латинское слово, был ларингальный, но его надо реконструировать при принятии определенных этимологий или для объяснения отдельных форм.

1. Лат. *adoleō*, *adoluī* и *adolēui*, *adultum*, *adolēre* ‘совершать ритуальное сожжение; кремировать; возжигать огонь (на алтаре); уничтожать огнем, сжигать’ и *adolēscō*, *adolēui* и *adoluī*, *adultum*, *adolēscere* ‘подрастать, расти, созревать’ родственны лат. *alō*, *alui*, *alimum* (*altum*), *-ere* ‘питать’; умбр. *uřetu* ‘(ad)olētō’, ‘пусть он сожжет’; гот. *alan* ‘расти, питать’, др.-исл. *ala* ‘родить; питать, поддерживать’ [WH I: 13–14; Vaan 2008: 24–25; LIV: 262; IEW: 26–27].

Корень **h₂el-* обычно реконструируется без ларингала после **-l-* в таком виде [LIV²: 262], но ср. *alimentum* ‘пища’ и другие родственные слова, *alumnus* ‘вскормленный, воспитанный; воспитанник’, *alumna*, *alumnula* ‘воспитанница’, *alimōnia* ‘питание’ и т. д. [DELL 2001: 23–24], в перечисленных формах *-i-* и *-u-* могут указывать на ларингальный. При признании наличия ларингального в исходе корня форму *adultum* можно трактовать как **-h₂lH-to-*, но такая трактовка, безусловно, не является обязательной: *adultum* может просто продолжать **adoltum* или **adaltum*.

2. Лат. *indulgeō, indulsī, indultum, indulgēre* ‘быть снисходительным, милостивым, благосклонным’: может служить еще одним примером на рассматриваемый фонетический переход, если родственно **d̥l̥Hg^ho-* ‘длинный; долгий’, др.-инд. *dīrghá-*, лит. *ilgas* ‘длинный; долгий’ [WH I: 694–695].

Данная этимология признается наиболее привлекательной в словаре А. Вальде [WH I: 694–695] и с оговоркой принимается Ю. Покорным [IEW: 197].

Согласно обсуждаемой версии, в корне данного слова мог содержаться рефлекс долгого слогового плавного, поскольку глагол возводится к корню **delH(g^h)-* ‘длить; длинный’, от которого произведено праязыковое прилагательное **d̥l̥Hg^ho-* ‘длинный; долгий’. А. Вальде реконструирует непосредственную праформу в виде **en-dolg^h-eīō-* с приставкой; семантически значение ‘потакать, угождать; предаваться’ может быть получено, согласно этой реконструкции, из ‘продлеваться, продолжаться; выносить, терпеть’ [WH I: 695]. Следует отметить, что шва в приводимой праформе не учитывается; в то же время, принимая возможность перехода долгих слоговых сонантов в латыни в *uR (oR)*, можно было бы теоретически реконструировать **en-d̥l̥Hg^h-eh₁-* или **ṅ-d̥l̥Hg^h-eh₁-*.

Интересно отметить, что Ж.-Ж. Пино видит в тох. АВ *tšālp-* ‘уходить, освобождаться’ родственную **d̥l̥Hg^ho-* форму: исследователь реконструирует **d̥l̥h₁-b^ho-* с переходом ‘длиться’ > ‘удаляться’ > ‘уходить, освобождаться’ [Pinault 2017: 643, 650–652]. Само же прилагательное **d̥l̥Hg^ho-* ‘долгий’ трактуется как **d̥l̥h₁-g^hh₁o-* от корней **delh₁-* ‘длиться’ + **g^heh₁-* ‘достигать’ [Pinault 2017: 643–658; Kazan-sky 2020: 350–351]. Если такая реконструкция верна, она может служить хорошей типологической параллелью семантическому переходу ‘длиться’ > ‘быть снисходительным’.

Есть также два альтернативных сравнения. Во-первых, латинский глагол сопоставлялся с праслав. **dьlgъ* ‘долг’, гот. *dulgs* ‘долг’; др.-ирл. *dligim* ‘быть должным; заслуживать’; *dliged* ‘долг; закон; право’ < **d^hlg^hito-* [Vendryes 1923: 428–431; IEW: 271–272].

М. де Ван считает глагол *indulgeō* производным от корня **delg^h-* ‘быть твердым, быть укрепленным’: «если глагол был каузативом

**dolġ^h-eġe-*, можно было бы предполагать семантический переход от ‘заставить кого-л. быть твердым’ к ‘позволить кому-л. быть снисходительным к кому-л.’. В то же время начальный *in-* остается труднообъяснимым. Если анализировать *indulgeō* как стативный глагол на **-eh₁-*, он мог быть образован от отрицательной формы прилагательного **ġ-dlġ^h-ro-* ‘не твердый’. Таким образом, **ġ-dlġ^h-eh₁-* ‘не быть твердым по отношению к’ = ‘быть снисходительным к, потакать’» [Vaas 2008: 302; LIV²: 113].

Можно видеть, что все три этимологии семантически небезупречны; таким образом, теоретическая вероятность наличия в корне долгого слогового плавного остается, хотя и не может быть строго доказанной.

3. Лат. *occulō, cului, cultum, -ere* ‘прикрывать, покрывать, прятать’, арх. лат. OQVOLTOD (CIL 12.581.15): др.-ирл. *celim* ‘покрывать’, *cuile* ‘подвал; кухня’; валл. *celu* ‘покрывать’; др.-англ. *helan* ‘скрывать, прятать; покрывать’ [WH II: 198; Vaas 2008: 423–424; LIV²: 322–323; IEW: 553–554].

Обычно реконструируется без ларингала, но на него может указывать наречие *clam* ‘тайно’ < **k_lH-m*, ср. греч. *πλην* < **pl_h₂-m* [Schrijver 1991: 124–125; Beekes 2010: 1209]. Соответственно, в форме *occultum -ul-* также может быть прямым рефлексом **-_lH-*, но такая реконструкция сомнительна.

4. Лат. *collis, -is* м. ‘холм’: основа однозначно произведена от корня с ларингалом, ср. лит. *kálnas* ‘гора’ [WH I: 245; Vaas 2008: 124]. Но нулевая ступень отчетливо реконструируется только в германских языках, наряду с *o*-ступенью, ср. др.-исл. *holmr* ‘речной островок; место для хольмганга (поединка викингов на острове); холм’ при *hall-r* м. ‘большой камень, валун’ [Kroonen 2013: 254; Orel 2003: 156, 191].

Вероятность наличия нулевой ступени в праформе для слова *collis, -is* мала, учитывая относительно неширокое распространение таковой в других группах индоевропейских языков (только в германских формах).

Однако есть фонетическая проблема, которая с трудом решается для праформы **kolH-ni-*: она должна была бы дать **kolani-* и далее

#*colnis* без ассимиляции $*ln > ll$. Этимология А. Нуссбаума, согласно которой *collis* < $*kol(H)\text{-}ui$ - [Nussbaum 1997: 195], также сомнительна, поскольку переход $*l\mu > ll$, а тем более $*l(H)\mu > ll$, не подтверждается однозначно имеющимся латинским материалом (см. ниже). Если принимать возможность сокращенного рефлекса $*ol < *lH$, можно допустить раннюю закономерную ассимиляцию, поэтому такую возможность не стоит исключать.

5. Лат. *culcita*, -ae ф. ‘матрас, тюфяк’: др.-инд. *kūrca-* ‘клок чего-л.; клок травы, в том числе для сидения’ < $*k_lHk$ - [WH I: 302; Vaan 2008: 150; Uhlenbeck 1899: 62; EWAia I: 386].

Данная старая этимология обычно отвергается в современных работах [EWAia I: 386; Vaan 2008: 150], потому что, согласно стандартным представлениям об отражении долгих сонантов в латыни, лат. *ul* не может являться рефлексом слогового сонанта. Соответствие лат. *u* : др.-инд. *ū* также проблематично. Тем не менее в случае признания возможности предлагаемой трактовки лат. *ul* < $*lH$ обсуждаемая этимология может быть с сомнением принята.

6. Лат. *fors*, *fortis* ф. ‘случайность, неожиданность, непредвиденный случай’ обычно сравнивается с лат. *ferō* ‘нести’ и выводится из и.-е. $*b^her$ - ‘носить, нести’ и реконструируется как $*b^h_r\text{-}ti$ - [Vaan 2008: 236].

Существует альтернативная этимология. Если считать родственными словами лит. *būrtai* pl. ‘жребий; ворожба’, др.-ирл. *bráth*, gen. sg. -o ‘суд’ [WP II: 161], лат. *fors* может восходить к $*b^h_rHti$ -. Сопоставление семантически небезупречно, но заслуживает внимания.

7. Лат. *fulciō*, *fulsī*, *fultum*, *fulcīre* ‘подпирать’: если данный глагол родствен греч. *φάλαγξ*, -αγγος ‘продолговатый кусок чего-л. (особенно дерева); ствол, обрубок’ и лат. *sufflāmen* ‘тормоз; задержка, препятствие’ [WH I: 559], *fulciō* может продолжать $*b^h_lHk\text{-}eje$ -, а *fultum*, соответственно, $*b_lHk\text{-}tu$ -. Тем не менее несовпадение лат. *c* ~ греч. *γ* делает эту этимологию практически невероятной.

Также интересна этимология М. де Вана, который думает, что *fulciō* может быть родственно рассмотренному выше *-bulcus* ‘пастух’ [Vaan 2008: 77]; если принять ее, хотя она относительно слаба семантически, также необходимо реконструировать ларингал.

8. Лат. *fuluus* ‘темно-желтый, коричнево-желтый; *dē rūfō atque uiridī mixtus*: смешанного красного и зеленого цвета Gell. 2, 26, 11’: этимология данного слова недостаточно ясна, существует несколько возможностей трактовки. Но все корни, к которым данное слово можно попытаться возвести, содержат конечный ларингал.

Прежде всего можно думать, что *fuluus* — это дублетная форма лат. *flāuus* ‘огненно-желтый, золотистый; поэт. белокурый, светлокудрый’, тогда оба слова должны возводиться к **b^hl^h₃-wo-*, ср. др.-ирл. *blār* ‘серый’, ср.-ирл. *blā* ‘желтый’; валл. *blawr* ‘серый’; др.-в.-нем. *blao* ‘голубой’ [WH I: 513–514; Vaan 2008: 225; IEW: 160]. Трудно-объяснимым является наличие сразу двух различных рефлексов у одной праформы, но можно предположить, что наблюдается колебание в ударении (**b^hl^h₃-wó-* ~ **b^hl^h₃-wo-*). Важно, что в латыни подобные случаи известны, наиболее примечательный — *farnus*, -ī f. ‘яшень’ < **b^hl^hġ(s)nó-* при *frāxinus*, -ī f. ‘яшень; ясеневый дротик’ < **b^hl^hġ-selino-* [Дыбо 2006: 23; Болотов 2014: 42]. Обсуждаемая этимология *fuluus* приводится как основная в этимологическом словаре А. Вальде, но с отличной трактовкой *flāuus* < **b^hlā-wo-* наряду с *fuluus* < **b^hl^h-wo-* [WH I: 561].

Именно сопоставление *fuluus* с *flāuus* представляется наиболее привлекательным.

Также делались попытки сравнить *fuluus* с др.-в.-нем. *gelo* ‘желтый’, греч. *χλωρός* ‘зеленый; зеленовато-желтый; желтый’ и т. д. < **ġ^helh₃-* ‘желтый; зеленый’ [Brugmann 1897: 324], но, поскольку в латинском закономерным рефлексом начального **ġ^h* является *h-* (ср. *heluus* ‘янтарно-желтый, буланный; *colōre boum quī est inter rūfum et album appellāturque heluus*: цвета быков, который является средним между рыжим и белым и называется *heluus* Paul. Fest. 99’), такое сравнение лучше отклонить (но ср. *fundō*, -ere ‘лить’ < **ġ^hund-*).

М. де Ван полагает, что наиболее привлекательно сравнение с армянскими формами *delin* ‘желтый’, *delb* ‘желтый; блондинистый’, *dallowkn* ‘желтуха’; он реконструирует корень **d^helH-* с нулевой ступенью **d^hlH-* [Vaan 2008: 248].

Таким образом, последовательность **ul* в лат. *fuluus* с большой вероятностью восходит к **l^hH-*.

9. Лат. *furca*, -ae f. ‘вилы’ ~ лит. *žirkłės* PL. ‘ножницы’ [WH I: 569–570; Vaan 2008: 251–252].

Этимология сомнительна. Сравнение лат. *furca* с литовским словом наталкивается на проблему с анлаутом, поскольку и.-е. $*\acute{g}^h$ в латыни предполагает рефлекс *h*. Соответственно, данное сравнение стоит признать слабым.

Можно думать о развитии $*\acute{g}^h\eta\text{-}Hkeh_2\text{-} > *hurk\bar{a} > furca$ с фонетическим переходом $*h\text{-} > f\text{-}$ перед $*-u\text{-}$, ср. *fundō*, -ere ‘лить’ < $*\acute{g}^h\text{-}und\text{-}$ [Zair 2017: 259]. Но стоит отметить, что в *fundō* гласный $-u\text{-}$ является этимологическим, а в словах *furca* и *fuluus* он должен был развиваться из $*-o\text{-}$.

10. Лат. *mulleus* ‘красного цвета (о полосе, первоначально на тоге царей Альбы Лонги, а затем римской патрицианской)’ сравнивается с лит. *muļvas* ‘красноватый’, *muļvas* ‘грязь’; *muļvė* ‘тина, ил’ [WH II: 122–123; Vaan 2008: 393–394; IEW: 720–721].

Литовские формы получили циркумфлекс в результате метатонии, соответственно, исходной интонацией был акут [Николаев 1989: 90], указывающий на ларингал в корне. Все перечисленные слова могут быть родственными греч. μέλας ‘черный’ < $*melh_2\text{-}$ [Beekes 2010: 923–924]¹⁵. Праформа для латыни в таком случае должна реконструироваться как $*m\eta\text{-}Hno\text{-}$ или $*m\eta\text{-}H\eta o\text{-}$, хотя переход $*\eta > \text{ll}$ обоснован в меньшей степени, о чем подробнее будет сказано ниже.

Семантически сопоставление значений ‘красный’ и ‘черный’, ‘грязь’ выглядит сомнительным. С долгим \bar{u} в [Bennett 1907: 61].

11. Лат. *pollen*, -inis n. ‘мука’ и лат. *puluis*, -eris m. ‘пыль’: греч. πάλλη ‘мука тонкого помола; мелкая пыль’ [WH II: 331–332; Vaan 2008: 477; Beekes 2010: 1146–1147].

Рассматриваемые слова могут восходить к и.-е. $*pelh_1\text{-}$, ср. греч. πάλλω ‘трясти, потрясать, махать’ [LIV²: 469–470; IEW: 801]. Также сравнивают лат. *puls*, *pultis* f. ‘крутая похлебка, каша из полбы’ и греч. πόλτος ‘полбяная каша или похлебка’, хотя есть и возможность субстратного происхождения [Vaan 2008: 498; Beekes 2010: 1220].

¹⁵ Обращает на себя внимание литовский рефлекс *ul* вместо *il*. В. Смочинский реконструирует $*\eta$ [SEJL: 1076]; о явлении [Stang 1966: 77–82].

Для *pollen* реконструируется парадигма **polen*, **polne/os* с выравниванием по косвенным падежам [WH II: 331; Vaan 2008: 477]. При признании перехода **lH > ol* можно реконструировать **p_lh₁-nel os*. Лат. *pulvis* в таком случае продолжает **p_lh₁-uo-*.

12. Лат. *portiō*, *-ōnis* ф. ‘порция’ ~ *pars*, *partis* ф. ‘часть; участие, доля’ < **p_rh₃-tí-* [WH II: 257–259; Vaan 2008: 448].

Примечательно, что данные слова имеют по существу одну праформу. С самых ранних эпох развития латинского языка наиболее часто употреблялось только в словосочетании *pro partiōne* ‘в степени, присущей каждому; пропорционально’, поэтому считается, что в этом сочетании могла произойти ассимиляция из **pro partiōne* [Walde 1921: 93; WH II: 258] или из **pro ratiōne > *prōrtiōne* с диссимиляцией [Vaan 2008: 448].

13. Лат. *pulcher*, *-chra*, *-chrum* ‘красивый’, арх. *polc(h)er*: если данное слово имеет первоначальное значение ‘отборный’ и связано с глаголом *poliō*, *-īre* ‘делать гладким, шлифовать, полировать’, а сам этот глагол — с праслав. **pōlti* ‘полоть’ < **pelh₁-* [LIV²: 469–470; Klingenschmitt 1982: 231–232; Откупщиков 2001: 279–280; Solopov 2002: 235–252], можно реконструировать **p_lH-kro-*.

А. И. Солопов реконструирует предполагаемую праформу **polu-kro-* или **poli-kro-* с приведением параллелей *uolucer*, *-cris*, *-cre* ‘летучий, крылатый’, *lūdicer*, *-cra*, *-crum* ‘служащий для приятного препровождения времени, для забавы; театральный, драматический’ [Solopov 2002: 245]. Безусловно, исследователю приходится предполагать синкопу, но очевидно, что она нерегулярна при наличии таких параллелей. Поэтому реконструкция **p_lH-kro-* может служить заслуживающей внимания альтернативой.

Традиционное возведение *pulcher* к **perk-ro-* и сравнение с др.-инд. *p_rśni-* ‘пестрый’, греч. *περκυός* ‘черноватый, темноцветный, темный’ и ср.-ирл. *erc* ‘пятнистый; темно-красный’; валл. *erch* ‘темно-коричневый’ [WH II: 384; Vaan 2008: 496] не является оправданным семантически с точки зрения изначального значения ‘отборный’, хорошо обоснованного А. И. Солоповым [Солопов 1994: 14–17; Solopov 2002: 241–251].

14. Лат. *pullus* ‘грязный, черный (по природе и от грязи), серовато-черный, черноватый, темного цвета, темно-зеленый’ традиционно

считается родственным *palescō*, ‘быть бледным, бледнеть’ [WH II: 386; Vaan 2008: 497].

У этих слов есть следующие достоверные когнаты: лит. *paĩvas* (4) ‘палевый, соломенного цвета’, праслав. **polvъ*: др.-рус. *половь*, рус. *полово́й* ‘светло-желтый, блеклый’, укр. *полови́й* ‘желтый, красно-желтый’, ст.-слав. *плавъ* λευκός (Остром.), болг. *плав*, схрв. *plāv*, *pláva*, *plávo* ‘голубой, светловолосый’, словен. *plāv*, *pláva* ‘голубой’, чеш., слвц. *plavý* ‘блеклый, буланный, светло-желтый’, польск., в.-луж., н.-луж. *ptowu* ‘блеклый, соломенный’; прагерм. **falwa-* ‘бледный’: др.-исл. *fǫlr*, др.-англ. *fealo* ‘бледный’, др.-в.-нем. *falo* ‘коричнево-желтый, желтый’ [LEW: 534; SEJL 2021: 1138; Kroonen 2013: 126–127; ЭСРЯ-3: 313].

Литовский циркумфлекс в данном случае вторичен и появился в результате метатонии, на что указывают родственные литовские слова *pálsas* (3) ‘светло-серый’, *pilkas* (3) ‘серый’ [Николаев 1989: 90; Derksen 1996: 85]. Тот факт, что балто-славянские формы указывают на акутовую интонацию, говорит в пользу реконструкции **pelH-* для данного корня. Таким образом, *pullus* с большой вероятностью продолжает **polnos* < **pl̥H-no-*.

Соответственно, и *pullus*, и *palescō* могут быть реконструированы с нулевой ступенью корня, то есть **pl̥H-*. Проблему в данном случае представляют два разных рефлекса **l̥H*, а именно *al* и *ul*.

15. Лат. *sollus* ‘полный, целый’ ~ *saluus* ‘сохранный, невредимый, целый’ < **sl̥H-*, ср. оскск. *salavs* ‘saluus; целый’, умбр. *salu vom*, *sal vom* ‘saluum; целого’; др.-ирл. *slán* ‘целый, невредимый, здоровый’; тох. А *salu*, тох. В *solme* ‘целый’; др.-инд. *sárva-* ‘целый, весь’ [WH II: 556; Vaan 2008: 571–572; IEW: 979–980].

Примечательно чередование *ol* ~ *al* в корне данного слова. Эти формы привлекали внимание исследователей в связи с эффектом де Соссюра [Nussbaum 1997: 188–192].

Судя по итальяйским соответствиям, латинская форма *saluus* продолжает **sal(a)uo-*.

При этом форма *sollus* нуждается в трактовке. А. Нуссбаум полагает, что праформа **solh₂-no-* с выпадением ларингального — наиболее предпочтительный вариант реконструкции, хотя теоретически

можно было бы реконструировать **solh₂-uo-*, **solh₂-do-* или даже **solh₂-d^hh₁o* [Nussbaum 1997: 190].

Вариант **solh₂-uo-* вызывает вопросы: после синкопы ожидаемой была бы форма *#soluus*, поэтому необходимо либо предполагать действие эффекта де Соссюра, либо думать, что лат. *sollus*, как и др.-инд. *śárva-* ‘целый; весь’ и греч. ὅλος, эпич. ион. οὔλος ‘целый; полный’, образованы от основы **solh₂-u-* с дальнейшей тематизацией и выпадением ларингала [Pronk 2011: 188–189].

При допущении закономерности перехода **R̥H > лат. oR* можно думать, что *sollus* продолжает **s̥l̥h₂-no-*, как и др.-ирл. *slán*, но с другим ударением. Разведение Ю. Покорным др.-ирл. *slán* ‘целый, невредимый, здоровый’ с остальными вышеприведенными родственными словами и сравнение с лат. *sōlor*, *-ātus*, *-āri* ‘утешать; облегчать, смягчать’ и греч. ἰλάσκομαι ‘умилюствовать, примирять; смягчать’ [IEW: 900; Matasović 2009: 345] представляются необоснованными с семантической точки зрения; примечательно, что М. де Ван не приводит эту кельтскую форму среди этимологических соответствий лат. *sōlor*, *-ātus*, *-āri* [Vaan 2008: 572].

16. Лат. *ulcīscor*, *ultum*, *ulcīscī* ‘мстить’: греч. ὀλέκω ‘губить; уничтожать; убивать’ [WH II: 810–811; Vaan 2008: 636–637].

Если данная этимология верна, теоретически можно возводить *ultum* к **h₃l̥h₁-k-tu-*. Существует альтернативное сравнение с греч. ἄλαλκε ‘отразил, защитил’ и ἀλκή ‘сила, крепость; защита, помощь’ [LIV²: 264], а также с лат. *ulcus*, *-eris* N. ‘рана, нарыв’ < **elkos*; др.-инд. *árśas-* N. ‘геморрой’; греч. ἔλκος ‘рана, ос. гнойная язва’ [WH II: 810; IEW: 310]. Все приведенные этимологии семантически безупречны, но первая кажется предпочтительной.

17. Лат. *uulua*, *-ae* F. арх. лат. *uolua* ‘женские половые органы’.

Данное слово в этимологической литературе обычно связывается с др.-инд. *úlva-* ‘оболочка зародыша’ [WH II: 831–832], однако параллельная древнеиндийская форма *úlba-* может указывать на заимствованный характер данного слова [Kuiper 1955: 179; Nikolaev 2021: 16]. Альтернативное сравнение с лат. *uoluō*, *-ere* ‘катить, вертеть, вращать’ [Vaan 2008: 689] также не представляется бесспорным.

Сопоставление с др.-инд. *ūrú-* ‘бедро’¹⁶ и хетт. *walla-* ‘бедро’ [Nikolaev 2021] позволяет реконструировать праформу $*u_2H-ueh_2$. Данная идея кажется удачной ввиду того, что обозначение бедер может переноситься на половые органы, ср. др.-инд. *sakthī* (du.) ‘бедро’.

4. Интерпретация приведенных примеров

Итак, можно суммировать рассмотренный материал.

Надежные примеры

1. *pulsum* / *pulsus*, венетск. *poltos* < праит. $*polto-$ < $*p_2Htu-$ / $*p_2Hto-$
2. *cultum* / *cultus* < $*k^w_2[h_1-tu-$ / $*k^w_2[h_1-to-$
3. *uolsum(us)* / *uulsum(us)* < $*u_2H-tu-$ / $*u_2H-to-$
4. *perculsum* / *perculus* < $*-k_2[h_2-tu-$ / $*-k_2[h_2-to-$
5. *consultum* / *consultus* < $*-s_2[h_1-tu-$ / $*-s_2[h_1-to-$
6. *bu-bulcus* < $*b^h_2H-ko-$
7. *cornu*, *-ūs* < $*k_2^h h_2-nu/o-$
8. *culmus* < $*k_2^h H-mo-$
9. *culter*, *-tri* < $*k_2[h_2-tro-$ или $*(s)k_2H-tro-$
10. *curtus* < $*(s)k_2H-to-$
11. *gurges* < $*g^w_2 h_3-g^w-$
12. *mortārium* < $*m_2H-to-$
13. *multus* < $*m_2H-to-$

Сомнительные примеры

1. *adultus* < $*h_2l(H)-to-$
2. *indultus* < $*-d_2lHg^h-to-$
3. *occultus* < $*-k_2H-to-$
4. *collis* < $*k_2H-ni-$

¹⁶ Древнеиндийское слово объяснено А. С. Николаевым как происходящее из праформы $*u_2H-Lu-$ или $*u_2H-Lo-$ с дальнейшим переходом в $*ūrru-$ или $*ūrra-$ и дегеминацией [Николаев 2021: 11–19].

5. *culcita* < *k_lHk-
6. *fors* < *b^hrHti- ?
7. *fulciō* < *b^hlHg- или *b^hlHk-
8. *fuluus* < *b^hlh₃-uo-
9. *furca* < *g^hrHkeh₂-
10. *mulleus* < *m^hh₂-nejo-
11. *pollen* < *p^hh₁-ne/os; *pulus* < *p^hh₁-ui-
12. *portiō* < *p^hh₃-ti-
13. *pulcher* / *polcher* < *p^hH-kro-
14. *pullus* < *p^hlH-no-
15. *sollus* < *s^hh₂-no-
16. *ultum* / *ultus* < *h₃lh₁-k-to-.
17. *uulua* / *uolua* < *u^hlH-ueh₂.

Рассматриваемые примеры показывают, что в отдельных случаях сокращенным рефлексом долгих слоговых плавных сонантов может быть *oR* (*uR*), а не *aR*. Рефлексов для носовых сонантов вида *oN* (*uN*), то есть *on*, *om*, *un*, *um*, нами не обнаружено. Необходимо найти объяснение для всех подобных фактов.

Что касается лат. *or*, данное сочетание является в том числе закономерным рефлексом и.-е. **r*. В некоторых случаях происходит переход в *ur*, причины которого не выяснены; Н. Заир предполагает, что это могли быть умбрские по своему происхождению формы [Zair 2017: 285]. Высказывалось мнение, что *or* переходит в *ur* после **u* и лабиовелярных **k^u*, **g^u* и **g^{uh}*, хотя есть значительное количество контр-примеров [Meiser 2006: 63–64].

Относительно *ol* известно, что это сочетание переходит в *ul* в латыни, когда *l* стоит в коде закрытого слога перед согласным и является веляризованным; при этом изначальный рефлекс *ol* может продолжать **el*, **ol* и **l* [Leumann et al. 1977: 48].

Таким образом, теоретически *ul* на месте **lH* должно продолжать **ol* и в тех случаях, когда нет положительных раннелатинских свидетельств или внутрииталийских параллелей, прямо доказывающих изначальный характер гласного. Остается проблема трактовки исходных праиталийских рефлексов вида **or* / **ol*.

Традиционно латинские рефлексы *or / ol* в рассматриваемых формах объясняется как **o*-ступень с потерей ларингала (эффект де Соссюра). В отдельных случаях *ol* может продолжать **el*, ср. *ulcus, -eris* м. ‘рана, нарыв’ < **elkos* [Vaas 2008: 637].

Здесь сразу необходимо отметить, что действие в латыни эффекта де Соссюра в целом не является достаточно подтвержденным: есть мало примеров на его действие, а многие из этих примеров могут иметь иную трактовку; кроме того, нельзя считать эффект де Соссюра праязыковым явлением [Pronk 2011: 186–191].

В дополнение необходимо отметить, что Л. ван Бек в статье про действие эффекта де Соссюра в греческом успешно, на наш взгляд, уточняет условия: **VLHNV* > *VLNV*, причем вокализм первого слога не имеет значения:

- τόλμᾱ (Pind.), ион.-атт. τόλμη ‘отвага, смелость, дерзость’ < и.-е. **telh₂-*;
- τόρμος ‘просверленное отверстие; стержень, колышек, шип’ < и.-е. **terh₁-* (τέρετρον ‘бурав’) или и.-е. **terh₃-* (как в τореῖν ‘протыкать, прокалывать’);
- τόρνος ‘плотницкий циркуль; долото, резец’ (Thgn.), откуда τоруόμαι ‘чертить круг, округлять’ < и.-е. **trH-no-*;
- ион.-атт. λόρνη ‘проститутка’ < и.-е. **perh₂-* ‘продавать’ [Beek 2011: 159–160].

Примеры с **e*-вокализмом:

- στέρνον ‘грудь’ < **sterh₃-no-*;
- τέρμα ‘цель (мета в ристалище); граница, предел, конец’ (Π.+) и τέρμων ‘то же’, родственные лат. *termō, -ōnis* м. ‘пограничный камень, межевой знак’, *termen, -inis* м. ‘пограничный камень’ < **terh₂-mḡ-* от корня **terh₂-* ‘переходить, пересекать’;
- ἔλλός (Od.) ‘оленок, молодой олень’ наряду с ἔλαφος ‘олень (м., ф.)’ (Π.+) [Beek 2011: 163–165].

Если принять такую трактовку эффекта де Соссюра и для латинского языка, из рассмотренных в списке примеров следующие формы теоретически могли появиться в результате действия этого правила:

- лат. *culmus* ‘солома’ < **kolamo-* < **kolH-mo-*;
- лат. *collis* ‘холм’ < **kolani-* < **kolH-ni-*;
- лат. *sollus* ‘целый’ < **solano-* < **solh₂-no-*;
- лат. *fuluus* ‘темно-желтый, коричнево-желтый’ < **folawo-* < **b^holh₃-uó-*;
- лат. *mulleus* ‘красного цвета’ < **molanejos* < **molh₂-nejo-*;
- лат. *pollen* ‘мука’ < **polane/os-* < **polh₁-ne/os-*;
- лат. *puluis* ‘пыль’ < **polawi-* < **polh₁-uo-*;
- лат. *pullus* ‘грязный, серовато-черный, черноватый, темного цвета, темно-зеленый’ < **polanos* < **polH-no-*;
- лат. *cornū* ‘рог’ < **koranu-* < **korh₂-nu-*;
- лат. *uulua* / *uolua* < **wolawo-* < **u_lH-ueh₂*.

Также существует форма, которая явно содержит **o*-степень в родственных индоевропейских языках: лат. *uolnus* / *uulnus*, *uolneris* / *uulneris* н. ‘рана’ < **wolanos* < **uolH-no-*, ср. греч. οὐλή ‘шрам, рубец’ [WH II: 827; Vaan 2008: 687].

Но как раз тот факт, что в слове *uolnus* / *uulnus* сохраняется сочетание *ln*, в то время как во всех приведенных нами примерах происходит переход **ln* > **ll*, заставляет считать для них предпочтительной реконструкцию с нулевой степенью и ранним переходом в **ol*.

Также стоит отметить, что переход **lu* > *ll* не происходит ни в одном примере, ни в *fuluus*, ни в *puluis*, хотя он считается закономерным в литературе [Leumann et al. 1977: 214; Sihler 1995: 180–181]. Но стоит отметить, что исследователи приводят всего два случая, доказывающие правомерность перехода **lu* > *ll*, при этом рассматриваемые случаи могут трактоваться иначе. Лат. *sollus* ‘полный, целый’, как нами установлено, следует напрямую сравнивать с др.-ирл. *slán* ‘целый, невредимый, здоровый’ и реконструировать в виде **slh₂-no-*. Лат. *mollis* ‘мягкий’ < и.-е. **m_ld_ui-* может отражать *ll* < **ld* с потерей последнего члена трехконсонантного сочетания **ldu*; эту возможность отмечает Э. Зилер, хотя и считает не подтвержденной другими примерами [Sihler 1995: 181]. Также для *fuluus* и *puluis* возможна реконструкция **o*-основы, поскольку праформы **folawo-* и **polawo-* могут давать **foluwo-* и **poluwo-* и далее — засвидетельствованные формы.

Надо отметить, что в греческом как контрпримеров, так и подтверждений действия правила для звукового окружения **oRHCV* или **VRHCV*, где *C* — любой другой согласный, нет. Однако в латыни контрпримеры можно найти:

- лат. *domitor*, *-ōris* м. ‘укротитель, покоритель’ < **domator* < **domh₂-tor-*;
- лат. *genitor*, *-ōris* м. ‘родитель, отец’ < **genator* < **ġenh₁-tor-*;
- лат. *molitum* / *molitus* ‘молотый’ < **molh₂-tu-* / **molh₂-to-*; *molucrum*, *-ī* н. ‘метла для очистки жерновов’ < **molh₂-kro-*;
- лат. *uomitus*, *-ūs* м. ‘рвота’, *uomica*, *-ae* ф. ‘гной; язва, нарыв’ < **uemh₁-tu-* и **uemh₁-keh₂-*.

Учитывая тот факт, что существует краткостный рефлекс *ar/al* < **rH/* **lH*, можно допустить, что параллельно существовало краткостные рефлекс **or*, **ol* (и **el?*), которые давали лат. *or* и *ol* и далее *ul* в ряде случаев.

Иногда же и сочетание **al* могло переходить в *ul*; однозначные примеры наблюдаются после приставок:

- *insulsus* ‘несоленный; бестолковый, нелепый, пошлый’ наряду с *salsus* ‘соленный’ [Sen 2012a: 17];
- *insultō*, *-āre* ‘скакать, прыгать; впрыгивать’ наряду с *saltō*, *-āre* ‘танцевать, плясать’ и т. д.

Из составленного в статье списка можно выделить следующие теоретически возможные случаи *ol* < **al*:

- лат. *percussus* < **perkaltos* или **perkoltos*;
- лат. *consultus* < **konsaltos* или **konsoltos*;
- лат. *adultos* < **adaltos* ?
- лат. *indulgeō*, *indultus* < **en-dalg-to-* или **en-dolg-to-* ?

Оставшиеся случаи указывают на **ol* < **ol* или **el*.

Надежные примеры:

- лат. *pulsus*, венетск. *poltos* < **polto-* < **plH-to-*;
- лат. *cultus* < **kolto-* < **k^wlh₁-to-*;
- лат. *uolsus* / *uulsus* < **uolto-* < **ulH-to-*;

- лат. *culter* < *koltro- < *k_lh₂-tro- или *(s)k_lH-tro-;
- лат. *bu-bulcus* < *-folco- < *b^h_lH-ko-;
- лат. *curtus* < *korto- < *(s)kr_lH-to-;
- лат. *gurgēs* < *gorg- < *g^w_lh₃-g^w-;
- лат. *mortārium* < *morto- < *m_lh₂-to-;
- лат. *multus* < *molto- < *m_lH-to-.

Сомнительные примеры:

- лат. *culcita* < *kolk- < *k_lHk-;
- лат. *fors* < *forti- < *b^h_lH-ti-;
- лат. *fulciō* < *folk- < *b^h_lHg- или *b^h_lHk-;
- лат. *furca* < *hura- ? < *g^h_lHkeh₂-;
- лат. *portiō* < *porti- < *p_lh₃-ti-?;
- лат. *pulcher* / *polcher* < *p_lH-kro-;
- лат. *ultum* / *ultus* < *h₃h₁-k-to-.

Допустимо предполагать, что *ol < *el в тех случаях, когда в пра-форме содержался *h₁, хотя доказать строго такое предположение невозможно.

Другой стратегии объяснения придерживается Б. М. Проспер. Исследовательница предполагает, что переход *_lH > ol происходил в контексте #C_[+lab]_lHС с потерей ларингала и далее стандартным развитием *_l > ol. Впрочем, такие очевидные контрпримеры, как *lāna* ‘шерсть’ < *_l_lH-neh₂ и *plānus* ‘плоский, ровный’ < *p_lh₂-no¹⁷, заставляют уточнить правило, схематически #C_[+lab]_lHС_[+stop] [Prósper 2017: 97]. Но подобный механизм представляется сомнительным и фонетически труднообъяснимым. В то же время на большем количестве примеров, приведенном в данной статье, можно действительно наблюдать практически полное преобладание начальных согласных *c*, *u*, *f*, *m* и *p*, из которых только *c* < **k* или **k̂* не содержит лабиального элемента. Такое распределение может, на наш взгляд, иметь другое объяснение. Если иметь в виду, что речь идет о сокращенных безударных

¹⁷ Следует отметить, что возможна реконструкция *pleh₂-no-, ср. лит. *plónas*, лтш. *plāns* ‘тонкий’.

рефлексах, в ряде случаев реализующихся в виде *ar* и *al*, можно полагать, что их изначальный вид — это $*a^{(a)}$ и $*a^{(o)}$, а начальные лабиальные и лабиализированные, а также заднеязычные согласные влияли на характер гласного, в результате чего появлялись рефлексы вида *or* ~ *ur* / *ol* ~ *ul*. Конечно, подобное предположение осложняется наличием ясных контрпримеров: ср. *calx*, *calcis* vs *cultus* и *culcita*; *pars*, *partis* vs *pulsus*. Тем не менее переход в *o* после *c*, *u*, *f*, *m* и *p* мог быть лишь тенденцией и блокироваться в невыясненных обстоятельствах (можно предположить влияние *i* второго слога).

Таким образом, можно считать доказанным, что *oR* / *uR* в ряде случаев являются рефлексами $*RH$. Лишь некоторые формы можно объяснить как $*o$ -ступени с потерей рефлекса ларингального в результате действия уточненного эффекта де Соссюра. Остальные формы не могут однозначно рассматриваться как $*o$ -ступени с дальнейшей синкопой, поскольку такая синкопа не является закономерной и нет параллельных форм с сохранением гласного ни у одной из рассмотренных лексем.

Как представляется, и рефлексы вида *aR*, и рефлексы вида *oR* возникали в безударном положении. Если даже изначально эти рефлексы выглядели как $*aR^o$ и $*oR^o$, заключительные элементы таких сочетаний рано выпадали, а не превращались в полногласные варианты.

Выясняется, что в латыни вообще достаточно сложная система рефлексов долгих слоговых сонантов.

1. Бесспорными являются рефлексы вида $R\bar{a}$, то есть $r\bar{a}$, $l\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$.
2. Достаточно убедительно доказаны рефлексы вида $R\bar{e}$ и $R\bar{i}$ [Болотов 2012].
3. Предпринята попытка доказать наличие в ряде случаев рефлексов вида $R\bar{o}$ [Трофимов 2019].
4. Убедительно доказаны сокращенные рефлексы вида aR [Дыбо 2006].
5. Предлагалась трактовка лат. $iR < *RH$ [Болотов 2014].

Распределение рефлексов до конца неясно; очевидно только, что сокращенные рефлексы возникали в безударном положении, а долготные рефлексы $R\bar{a}$, $R\bar{e}$ ($R\bar{i}$) и $R\bar{o}$ частично распределены в зависимости

от наличия в праформе $*h_2$, $*h_1$ или $*h_3$. Характер гласного в латинских сокращенных рефлексах вида $aR \sim oR \sim uR$ тоже может быть обусловлен характером ларингального, но однозначная корреляция не прослеживается, более того, перед веларизованным l (а это значительная часть всех рассмотренных случаев) во многих случаях происходит совпадение, вероятно, трех типов рефлексов, $*al$, $*ol$ и $*el$ в лат. *ul*. Еще одним фактором возникновения обсуждаемых рефлексов вида oR/uR могли служить характер начального согласного слога и вокализм последующего.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; ABL. — ablativus; AOR. — aoristus; F. — femininum (genus); GEN. — genetiivus; IMP. — imperatiivus; IND. — indicatiivus; INF. — infinitiivus; M. — masculinum (genus); MED. — medialis; N. — neutrum (genus); NOM. — nominatiivus; PASS. — passivum; PF. — perfectum; PL. — pluralis; PPP. — participium perfectum passivum; SG. — singularis.

Авест. — авестийский; алб. — албанский; англ. — английский; араб. — арамейский; арм. — древнеармянский; арх. — архаический; болг. — болгарский; брет. — бретонский; в.-луж. — верхнелужицкий; валл. — валлийский; венетск. — венетский; галатск. — галатский; гот. — готский; греч. — древнегреческий; груз. — грузинский; диал. — диалектный; дор. — дорийский (дорический); др.-англ. — древнеанглийский; др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; др.-евр. — древнееврейский; др.-инд. — древнеиндийский; др.-ирл. — древнеирландский; др.-исл. — древнеисландский; др.-прусс. — древнепруссский; и.-е. — (пра)индоевропейский; ион. — ионийский (ионический); итал. — итальянский; картв. — картвельский; кельт. — пракеельтский; корн. — корнский; лат. — латинский; лит. — литовский; лтш. — латышский; н.-луж. — нижнелужицкий; нем. — немецкий; перен. — переносный; перс. — персидский; польск. — польский; прагерм. — прагерманский; праслав. — праславянский; пратох. — пратохарский; прич. — причастие; пск. — псковский; рус. — русский; рус. ц.-слав. — церковнославянский русского извода; самн. — самнитский; слвц. — словацкий; словен. — словенский; совр. — современный; ср.-брет. — средне-бретонский; ср.-ирл. — средне-ирландский; ст.-слав. — старославянский; стар. — старый; схрв. — сербохорватский; твер. — тверской; тох. А — тохарский А; тох. В — тохарский В; укр. — украинский; умбр. — умбрский; фалискск. — фалискский; фолькл. — фольклорный; хетт. — хеттский; чеш. — чешский; шум. — шумерский; эпич. — эпический.

Литература

- Болотов 2012 — С. Г. Болотов. Тройкое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2012. Т. XVI. Ч. 1. С. 84–107.
- Болотов 2014 — С. Г. Болотов. Тройкое отражение индоевропейских *сокращённых* долгих слоговых сонантов в латыни // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. Т. XVIII. Ч. 1. С. 40–51.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т. Г. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2-х тт. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.
- Дыбо 1961 — В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5. С. 9–34.
- Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М.: Наука, 1981.
- Дыбо 2006 — В. А. Дыбо. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (В защиту концепции Х. Педерсена) // И. С. Смирнов (ред.). Аспекты компаративистики. Вып. 2. М.: РГГУ, 2006. С. 11–27.
- Дыбо 2016 — В. А. Дыбо. Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков // Вопросы языкового родства. 2016. № 14. Ч. 1–2. С. 29–57.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Р. В. Булатова, В. А. Дыбо (ред.). Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 46–109.
- Откупщиков 2001 — Ю. В. Откупщиков. Очерки по этимологии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001.
- СЖВЯ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртено. Т. 1–4. СПб.; М.: товарищество М. О. Вольф, 1903–1911.
- Солопов 1994 — А. И. Солопов. Семантический спектр прилагательного *pulcher* (на материале текстов III в до н.э. — VII в н.э.). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1994.
- Трофимов 2019 — А. А. Трофимов. О рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни // Вопросы языкового родства. 2019. № 17. Ч. 3–4. С. 341–348.

- ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ЭССЯ — О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–42. М.: Наука, 1974–.
- Adams 1988 — D. Q. Adams. Tocharian Historical Phonology and Morphology. (American Oriental Series). New Haven: American Oriental Society, 1988.
- Adams 2013 — D. Q. Adams. A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged Edition. Amsterdam; NY: Rodopi, 2013.
- Beek 2011 — L. van Beek. The “Saussure effect” in Greek: A reinterpretation of the evidence // *The Journal of Indo-European Studies*. 2011. Vol. 39. № 1–2. P. 129–175.
- Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Bennett 1907 — Ch. E. Bennett. *The Latin language: A historical outline of its sounds, inflections, and syntax*. Boston: Allyn and Bacon, 1907.
- Brugmann 1897 — K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Erster Band: Einleitung und Lautlehre. Zweite Bearbeitung. Strassburg: Karl J. Trübner, 1897.
- CIL — *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berlin: Preussische Akademie der Wissenschaften apud G. Reimerum. 1862–.
- DELL — A. Ernout, A. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. 4 ed. Paris: Klincksieck, 2001.
- Derksen 1996 — R. Derksen. *Metatony in Baltic*. Amsterdam: Rodopi, 1996.
- Derksen 2008 — R. Derksen. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Dybo 2002 — V. A. Dybo. Balto-Slavic accentology and Winter’s law // A. S. Kasian, A. V. Sidel’tsev (eds.). *Studia Linguarum*. T. 3. Moscow: Yazyki slavyanski-kh kultur, 2002. P. 295–515.
- Endzelin 1911 — J. Endzelin. *Baltica* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1911. Bd. 44. S. 46–69.
- Fick 1911 — A. Fick. *Hesychglossen*. VII // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1911. Bd. 44. S. 336–353.
- GEW — H. Frisk. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: C. Winter, 1954–1972.
- IEW — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French; European Publications, 1959.
- Kazansky 2020 — N. N. Kazansky. *Conglutinate suffixes in Indo-European languages and PIE reconstruction problems* // L. Repanšek, H. Bichlmeier, V. Sadovski

- (eds.). *Vácāmsi miśrā kṛṇavāmahai*. Proceedings of the international conference of the Society for Indo-European Studies and IWoBA XII, Ljubljana 4–7 June 2019, celebrating one hundred years of Indo-European comparative linguistics at the University of Ljubljana. Hamburg: Baar-Verlag, 2020. P. 347–354.
- Klingenschmitt 1982 — G. Klingenschmitt. *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: L. Reichert, 1982.
- Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Kroonen 2013 — G. Kroonen. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Kuiper 1955 — F. B. J. Kuiper. Rigvedic loanwords. *Studia Indologica // O. Spies (ed.)*. Festschrift für Willibald Kirfel zur Vollendung seines 70. Lebensjahres. Bonn: Selbstverlag des Orientalischen Seminars der Universität Bonn, 1955. P. 219–241.
- Lachmann 1882 — K. Lachmann. *Caroli Lachmanni in T. Lucretii Cari De rerum natura libros commentarius quartum editus*. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1882.
- Latte 2018 — *Hesychii Alexandrini Lexikon*. Vol. 1. A–Δ. *Recensuit et emendavit Kurt Latte*; editionem alteram curavit Ian C. Cunningham. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018.
- Leumann et al. 1977 — M. Leumann, J. B. Hoffmann, A. Szantyr. *Lateinische Grammatik*. Bd. 1. *Lateinische Laut- und Formenlehre*. Neuausgabe 1977 der 1926–1928 in 5. Auflage erschienenen ‘Lateinischen Laut- und Formenlehre’. München: Beck, 1977.
- LEW — E. Fraenkel. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg; Göttingen: Carl Winter Universitätsverlag; Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965.
- LfgRE — B. Snell (ed.). *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Lief. 1–25. Göttingen: Vandenhoeck; Ruprecht, 1955–2010.
- LIV² — H. Rix, M. Kümmel, T. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. *Lexicon der indogermanischen Verben*. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage, bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Malzahn 2010 — M. Malzahn. *The Tocharian Verbal System*. Leiden: Brill, 2010.
- Matasović 2009 — R. Matasović. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden; Boston: Brill, 2009.
- ME — K. Mühlhbach; J. Endzelin. *Mühlenbachs lettisch-deutsches Wörterbuch*. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von Jānis Endzelīns. 4 Bde. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932.
- Meiser 2006 — G. Meiser. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. 2. Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006.
- Meiser 2018 — G. Meiser. [Chapter] VIII. *Italic // J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.)*. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics (HSK 41.2)*. Leiden: Brill, 2018. P. 733–874.

- Nikolaev 2021 — A. S. Nikolaev. Rhotic degemination in Sanskrit and the etymology of Vedic *ūrú-* ‘thigh’, Hittite ^{UZU}(*u*)*walla-* ‘id.’ // *Indo-European Linguistics*. 2021. Vol. 9. P. 1–32.
- Nussbaum 1986 — A. Nussbaum. *Head and Horn in Indo-European*. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 1986.
- Nussbaum 1997 — A. Nussbaum. The “Saussure Effect” in Latin and Italic // A. Lubotsky (ed.). *Sound Law and Analogy: Papers in honor of R. S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1997. P. 181–203.
- Oettinger 1979 — N. Oettinger. *Die Stammbildung des hethitischen Verbums*. Nürnberg: Hans Carl, 1979.
- OLD — P. W. Glare. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Olsen 1988 — B. Olsen. *The Proto-Indo-European Instrument Noun Suffix *-tlom and its Variants*. Copenhagen: Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1988.
- Orel 2003 — V. Orel. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Pinault 2017 — G.-J. Pinault. Tocharian *tsālp-* in Indo-European perspective // B. S. S. Hansen, A. Hyllested, A. R. Jørgensen, G. Kroonen, J. H. Larsson, B. N. Whitehead, T. Olander, T. M. Søbørg (eds.) *Usque ad Radices: Indo-European Studies in Honour of Birgit Anette Olsen*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2017. P. 643–658.
- Pronk 2011 — T. Pronk. The ‘Saussure effect’ in Indo-European languages other than Greek // *Journal of Indo-European Studies*. 2011. Vol. 39. № 1–2. P. 176–193.
- Prósper 2017 — B. M. Prósper. Proto-Italic laryngeals in the context *CLHC-* and new Italic etymological connections // *Rivista Italiana di Linguistica e Dialettologia*. 2017. Vol. XIX. P. 79–101.
- Schmitt 1881 — J. Schmidt. *Zwei arische a-laute und die palatalen* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1881. Bd. 5. S. 1–178.
- Schrijver 1991 — P. Schrijver. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991.
- SEJL — W. Smoczyński. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Wydanie drugie, poprawione i znacznie rozszerzone. In print.
- Sen 2012 — R. Sen. Exon’s Law and the Latin syncope // P. Probert, A. Willi (eds.). *Laws and Rules in Indo-European*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 205–226.
- Sen 2015 — R. Sen. *Syllable and Segment in Latin*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Sihler 1995 — A. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. NY Oxford: Oxford University Press, 1995.

- Skutsch 1900 — F. Skutsch. Zur Wortzusammensetzung im Lateinischen // Festschrift für C. F. W. Müller zum 70. Geburtstag gewidmet 22. Febr. 1900. Leipzig: B. G. Teubner, 1900. S. 82–100.
- Solopov 2002 — A. I. Solopov (Scatebranus). De uocabuli, quod est «pulcher», origine et significatione principali deque eius adiectiui gradibus et aetatibus ad Michaelem Gasparov Leonis f. Virum Clarissimum // Colloquia classica et indogermanica. 2002. Vol. 3. P. 235–252.
- Sommer 1914 — F. Sommer. Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre. Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins. Erster Band: Einleitung und Lautlehre. Heidelberg: C. Winter, 1914.
- Stang 1966 — Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1966.
- Steinbauer 1989 — D. H. Steinbauer. Untersuchungen zu den bei Plautus belegten Verben der lateinischen ersten Conjugation. Unter besonderer Berücksichtigung der Denominative. Dissertation Regensburg. Altendorf b. Bamberg: Druckerei Grabner, 1989.
- Stolz 1894 — F. Stolz. Historische Grammatik der lateinischen Sprache. 1 Bd.: Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre. 1 Hälfte: Einleitung und Lautlehre. Bearb. von H. Blase, G. Landgraf, J. H. Schmalz, Fr. Stolz, Jos. Thüssing, G. Wagener und A. Weinhold. Leipzig: Trübner, 1894.
- Strunk 1986 — K. Strunk. Miscellanea zum avestischen Verbum // R. Schmitt, P. O. Skjaervø (eds.). *Studia Grammatica Iranica*. Festschrift für Helmut Humbach. München: Kitzinger, 1986. S. 441–459.
- TLL = Thesaurus Linguae Latinae. Leipzig: Teubner, 1900–.
- Uhlenbeck 1899 — C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam: J. Müller, 1898/1899.
- Vaan 2008 — M. de Vaan. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Vendryes 1923 — J. Vendryes. Sur quelques faits de vocabulaire // *Revue celtique*. 1923. Vol. XL. P. 428–441.
- Walde 1921 — A. Walde. *Lateinische Etymologien // Indogermanische Forschungen*. 1921. Bd. 39. S. 74–93.
- Wallace 2018 — R. E. Wallace. *Venetic // J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.). Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics (HSK 41.3)*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. 2018. P. 1832–1839.
- Weiss 2009 — M. Weiss. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor; NY: Beech Stave Press, 2009.

- WH—A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann, Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger. Heidelberg: C. Winter, 1938–1956.
- WP—A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Herausgegeben und bearbeitet von Julius Pokorny. 2 Bde. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1927–1930.
- Zair 2017—N. Zair. The origins of *-urC-* for expected *-orC-* in Latin // *Glotta*. 2017. Bd. 93. S. 255–289.

References

- Adams 1988—D. Q. Adams. *Tocharian Historical Phonology and Morphology (American Oriental Series)*. New Haven: American Oriental Society, 1988.
- Adams 2013—D. Q. Adams. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged Edition*. Amsterdam; NY: Rodopi, 2013.
- Beek 2011—L. van Beek. The “Saussure effect” in Greek: a reinterpretation of the evidence. *The Journal of Indo-European Studies*. 2011. Vol. 39. No. 1–2. P. 129–175.
- Beekes 2010—R. S. P. Beekes. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Bennett 1907—Ch. E. Bennett. *The Latin Language: A historical outline of its sounds, inflections, and syntax*. Boston: Allyn and Bacon, 1907.
- Bolotov 2012—S. G. Bolotov. Troyakoe otrazhenie indoevropskikh dolgikh slogovykh sonantov v latyni [Triple reflexion of Proto-Indo-European long syllabic sonants in Latin]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2012. Vol. XVI. Pt. 1. P. 84–107.
- Bolotov 2014—S. G. Bolotov. Troyakoe otrazhenie indoevropskikh sokrashchennykh dolgikh slogovykh sonantov v latyni [Triple reflexion of Proto-Indo-European shortened syllabic sonants in Latin]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2014. Vol. XVIII. Pt. 1. P. 40–51.
- Brugmann 1897—K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Erster Band: Einleitung und Lautlehre*. Zweite Bearbeitung. Strassburg: Karl J. Trübner, 1897.
- CIL—*Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berlin: Preussische Akademie der Wissenschaften apud G. Reimerum. 1862–.
- DELL—A. Ernout, A. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. 4 ed. Paris: Klincksieck, 2001.
- Derksen 1996—R. Derksen. *Metatony in Baltic*. Amsterdam: Rodopi, 1996.

- Derksen 2008 — R. Derksen. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Dybo 1961 — V. A. Dybo. Sokrashchenie dolgot v kelto-italiyskikh yazykakh i ego znachenie dlya balto-slavyanskoy i indoevropeyskoy aktsentologii [The shortening of lengths in Celto-Italic languages and its importance for Balto-Slavic and Indo-European accentology]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. 1961. № 5. P. 9–34.
- Dybo 1981 — V. A. Dybo. *Slavyanskaya aktsentologiya. Opyt rekonstruktsii sistemy aktsentnykh paradigm v praslavyanskom* [Slavic accentology. An attempt to reconstruct the system of Proto-Slavic accentual paradigms]. Moscow: Nauka, 1981.
- Dybo 2002 — V. A. Dybo. Balto-Slavic accentology and Winter's law. A. S. Kassian, A. V. Sidel'tsev (eds.). *Studia Linguarum*. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2002. P. 295–515.
- Dybo 2006 — V. A. Dybo. Refleksy indoevropeyskikh slogovykh dolgikh plavnykh i nosovykh v kelto-italiyskikh yazykakh (V zashchitu kontseptsii H. Pedersena) [Reflexes of Proto-Indo-European syllabic long liquids and nasals in Celto-Italic languages (In defence of H. Pedersen's conception)]. I. S. Smirnov (ed.). *Aspekty komparativistiki* [Aspects of comparative studies]. Vol. 2. Moscow: Russian State University of Humanities Press, 2006. P. 11–27.
- Dybo 2016 — V. A. Dybo. Aktsentnaya sistema prakeltskogo yazyka na fone aktsentnykh sistem drugikh severo-zapadnykh indoevropeyskikh yazykov [Proto-Celtic accent system against the background of other north-western Indo-European languages]. *Journal of Language Relationship*. 2016. Vol. 14. Pt. 1–2. P. 29–57.
- Endzelin 1911 — J. Endzelin. Baltica. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1911. Bd. 44. S. 46–69.
- ESRYa = M. Vasmer. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. 4 vols. 2nd ed. Moscow: Progress, 1986–1987.
- ESSYa = O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (eds.). *Etimologicheskij slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyankiy leksicheskij fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka, 1974–.
- Fick 1911 — A. Fick. Hesyhglossen. VII. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1911. Bd. 44. S. 336–353.
- Gamkrelidze, Ivanov 1984 — T. Gamkrelidze, V. V. Ivanov. *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy* [Indo-European and the Indo-Europeans]. 2 vols. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University, 1984.
- GEW — H. Frisk. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: C. Winter, 1954–1972.
- IEW — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French; European Publications, 1959.

- Kazansky 2020 — N. N. Kazansky. Conglutinate suffixes in Indo-European languages and PIE reconstruction problems. L. Repanšek, H. Bichlmeier, V. Sadovski (eds.). *Vácāmsi miśrā kṛṇavāmahai. Proceedings of the international conference of the Society for Indo-European Studies and IWoBA XII, Ljubljana 4–7 June 2019, celebrating one hundred years of Indo-European comparative linguistics at the University of Ljubljana*. Hamburg: Baar-Verlag, 2020. P. 347–354.
- Klingenschmitt 1982 — G. Klingenschmitt. *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: L. Reichert, 1982.
- Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Kroonen 2013 — G. Kroonen. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Kuiper 1955 — F. B. J. Kuiper. Rigvedic loanwords. *Studia Indologica*. O. Spies (ed.). *Festschrift für Willibald Kirfel zur Vollendung seines 70. Lebensjahres*. Bonn: Selbstverlag des Orientalischen Seminars der Universität Bonn, 1955. P. 219–241.
- Lachmann 1882 — K. Lachmann. [Commentaria]. *Caroli Lachmanni in T. Lucretii Cari De rerum natura libros commentarius quartum editus*. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1882.
- Latte 2018 — *Hesychii Alexandrini Lexikon*. Vol. 1. A-Δ. Recensuit et emendavit Kurt Latte; editionem alteram curavit Ian C. Cunningham. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018.
- Leumann et al. 1977 — M. Leumann, J. B. Hoffmann, A. Szantyr. *Lateinische Grammatik. Bd. 1. Lateinische Laut- und Formenlehre. Neuausgabe 1977 der 1926–1928 in 5. Auflage erschienenen 'Lateinischen Laut- und Formenlehre'*. München: Beck, 1977.
- LEW — E. Fraenkel. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg; Göttingen: Carl Winter Universitätsverlag; Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965.
- LfgRE — B. Snell (ed.). *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Lief. 1–25. Göttingen: Vandenhoeck; Ruprecht, 1955–2010.
- LIV² — H. Rix, M. Kümmel, T. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. *Lexicon der indogermanischen Verben. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage, bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix*. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Malzahn 2010 — M. Malzahn. *The Tocharian Verbal System*. Leiden: Brill, 2010.
- Matasović 2009 — R. Matasović. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden; Boston: Brill, 2009.
- ME — K. Mühlenbach, J. Endzelin. *Mühlenbachs lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von Jānis Endzelīns*. 4 Bde. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932.

- Meiser 2006 — G. Meiser. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. 2. Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006.
- Meiser 2018 — G. Meiser. [Chapter] VIII. Italic. J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.). *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics (HSK 41.2)*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. P. 733–874.
- Nikolaev 1989 — S. L. Nikolaev. Balto-slavyanskaya aktsentuatziionnaya sistema i ee indoeuropeyskie istoki [Balto-Slavic accentual system and its Indo-European origins]. R. V. Bulatova, V. A. Dybo (eds.). *Istoricheskaya aktsentologiya i sravnitelno-istoricheskij metod* [Historic accentology and comparative method]. Moscow: Nauka, 1989. P. 46–109.
- Nikolaev 2021 — A. S. Nikolaev. Rhotic degemination in Sanskrit and the etymology of Vedic *ūrú-* ‘thigh’, Hittite ^{UZU}(u)walla- ‘id.’. *Indo-European Linguistics*. 2021. Vol. 9. P. 1–32.
- Nussbaum 1986 — A. Nussbaum. *Head and Horn in Indo-European*. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 1986.
- Nussbaum 1997 — A. Nussbaum. The “Saussure Effect” in Latin and Italic. A. Lubotsky (ed.). *Sound Law and Analogy: Papers in honor of R. S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1997. P. 181–203.
- Oettinger 1979 — N. Oettinger. *Die Stammbildung des hethitischen Verbums*. Nürnberg: Hans Carl, 1979.
- OLD — P. W. G. Glare. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Olsen 1988 — B. Olsen. *The Proto-Indo-European Instrument Noun Suffix *-tlom and its Variants*. Copenhagen: Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1988.
- Orel 2003 — V. Orel. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Otkupshchikov 2001 — Yu. V. Otkupshchikov. *Ocherki po etimologii* [Essays on etymology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2001.
- Pinault 2017 — G.-J. Pinault. Tocharian *tsälp-* in Indo-European perspective. B. S. S. Hansen, A. Hyllested, A. R. Jørgensen, G. Kroonen, J. H. Larsson, B. N. Whitehead, T. Olander, T. M. Søborg (eds.) *Usque ad Radices: Indo-European Studies in Honour of Birgit Anette Olsen*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2017. P. 643–658.
- Pronk 2011 — T. Pronk. The ‘Saussure effect’ in Indo-European languages other than Greek. *Journal of Indo-European Studies*. 2011. Vol. 39. No. 1–2. P. 176–193.
- Prósper 2017 — B. M. Prósper. Proto-Italic laryngeals in the context *CLHC-* and new Italic etymological connections. *Rivista Italiana di Linguistica e Dialettologia*. 2017. Vol. XIX. P. 79–101.
- Schmitt 1881 — J. Schmidt. Zwei arische *a*-laute und die palatalen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1881. Bd. 5. S. 1–178.

- Schrijver 1991 — P. Schrijver. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991.
- SEJL — W. Smoczyński. *Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wydanie drugie, poprawione i znacznie rozszerzone*. In print.
- Sen 2012 — R. Sen. Exon's Law and the Latin syncopes. P. Probert, A. Willi (eds.). *Laws and Rules in Indo-European*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 205–226
- Sen 2015 — R. Sen. *Syllable and Segment in Latin*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Sihler 1995 — A. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Skutsch 1900 — F. Skutsch. Zur Wortzusammensetzung im Lateinischen. *Festschrift für C. F. W. Müller zum 70. Geburtstag gewidmet 22. Febr. 1900*. Leipzig: B. G. Teubner, 1900. S. 82–100.
- Solopov 1994 — A. I. Solopov (Scatebranus). *Semanticheskiy spektr prilagatel'nogo pulcher* (na materiale tekstov III v. do n. e. — VII v. n. e.) [The semantic spectrum of adjective *pulcher* (based on texts dated III cent. BC — VII cent. AD)]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University Press, 1994.
- Solopov 2002 — A. I. Solopov (Scatebranus). De uocabuli, quod est «pulcher», origine et significatione principali deque eius adiectiui gradibus et aetatibus ad Michaelem Gasparov Leonis f. Virum Clarissimum. *Colloquia classica et indogermanica*. 2002. Vol. 3. P. 235–252.
- Sommer 1914 — F. Sommer. *Handbuch der Lateinischen Laut- und Formenlehre. Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins. Erster Band: Einleitung und Lautlehre*. Heidelberg: C. Winter, 1914.
- Stang 1966 — Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1966.
- Steinbauer 1989 — D. H. Steinbauer. *Untersuchungen zu den bei Plautus belegten Verben der lateinischen ersten Conjugation. Unter besonderer Berücksichtigung der Denominative*. Dissertation Regensburg (PhD thesis). Altendorf b. Bamberg: Druckerei Grabner, 1989.
- Stolz 1894 — F. Stolz. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache. 1 Bd.: Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre. 1 Hälfte: Einleitung und Lautlehre*. Bearb. von H. Blase, G. Landgraf, J. H. Schmalz, Fr. Stolz, Jos. Thüssing, G. Wagener und A. Weinhold. Leipzig: Trübner, 1894.
- Strunk 1986 — K. Strunk. Miscellanea zum avestischen Verbum. R. Schmitt, P. O. Skjærø (eds.). *Studia Grammatica Iranica. Festschrift für Helmut Humbach*. München: Kitzinger, 1986. S. 441–459.

- SZhVYa = V. I. Dal. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of Great Russian language]. 3 ed. Vol. 1–4. St. Petersburg; Moscow: To-varishchestvo M. O. Volf, 1903–1911.
- TLL = *Thesaurus Linguae Latinae*. Leipzig: Teubner, 1900–.
- Trofimov 2019 — A. A. Trofimov. O refleksakh praindoevropeyskikh dolgikh slogovykh sonantov v latyni [On the reflexes of Proto-Indo-European long syllabic sonants in Latin]. *Journal of language relationship*. 2019. Vol. 17. Pt. 3–4. P. 341–348.
- Uhlenbeck 1899 — C. C. Uhlenbeck. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*. Amsterdam: J. Müller, 1898/1899.
- Vaan 2008 — M. de Vaan. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Vendryes 1923 — J. Vendryes. Sur quelques faits de vocabulaire. *Revue celtique*. 1923. Vol. XL. P. 428–441.
- Walde 1921 — A. Walde. Lateinische Etymologien. *Indogermanische Forschungen*. 1921. Bd. 39. S. 74–93.
- Wallace 2018 — R. E. Wallace, Venetic, J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.). *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics (HSK 41.3)*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018. P. 1832–1839.
- Weiss 2009 — M. Weiss. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor; NY: Beech Stave Press, 2009.
- WH — A. Walde. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann, Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger. Heidelberg: C. Winter, 1938–1956.
- WP — A. Walde. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Herausgegeben und bearbeitet von Julius Pokorny. 2 Bde. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1927–1930.
- Zair 2017 — N. Zair. The origins of *-urC-* for expected *-orC-* in Latin. *Glotta*. 2017. Bd. 93. S. 255–289.

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлекцией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2022. — Т. 18. Ч. 3. — 264 с.

Подписано к печати 15.12.2022

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 16,5 Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

